

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук**

**Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»**

ООО «Омега-Пресс»

ГУМАНИТАРИЙ ЮГА РОССИИ

Научно-образовательный журнал

Том 12

№ 1 (59)

2023

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА**

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. В. Атанесян – д. полит. н., проф. (Ереван, Армения); *Н. С. Бондарь* – д. ю. н., проф. (Санкт-Петербург); *М. А. Боровская* – д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону); *Ш. А. Гапуров* – д. ист. н., проф. (Грозный); *М. К. Горшков* – академик РАН (Москва); *Р. С. Гринберг* – член-корреспондент РАН (Москва); *И. А. Гуськов* – д. социол. н., проф. (Ростов-на-Дону); *А. Т. Гыязов* – к. э. н., проф. (Бишкек, Киргизия); *В. И. Колесников* – академик РАН (Ростов-на-Дону); *С. А. Кравченко* – д. социол. н., проф. (Москва); *Н. Г. Кузнецов* – д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону); *Ван Лэй* – д. ист. н., доц. (Чанчунь, Китай); *А. Л. Маршак* – д. филос. н., проф. (Москва); *Г. Г. Матишов* – академик РАН (Ростов-на-Дону); *А. В. Миронов* – д. социол. н., проф. (Москва); *А. Е. Мкртчян* – д. филос. н., проф. (Ереван, Армения); *Н. Г. Скворцов* – д. социол. н., проф. (Санкт-Петербург); *Г. Сросляк* – д. э. н., проф. (Краков, Польша); *Л. Г. Титаренко* – д. социол. н., проф. (Минск, Беларусь); *Ж. Т. Тощенко* – член-корреспондент РАН (Москва); *Лю Цзайци* – д. полит. н., проф. (Ухань, Китайская Народная Республика); *Е. М. Харитонов* – академик РАН (Краснодар); *Р. Д. Хунагов* – д. социол. н., проф. (Майкоп)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. Х. Акаев – д. филос. н., проф. (Грозный); *В. Н. Бадмаев* – д. филос. н., проф. (Элиста); *Т. И. Барсукова* – д. социол. н., проф. (Ставрополь); *А. В. Бедрик* – к. социол. н. (Ростов-на-Дону); *М. И. Билалов* – д. филос. н., проф. (Махачкала); *А. В. Верещагина* – д. социол. н., проф. (Ростов-на-Дону); *К. В. Воденко* – д. филос. н., проф., зам гл. редактора (Новочеркасск); *В. В. Касьянов* – д. социол. н., д. ист. н., проф. (Краснодар); *И. В. Ковтуненко* – д. филолог. н., доц. (Ростов-на-Дону); *Ю. С. Колесников* – д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону); *А. М. Кумыков* – д. филос. н., проф. (Нальчик); *Е. Г. Попкова* – д. э. н., проф. (Волгоград); *И. М. Сампиев* – д. полит. н., проф. (Магас)

РЕДАКЦИЯ

А. А. Беспалова – к. социол. н., редактор-переводчик; *В. П. Войтенко* – к. филос. н., перв. зам гл. редактора; *А. Н. Дьяченко* – к. филос. н., ответственный секретарь; *Е. А. Гринченко* – технический редактор – переводчик

Адрес редакции: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.
Тел. (863) 219-97-25. E-mail: gursfedu@rambler.ru

**Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences**

Southern Federal University

Omega-Press

**HUMANITIES OF THE SOUTH
OF RUSSIA**

Scientific-educational journal

Vol. 12

N 1 (59)

2023

EDITOR-IN-CHIEF

Volkov Yury Grigor'evich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Honored worker of Science of Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

A. V. Atanesyan – Dr. Sci. (Polit.), Prof. (Yerevan, Armenia); **N. S. Bondar'** – Dr. Sci. (Jur.), Prof. (Saint Petersburg); **M. A. Borovskaya** – Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Rostov-on-Don); **Sh. A. Gapurov** – Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Grozny); **M. K. Gorshkov** – Academician, Russian Academy of Science (Moscow); **R. S. Grinberg** – Corresponding Member, Russian Academy of Science (Moscow); **I. A. Gus'kov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Rostov-on-Don); **A. T. Giyasov** – Cand. Sci. (Econ.), Prof. (Bishkek, Kyrgyzstan); **V. I. Kolesnikov** – Academician, Russian Academy of Science (Rostov-on-Don); **S. A. Kravchenko** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **N. G. Kuznetsov** – Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Rostov-on-Don); **Wang Lei** – Dr. Sci. (Hist.), Associate Prof. (Changchun, China); **A. L. Marshak** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **G. G. Matishov** – Academician, Russian Academy of Science (Rostov-on-Don); **A. V. Mironov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **A. E. Mkrtchyan** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Yerevan, Armenia); **N. G. Scvorcov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Saint Petersburg); **G. Sroslak** – Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Cracow, Poland); **L. G. Titarenko** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Minsk, Republic of Belarus); **J. T. Toshchenko** – Corresponding Member, Russian Academy of Science (Moscow); **Liu Tszaytsi** – D. Sci. (Polit.), Prof. (Wuhan, China); **E. M. Kharitonov** – Academician, Russian Academy of Science (Krasnodar); **R. D. Hunagov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Maikop)

EDITORIAL BOARD

V. H. Akaev – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **V. N. Badmaev** – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **T. I. Barsukova** – Dr. Sci. (Soc.), Prof.; **A. V. Bedrik** – Cand. Sci. (Soc.) (Rostov-on-Don); **M. I. Bilalov** – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **A. V. Vereshchagina** – Dr. Sci. (Soc.), Prof.; **K. V. Vodenko** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Deputy of Editor-in-Chief; **V. V. Kas'janov** – Dr. Sci. (Soc.), Dr. Sci. (Hist.), Prof.; **I. V. Kovtunenکو** – Dr. Sci. (Philolog.), Ass. Prof. (Rostov-on-Don); **U. S. Kolesnikov** – Dr. Sci. (Econ.), Prof.; **A. M. Kumykov** – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **E. G. Popkova** – Dr. Sci. (Econ.), Prof.; **I. M. Sampiev** – Dr. Sc. (Polit.), Prof.

EDITORIAL STAFF

A. A. Bespalova – Cand. Sci. (Soc.), Editor and Interpreter; **V. P. Voytenko** – Cand. Sci. (Philos.), First Deputy of Editor-in-Chief; **A. N. D'jachenko** – Cand. Sci. (Philos.), Assistant Editor; **E. A. Grinchenko** – Technical Editor and Interpreter

The address of edition: Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don, 344006.
Ph. (863) 219-97-25. E-mail: gursfedu@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям 9

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Гурба В. Н. Терроризм в современном обществе: факторы распространения 16

Разов П. В., Скворцов Н. Г. Молодежные общественные организации в региональном социуме как ресурс консолидации российского общества 26

Хунагов Р. Д. Консолидация российского регионального сообщества: анализ рисков и угроз 39

Шевченко О. М. Цифровое неравенство в современном российском обществе: уровни и социальные последствия 54

ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО

Захарова В. А., Эмирбекова Э. Э. Экофильность как ментальная основа жизнеутверждающей стратегии развития современной России: философская рефлексия 66

Золотухина-Аболина Е. В. Философские проблемы творчества: попытки обзора 75

Каширина О. В. Контуры целесообразного будущего практической философии и культурологии в контексте многополярности 88

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Карпова Н. К., Мареев В. И., Петрова Н. П. Феноменология герменевтической практики современного образования 98

Рожкова Л. В., Сальникова О. В. Роль высших учебных заведений в развитии патриотических ценностей молодежи в современных условиях 109

Титаренко Л. Г. Изменяющаяся ценность высшего образования: сравнительный анализ Беларуси, России, Китая 124

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Воденко К. В., Гурба В. Н. Гендерный аспект социально-инвестиционного развития региона: теория, методология, практика 142

Мищенко Д. Н., Дюжиков С. А. Профессиональная мобильность российской молодежи: ключевые риски 159

Узунов В. В. Социальная консолидация как фактор инновационного развития регионов Юга России (по результатам экспертного опроса)	174
--	-----

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ

Киреева И. В., Куква Е. С., Ляужева С. А. Региональная политика идентичности в Республике Адыгея и Краснодарском крае (по материалам исследования методом фокус-группы)	189
Магомедов М. Г., Мукомель В. И. Роль концепта экологизма в формировании социокультурного кода поведения молодых крымчан	202
Чернова И. Б., Галанина Н. В. Две стороны аффективной сферы исламской идентичности.....	212

КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Агапова Е. А., Гущина Л. В. Механизмы формирования современной деструктивной реальности: социально-когнитивный аспект	224
Самыгин С. И. Массовый спорт в современной России: новые вызовы и перспективные направления развития	235
Штофер Л. Л., Шевченко О. М. Проблема консенсуса государства и гражданского общества в России: социальные противоречия и перспективы	244

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

80 лет И. П. Чернобровкину	254
70 лет Е. В. Золотухиной-Аболиной	256
70 лет Л. Г. Титаренко	258
70 лет Р. Д. Хунагову	261
65 лет А. В. Дятлову	263
Правила для авторов	265

CONTENT

To the readers..... 9

MODERN RUSSIAN SOCIETY

Gurba V. N. Terrorism in modern society: factors of spread 16

Razov P. V., Skvortsov N. G. Youth public organizations in regional society as a resource for consolidation of Russian society 26

Hunagov R. D. Consolidation of the Russian regional community: risk and threat analysis..... 39

Shevchenko O. M. Digital divide in modern Russian society: levels and social consequences 54

PHILOSOPHY AND SOCIETY

Zakharova V. A., Emirbekova E. E. Ecophilicity as the mental basis of a life-affirming strategy for the development of modern Russia: philosophical reflection..... 66

Zolotukhina-Abolina E. V. Philosophical problems of creativity: review attempt..... 75

Kashirina O. V. The contours of an expedient future in practical philosophy and cultural studies in the context of multipolarity 88

HIGHER EDUCATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Karpova N. K., Mareev V. I., Petrova N. P. Phenomenology of hermeneutical practice of modern education 98

Rozhkova L. V., Salnikova O. V. The role of higher educational institutions in development of youth patriotic values in modern conditions 109

Titarenko L. G. The changing value of higher education: comparative analysis of Belarus, Russia, China..... 124

SOCIAL STRUCTURE AND SOCIAL INSTITUTIONS IN MODERN SOCIETY

Vodenko K. V., Gurba V. N. Gender aspect of social and investment development of the region: theory, methodology, practice 142

Mishchenko D. N., Dyuzhikov S. A. Professional mobility of Russian youth: key risks 159

Uzunov V. V. Social consolidation as a factor of innovative development of the regions of the South of Russia (according to the results of an expert survey)..... 174

SOCIO-POLITICAL AND ETHNIC PROCESSES IN THE SOUTH OF RUSSIA

Kireeva I. V., Kukva E. S., Lyaushev S. A. Regional identity policy in the Republic of Adygea and Krasnodar region (based on focus-group discussion).....	189
Magomedov M. G., Mukomel V. I. The role of the concept of greening in the formation of the socio-cultural code of behavior of young Crimeans	202
Chernova I. B., Galanina N. V. Two sides of the affective sphere of Islamic identity	212

CULTURE AND GLOBALIZATION

Agapova E. A., Gushchina L. V. Mechanisms of the formation of modern destructive reality: socio-cognitive aspect	224
Samygin S. I. Mass sports in modern Russia: new challenges and promising areas of development	235
Shevchenko O. M., Shtofer L. L. The problem of consensus between the state and civil society in Russia: social contradictions and prospects	244

ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST

80 years of I. P. Chernobrovkin.....	254
70 years of E. V. Zolotukhina-Abolina	256
70 years of L. G. Titarenko.....	258
70 years of R. D. Hunagov	261
65 years of A. V. Dyatlov	263
Rules for authors	265

К ЧИТАТЕЛЯМ

EDN AMCUBO

Уважаемые читатели, коллеги!

Представляем Вашему вниманию первый выпуск журнала «Гуманитарий Юга России» в 2023 году. Указом Президента Российской Федерации текущий год объявлен годом педагога и наставника. Учитывая геополитические трансформации, а также социально-экономические вызовы, с которыми сталкивается не только Россия, но и все мировое сообщество, чрезвычайно важно признавать особый статус педагогических работников, миссию наставничества и повышать престиж профессии учителя. Это работа длинная, трудная, не завершающаяся с концом календарного тематического года. Редакция журнала всегда открыта для коллег-педагогов, а также авторов, серьезно, глубоко исследующих социальные проблемы школы, образования, воспитания.

Настоящий номер мы открываем традиционной рубрикой «Современное российское общество» и очень актуальной статьей В. Н. Гурбы «Терроризм в современном обществе: факторы распространения», в которой автор предлагает различать понятия «терроризм» и «террор» в теоретическом и практическом планах. Терроризм следует рассматривать как систему террористических действий, направленных на конкретный объект, индивидов или социальную группу (этническую, религиозную, сословие, класс, общество в целом, граждан государства, государственное образование в целом). Терроризм осуществляется конкретным субъектом как индивидуальный, так и группой лиц по сговору, социально-политической или экстремистско-религиозной организацией, политическим режимом, а также по мотивам действий. С позиций любого законодательства терроризм является преступлением, но в то же время террор, реализуемый политическим режимом, получает тем самым легитимацию, оставаясь аморальным с позиций общечеловеческого гуманизма, но именно поэтому он нуждается в идеологическом обосновании. В результате терроризм раскрывает себя как система политических акций, имеющих «целесообразное» идеологическое обоснование и нацеленных на уничтожение части, унижение и запугивание всего своего социального объекта. Факторами, инициирующими терроризм, выступают: политическая нестабильность, недостаток мер обеспечения общественной безопасности, ошибки в проведении государственной

политики, манипуляция общественным сознанием со стороны экстремистских организаций.

Работа авторов П. В. Разова и Н. Г. Скворцова о молодежных организациях в региональном социуме показывает, что консолидация российского общества представляется в качестве процесса интеграции населения страны на основе имеющихся у граждан одинаково значимых для них ценностей и целей развития общества. К ресурсам, которые могут послужить консолидации российского общества, относятся: традиционные духовно-нравственные ценности, накопление культурно-исторического опыта, противостояние рискогенным ситуациям, гражданская активность. В России активно развиваются молодежные общественные объединения, членами которых становится большое количество молодежи, заинтересованной в развитии интеллектуального, творческого и профессионального потенциала страны. Благодаря участию молодежи в деятельности молодежных общественных объединений в обществе будет появляться все больше активных, сознательных граждан, которые стремятся к собственному развитию и способствуют процветанию государства за счет трансляции одинаково значимых для них ценностей и целей развития общества.

Далее следует материал одного из ведущих социологов в Республике Адыгея Р. Д. Хунагова, в котором автор рассматривает консолидационные процессы, реализуемые с участием регионального сообщества, на предмет потенциальных рисков и угроз для устойчивого развития региона и государства. На основе концептуальных положений общества риска (У. Бек, О. Н. Яницкий), институциональной концепции Д. Норта, а также культурологического направления теории доверия как инструмента измерения социального капитала П. Штомпки, Ф. Фукуямы, в статье раскрыты риски и угрозы, потенциально содержащиеся в консолидационных процессах российского регионального сообщества. Они связаны с возможностью деструктивной направленности консолидации, воздействием внешних социальных агентов, неправильной оценкой уровня консолидации и, как следствие, реализацией неподходящей стратегии развития региона.

Не менее актуальна и очень интересна статья О. М. Шевченко. На страницах нашего журнала автор рассматривает проблему цифрового неравенства в современном российском обществе, в которой отмечает, что тотальная цифровизация общества сопровождается появлением и углублением цифрового неравенства, которое сегодня носит многоуровневый характер, проявляясь в форме глобальной, национальной и индивидуальной асимметрии в уровне доступности цифровых технологий для стран, регионов, поселенческих общностей и отдельных категорий

населения. Цифровое неравенство представляет собой многомерное явление, которое отражает не только показатели доступности цифровой инфраструктуры для различных акторов, но и их возможности пользоваться иными жизненно важными ресурсами, которые могут обеспечить как экономическое развитие страны, так и социальное благополучие человека.

Традиционную рубрику «Философия и общество» открывает статья В. А. Захаровой и Э. Э. Эмирбековой «Экофильность как ментальная основа жизнеутверждающей стратегии развития современной России: философская рефлексия», в которой представлено философское обоснование понятия экофильности, являющегося предметом современного научного дискурса. Впервые в рамках этого дискурса осмысливается ее императивное значение как ментальной основы жизнеутверждающей стратегии развития современной России. Раскрывается системообразующая роль экофильности в процессе формирования инновационного технологического уклада в нашей стране в качестве ключевого условия обеспечения высоких стандартов безопасности и комфортной жизни россиян.

Статья Е. В. Золотухиной-Аболиной представляет собой краткий обзор философских проблем творчества. Автор подчеркивает важность рассмотрения избранного сюжета в свете темы искусственного интеллекта, работой которого пытаются заменить человеческий творческий поиск. Под творчеством в статье понимается создание нового – способность к активной «инаковости», нетривиальность ходов, оригинальность видения, присущие и искусству, и инженерии, и науке. Особо подчеркивается, что активное творчество в различных областях культуры фундируется общечеловеческой способностью к постоянному смыслообразованию, которое находит выражение в постоянной интерпретации любых артефактов, а также в свойстве продуктивности (Э. Фромм) – способности «оживлять» окружающий мир, делать его игровым и интересным.

Актуальность статьи О. В. Кашириной «Контуры целесообразного будущего практической философии и культурологии в контексте многополярности» вызвана острой необходимостью обеспечить информационную безопасность России в формирующемся многополярном мире, обостряющем информационные войны, а также жизненной потребностью согласованного развития (коэволюции) Общества и Природы, их динамического равновесия. Разрабатываемая ранее в статьях практическая философия предполагает обмен информацией (языковой, смысловой, визуальной, событийной, ситуативной, системной и т. п.) не только Человека с Человеком, но Человека с Природой и Обществом, все это рассматривается в концепте «культуры целесообразного будущего». Автор приходит к выводу, что конструируя контуры целесообразного будущего,

современная российская практическая философия и культурология рассматривают внешнюю и внутреннюю целесообразность в сохранении ноосферного патриотизма России в качестве великой державы – как феномена культуры ноосферного самосознания цивилизационных субъектов одной или многих стран, обеспечивающего их сплоченность в своем стремлении решать повседневные национально-государственные проблемы как глобальные, так и современные, в интересах всех народов и государств.

Рубрику «*Высшее образование: проблемы и перспективы*» открывает материал «Феноменология герменевтической практики современного образования». Коллектив авторов – Н. К. Карпова, В. И. Мареев, Н. П. Петрова – конкретизировали определение категории «жизненный мир»; определили герменевтику и феноменологию формами дискурсивных практик в плане обращения к субъекту; осмыслили опыт, раскрывающий завершенность понимания формой знания; конкретизировали базовые идеи реализации герменевтического подхода в современной образовательной практике; сформулировали характеристики технологического аспекта феноменологической герменевтической практики; обосновали культурологические ориентиры герменевтической практики педагогики и современного образования метапринципами.

Л. В. Рожкова и О. В. Сальникова подготовили статью «Роль высших учебных заведений в развитии патриотических ценностей молодежи в современных условиях», в которой приведены результаты авторских количественных и качественных социологических исследований патриотизма студенческой молодежи за 2013, 2020, 2022 гг. Авторы фиксируют средний уровень развития патриотических ценностей студенческой молодежи. Для студентов приоритет в понимании патриотизма отдается ценностным, эмоциональным составляющим патриотизма. Университетам сегодня отводится важная роль в формировании патриотических ценностей. В вузах сформирована институциональная система по воспитанию патриотизма у молодежи, проводятся различные мероприятия патриотической направленности, однако система оценки их эффективности в полной мере не реализуется.

Член нашего международного редакционного совета Л. Г. Титаренко в своей работе «Изменяющаяся ценность высшего образования: сравнительный анализ Беларуси, России, Китая» рассматривает взаимосвязь между получением высшего образования, включая равенство доступа к нему для разных групп молодежи, и расслоением доходов населения в трех странах – Беларуси, России и Китае. Целью исследования является выявление изменений в представлениях о ценности высшего

образования в массовом сознании молодых белорусов, россиян и китайцев, с учетом возможностей его получения. Структура статьи состоит из трех кейсов, в каждом из которых раскрыта исследовательская проблема в приложении к одной из стран. Показано, что, несмотря на различия в образовательных стратегиях молодежи трех стран и в факторах, которые оказывают влияние на эти стратегии, у всей молодежи можно наблюдать рост прагматизма в отношении получения высшего образования и последующего трудоустройства. В будущем необходимо продолжить исследование этой проблемы, чтобы, во-первых, предотвратить возможное уменьшение притока молодежи в вузы, во-вторых, заранее выявлять и минимизировать потенциальную угрозу влияния дальнейшего социального расслоения населения на процессы социальной интеграции в обществе.

Далее наш текущий номер продолжает раздел *«Социальная структура и социальные институты в современном обществе»* и статья авторов К. В. Воденко и В. Н. Гурбы *«Гендерный аспект социально-инвестиционного развития региона: теория, методология, практика»*, в которой подчеркивается, что социально-инвестиционное развитие региона формирует запрос на пропорциональные гендерные отношения. Как отмечают авторы статьи, в процессе реализации социально-инвестиционных проектов выясняется, что общественное и деловое участие женщин нельзя сводить к взаимодействию региональных структур и женских движений, организаций. Важным моментом является отношение к социально-инвестиционной активности женщин со стороны основных субъектов регионального социума и прежде всего региональных элит. Готовность к социально-инвестиционному участию в контексте гендерных отношений, делают выводы авторы, показывает, что гендерный аспект описываемого процесса основывается на создании условий для гендерного конструкта, в котором просматриваются перспективы общего контура действий и целей.

Работы авторов Д. Н. Мищенко, С. А. Дюжикова и В. В. Узунова о профессиональной мобильности российской молодежи и социальной консолидации развития регионов Юга России, надеемся, вызовут у читателя особый интерес.

Раздел *«Социально-политические и этнические процессы на Юге России»* представлен коллективной публикацией И. В. Киреевой, Е. С. Куквы и С. А. Ляушевой, в которой рассматривается региональная политика идентичности в Республике Адыгея и Краснодарском крае на современном этапе. Проведенное исследование основывается на положениях о многоуровневости идентичностей, междисциплинарности и системном подходе. Введены новые эмпирические данные, раскрывающие

суть региональной политики идентичности в обозначенных регионах на современном этапе, которые получены по итогам исследования методом проведения фокус-группы. Качественный анализ текстов группового интервью позволил проанализировать шесть групп эмпирических индикаторов: роль власти в политике идентичности, специфику региональной политики идентичности, развитие национально-гражданской идентичности, совместимость идентичностей, практики региональной политики идентичности, перспективы региональной политики идентичности.

Статья М. Г. Магомедова и В. И. Мукомеля «Роль концепта экологизма в формировании социокультурного кода поведения молодых крымчан» раскрывает типичные формы молодежных социальных практик, способствующие преодолению барьеров, препятствующих смене парадигмы ценностной ориентации молодых россиян с потребительской на экофильно-креативную, гармонизации этноконфессиональных отношений.

Наши московские коллеги – И. Б. Чернова и Н. В. Галанина – анализируют аффективные факторы, наиболее эффективно используемые для формирования исламской идентичности. В статье предложена система взаимосвязанных аффективных факторов исламской идентичности, показывающая, как одни и те же чувства могут провоцировать различные по социальному значению действия и влиять на формирование личности верующего.

Далее следует раздел «*Культура и глобализация*» и статья Е. А. Агаповой и Л. В. Гущиной «Механизмы формирования современной деструктивной реальности: социально-когнитивный аспект». В статье на примере поколения Z показаны кризисные моменты восприятия и передачи информации. Представлены характерные черты современной цифровой коммуникации, развитые в период снижения межличностного взаимодействия: дистанцированность, смысловая неопределенность и фантомность. Доступность информации и ее чрезмерность приводят к отсутствию мотивации, критическому мышлению представителей поколения информационного общества, поверхностному восприятию, а также снижению общего уровня культуры и образованности.

В публикации С. И. Самыгина анализируются особенности и перспективные направления развития массового спорта в современном российском обществе. Автор показывает, что массовый спорт выступает в качестве важного средства оздоровления вовлеченных в него индивидов, повышения их работоспособности, возможности эффективно адаптироваться к условиям постоянно меняющейся внешней среды. Отмечается, что уровень вовлеченности различных групп населения в массовые спортивные занятия обусловлен факторами объективного и субъективного

характера. Кроме того, подчеркивается, что устойчивый интерес к спортивно-оздоровительной деятельности может быть достигнут посредством активной деятельности современных средств массовой информации, направленной на пропаганду и популяризацию спорта и здорового образа жизни.

Завершает рубрику публикация Л. Л. Штофер и О. М. Шевченко «Проблема консенсуса государства и гражданского общества в России: социальные противоречия и перспективы». Для успешного инновационного развития страны в равной мере не подходят как попытки законсервировать патерналистскую модель отношений государство – общество, так и насадить исторически чуждую России западно-либеральную модель. Путь России – это путь непростого диалога между властью и обществом в целях достижения их долгосрочного консенсуса.

По установленной традиции в разделе «Юбилей ученого» мы поздравляем членов нашего редакционного совета доктора социологических наук, профессора Л. Г. Титаренко из Республики Беларусь, доктора социологических наук, профессора Р. Д. Хунагова из Республики Адыгея, а также постоянных авторов доктора философских наук, профессора И. П. Чернобровкина, доктора философских наук, профессора Е. В. Золотухину-Аболину, а также доктора социологических наук, профессора А. В. Дятлова с «персональным праздником» и желаем крепкого здоровья, благополучия, творческих успехов и научных побед!

*Главный редактор
журнала «Гуманитарий Юга России»
Ю. Г. Волков*

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 316.4

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.1
EDN BVDZYG

Тип статьи в журнале – научная

ТЕРРОРИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

TERRORISM IN MODERN SOCIETY: FACTORS OF SPREAD

© 2023 г.

В. Н. Гурба*

© 2023

V. N. Gurba*

* *Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

* *Institute of Sociology and Regional
Studies of the Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования. Изучение проблем современного терроризма и факторов его распространения.

Objective of the study. The study of the problems of modern terrorism and the factors of its spread.

Методологическая база исследования. В статье используются методологические принципы системности и историзма, методологические подходы структурно-функционального анализа, бихевиоризма, интеракционизма, субъектно-личностного и информационно-коммуникативного подходов, которые создают методологический конструкт, позволяющий исследовать виды и факторы терроризма.

The methodological basis of the research. The article applies the methodological principles of system and historicism, methodological approaches of structural and functional analysis, behaviorism, interactionism, subjective-personal and information-communicative approaches form a methodological construct that allows to study the types and factors of terrorism.

Результаты исследования. Борьба с терроризмом и проявлениями экстремизма привела к накоплению обильного эмпирического материала. Однако его теоретическое осмысление все еще оказывается неполным, что затрудняет целенаправленную деятельность по предупреждению экстремистских проявлений, террористических актов и обнаружению скрытых ячеек террористических организаций. При условии

Research results. The fight against terrorism and extremism has led to the accumulation of abundant empirical material. However, its theoretical understanding is still incomplete, which makes it difficult to purposefully prevent extremist manifestations, terrorist acts and the detection of hidden cells of terrorist organizations. Given the formation of a socio-philosophical concept of the study of terrorism, its modern types, forms and methods of

формирования социально-философской концепции исследования терроризма, его современных видов, форм и способов организации террора и отдельных террористических актов эффективность деятельности спецслужб оказалась бы более успешной.

Перспективы исследования. Современный терроризм предстает как сложное, конфликтное и многоаспектное явление социально-политического характера, требующее серьезной системно-комплексной работы научных кадров. А борьба с социальными и политическими проблемами является единственным способом реально избежать террористических угроз.

Ключевые слова: терроризм; террор; социальный институт власти; социальный механизм управления; манипуляция общественным сознанием; экстремизм.

organizing terror and individual terrorist acts, the effectiveness of the activities of the special services would be more successful.

Prospects of the study. Modern terrorism appears to be a complex, conflicting and multidimensional phenomenon of a socio-political nature, requiring serious systematic and complex work of scientific personnel. And the fight against social and political problems is the only way to really avoid terrorist threats.

Keywords: terrorism; terror; social institution of power; social management mechanism; manipulation of public consciousness; extremism.

Введение

В современных условиях, когда политическая ситуация во всем мире приобретает состояние устойчивой многополярности, терроризм становится одной из самых основных угроз ее стабильности. В России для применения более эффективных мер в борьбе с терроризмом и террористическими явлениями пристальное внимание уделяется учету факторов, способствующих его распространению.

В самом широком смысле терроризмом принято называть использование преднамеренных насильственных действий в целях достижения политических или других целей. Появление феномена «терроризм» относят ко времени Французской революции конца XVIII века, который стал широко распространяться на международном уровне, хотя как явление существовал, по всей видимости, с доисторических времен. Страх является одной из самых сильных эмоций, что делает угрозой применения насилия вплоть до лишения жизни мощным механизмом социального управления, а террор – социальным институтом, обеспечивающим функционирование социального института власти, но следует сразу оговориться, не единственным и далеко не всегда эффективным.

Методология исследования основывается на принципах системности и историзма, методологических подходах структурно-функционального анализа, бихевиоризма, интеракционизма, субъектно-личностного и информационно-коммуникативного подходов.

Результаты и дискуссия

В российском законодательстве используются следующие понятия терроризма:

– Во-первых, использование пропаганды идей терроризма, деятельность по распространению материалов или информации, которые активно призывают к реализации террористических действий или же аргументирующих или оправдывающих возможность исполнения такого рода деятельности;

– Во-вторых, терроризм как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения властными органами или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий;

– В-третьих, создание незаконных вооруженных банд или формирований и преступных организаций в целях реализации террористических деяний¹.

При всей справедливости подхода, реализованного в российском законодательстве, все же в определение терроризма необходимо дополнительно ввести ориентационные индикаторы – по отношению к объекту террористической деятельности (на кого она направлена), по отношению к субъекту деятельности (кем она осуществляется) и с позиций ее мотивации (ради чего, с какой целью осуществляются террористические действия).

В этом смысле, в первую очередь, следует развести понятия «террор» и «терроризм». Эти понятия, безусловно, связаны друг с другом, но не являются синонимами. Главной отличительной чертой явления «терроризм» выступает то, что со стороны законодательства определяется как преступление. При этом как преступление терроризм выглядит не только с точки зрения конкретного законодательства и даже любого законодательства любой из стран мира и вне временных рамок, но и как преступление против человечности, т. е. как действие, противоречащее моральным нормам в их общечеловеческом измерении. Иначе говоря, терроризм не имеет оправдания, каким бы мотивом ни прикрывался, но именно поэтому всегда ищет моральное обоснование посредством какой-либо идеологии. С этой стороны терроризм раскрывает себя как система политических акций, имеющих «целесообразное» идеологическое обоснование, нацеленная на уничтожение части, унижение и запугивание всего своего социального объекта.

¹ О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ. Ст. 3. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=316809> (дата обращения: 08.01.2023).

Соответственно, терроризм может быть «индивидуальным» – направленным на отдельных индивидов, обладающих определенными качествами, явно отличающимися их от прочих представителей своей социальной группы; может быть массовым – направленным против какой-либо социальной группы в целом или даже населения целой территории, этноса, религиозной группы, граждан государства и государственного образования.

Субъектом терроризма может выступать социальная группа, объединившаяся по сговору, социально-политическая организация, политический режим, использующий репрессивные функции государственного механизма.

Понятие «террор» включает любой способ действия субъекта, будь то государство, организация, физическое лицо или группа лиц с возможностью использования насилия, угроз или устрашающих действий вплоть до убийства. Понятие «террор» часто отождествляется с понятиями массового насилия со стороны субъектов власти – «агрессия», «геноцид», «война», и естественно коррелируется с такими понятиями, как «идеологический», «государственный», «внесудебный и административный» террор. Такой, например, анализ понятий дается российским исследователем В. П. Емельяновым (Емельянов, 1997).

В Толковом словаре В. И. Даля, который не обошел вниманием этот термин и обозначаемое им явление, акцент делается на нацеленность терроризма на устрашение смертью или насилием, поэтому в научном анализе трактуется им ближе к понятию «терроризировать», в отличие от С. И. Ожегова, который склонен к уточнению такой детали как физическое насилие до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам.

Г. М. Миньковский и В. П. Ревин дают характеристику терроризма в качестве социально-правового явления, требующего выработки его определения (Миньковский, Ревин, 1997). Авторы выделяют в качестве основных элементов терроризма такие характеристики, как цель, причины и мотив явления, содержание и действие, намечаемые и реальные последствия. Ю. И. Авдеев, В. В. Арсеньев и В. Н. Найденко трактуют терроризм как «систему использования насилия в целях достижения политических целей с помощью принуждения государственных органов, международных и национальных организаций, деятелей государства и общества, граждан или групп лиц к совершению определенных действий в пользу террористов» (Авдеев и др., 2015).

Анализ работ отечественных ученых по выявлению единого определения терроризма приводит к разграничению понятий «террор», «терроризм», «террористический акт». С. А. Эфирова и А. В. Наумов

утверждают невозможность универсального определения терроризма и о необходимости ограничения рассмотрения некоторыми его свойствами и признаками.

Зарубежные авторы, например В. Малиссон и С. Малиссон, наоборот, не идентифицируют понятия «террор» и «терроризм» и связывают данные понятия с четко определенными фактами и событиями, реализуемыми в конспиративных и нелегальных действиях.

В социально-гуманитарной науке выделяют ряд признаков, характеризующих террористический акт:

- публичный характер преступного деяния;
- совершение в угоду достижения своих целей с помощью угроз обществу;
- применение разнообразных методов насилия в отношении мирного населения;
- целенаправленное создание атмосферы страха, социальной напряженности с целью устрашения населения.

А. Гридчин и А. Пашкевич отмечают факт террористической деятельности исключительно в целях принуждения правительства к уступкам (Гридчин, Пашкевич, 2016). Во всемирной классификации террористический акт необходимо рассматривать в двух аспектах: международном и национальном.

Три звена однокоренных слов – террор, терроризм и террористический акт – нередко употребляются в научном дискурсе в качестве синонимов, но они требуют существенной дифференциации. В широком смысле, безусловно, они представляют последовательную логическую цепочку, соединенную взаимными связями.

Активизация прибегания к терроризму происходит в кризисных ситуациях, в условиях возникновения и обострения социально-политических противоречий и конфликтов. Каковы же причины и факторы возникновения терроризма в современном обществе? Зарубежные и отечественные научные исследователи выявили ряд причин и факторов, которые способствуют развитию терроризма и террористической деятельности. Для того, чтобы обозначить данные факторы, необходимо рассмотреть социально-политические условия зарождения терроризма (Трошкина, Мареева, 2016).

Терроризм может быть детерминирован множеством различных причин, основа которых кроется в социальных, экономических, политических, религиозных, этнических и иных противоречиях. Дестабилизация институтов государства путем устранения государственных/политических деятелей, согласно точке зрения отечественного исследователя Л. Моджаряна, может быть связана с проявлением терроризма (Моджарян, 1983).

Значительным основанием проявления и роста терроризма предстает политическая нестабильность, ярко выраженная в социально-политическом расколе общества. В условиях государственной нестабильности общество сталкивается с множеством нерешаемых проблем, которые перманентно растут и заставляют правительство откладывать социальные программы и прибегать к мерам принуждения. Данные факты негативно сказываются на социально-экономическом развитии и социально-психологическом климате страны, неизбежно порождают огромное количество конфликтов на законодательном, политическом уровне и на уровне исполнительной власти.

При подобной ситуации вероятность нарастания недовольства увеличивается и приводит к массовой агрессивности в обществе, что толкает отдельные группы людей к таким крайним мерам как неповиновение и даже выражение протестных настроений с использованием террористических методов.

Итак, к причинам политического характера возникновения терроризма можно отнести:

- политическую нестабильность, так как именно в этих условиях резко увеличивается число террористических актов;
- нехватку системы мер по обеспечению безопасности населения;
- погрешности в государственной политике или наоборот правительственной поддержке насильственных действий;
- манипулятивное воздействие на общественное сознание политических режимов, таких как тоталитарные, диктаторские, религиозно-экстремистские (к примеру, правительство талибов в Афганистане);
- действия агрессивного характера в отношении другого государства;
- прямое разжигание розни внутри государства.

Отечественные и зарубежные исследователи определили различные факторы, способствующие распространению терроризма. Выделены основные факторы, к которым относятся: политические, экономические, социальные, идеологические и правовые.

В российской социально-политической реальности к политическим факторам относят действия иностранных государств по поощрению внутри страны негативных общественных процессов и конфликтов; активность иностранных террористических организаций, направленная на разрушение государственности РФ; распространение в России политического радикализма и экстремизма, а также сохранение практики использования незаконных методов в противостоянии за доступ к политической власти и ресурсам отдельных сообществ – политических, этнических и религиозных.

Экономические факторы проявляются в высоком уровне дифференциации населения по имущественному и финансовому признаку; теневых и негативных элементов в промышленно-хозяйственном секторе, а также иностранной финансовой поддержке террористических организаций с использованием в том числе и внутренних ресурсов.

К социальным факторам можно отнести продолжающееся противостояние интересов различных слоев общества; отсутствие социальной защищенности населения, рост преступности и пропаганду в СМИ культуры насилия и жестокости.

Идеологические факторы включают в себя снижение этических, морально-нравственных и патриотических качеств населения; наполнение духовного вакуума, который образовался после развала СССР, контрпродуктивной идеологией. Им же соответствует идеология всех деструктивных мировоззрений: экстремистских, радикальных, террористических; различных псевдорелигиозных течений: религиозного радикализма, исламского фундаментализма и т. д.

Правовые факторы подразумевают низкий уровень правовой грамотности населения и отдельных политических лидеров, не позволяющих объективно оценить совершаемые действия и их последствия; отсутствие своевременного и строгого наказания за совершенное преступление.

В современной России к основным внутренним причинам, обуславливающим возникновение и распространение терроризма, можно отнести следующие:

а) социальные противоречия в виде межэтнических и межконфессиональных отношений;

б) наличие объективных условий и возможностей для деятельности экстремистов и соответствующих сообществ;

в) неэффективная система правоохранительных, административно-правовых мер по борьбе с терроризмом;

г) отсутствие надлежащего контроля над распространением идей терроризма и любого насилия в информационном пространстве РФ;

д) неэффективное противодействие организованной преступности и коррупции, ненадлежащий контроль за оборотом оружия и боеприпасов.

К основным внешним факторам, способствующим возникновению и распространению терроризма в современной России, можно отнести:

а) присутствие иностранных международных террористических объединений в регионах РФ;

б) наличие ближайших к государственной границе Российской Федерации очагов террористической мобильности;

в) наличие в сопредельных с Россией государствах подготовительных лагерей для боевиков антироссийской направленности, а также религиозных учебных заведений для распространения идеологии религиозного экстремизма;

г) финансовую поддержку со стороны иностранных террористических и экстремистских организаций террористов, действующих на территории России;

д) намерение ряда иностранных государств ослабить позиции России на мировой арене и установить свое политико-экономическое влияние в отдельных региональных субъектах РФ;

е) распространение террористических и экстремистских идей в сети Интернет и средствах массовой коммуникации;

ж) террористическую деятельность в целях получения широкого общественного резонанса;

з) отсутствие единого системного подхода в международном сообществе для определения факторов возникновения и распространения террористических идей и надлежащих практик противодействия терроризму;

и) на международном и внутригосударственном уровнях отсутствие единого антитеррористического информационного пространства.

Заключение

Резюмируя все вышеизложенное, на наш взгляд, разумно сформулировать следующие обобщенные выводы.

В настоящее время практическая борьба с терроризмом и проявлениями экстремизма привела к накоплению обильного эмпирического материала. Однако его теоретическое осмысление все еще оказывается неполным, что затрудняет целенаправленную деятельность по предупреждению экстремистских проявлений, террористических актов и обнаружению скрытых ячеек террористических организаций. Безусловно, усилия ФСБ России и достижения в этой области ее деятельности нельзя не видеть по раскрытым и несостоявшимся преступлениям и отрицать эффективность деятельности данной службы. Однако она оказалась бы еще более успешной при условии формирования социально-философской концепции исследования терроризма, его современных видов, форм и способов организации террора и отдельных террористических актов. Данная концепция должна содержать психологический и социально-психологический подходы к выявлению лиц, потенциально склонных и находящихся под воздействием экстремистских взглядов. Необходима разработка конфликтологической модели обнаружения по признакам деятельности экстремистских организаций и их сетевых структур, в том числе в сети Интернет.

Терроризм в отличие от других форм насилия сеет страх, формирует чувство тревожности и серьезной опасности, и его идеология отвратительна и способна вызвать в обществе фрустрацию и социально-психологический дискомфорт. Современный терроризм предстает как сложное, конфликтное и многоаспектное явление социально-политического характера, требующее серьезной системно-комплексной работы научных кадров. Подрывая политическую стабильность в обществе, современный терроризм является серьезной угрозой национальной и региональной безопасности, детонатором межнациональных и гражданских конфликтов. Устранение всех вышеуказанных проблем, борьба с социальными и политическими «язвами» является единственным способом реально избежать террористических угроз.

Литература

Авдеев Ю. И. Экстремизм в современной России: истоки, содержание, типология (часть первая) / Ю. И. Авдеев, В. В. Арсеньев, В. Н. Найдено // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 2(02). – С. 108–122. – EDN RDLZWV.

Гридчин А. А. Управление международным антитеррористическим сотрудничеством / А. А. Гридчин, А. В. Пашкевич. – Москва: Международное издание «Этносоциум и межнациональная культура», 2016. – 268 с. – EDN VVMFYL.

Емельянов В. П. Терроризм и преступления террористической направленности / В. П. Емельянов. – Харьков: Рубикон, 1997. – 174 с. – (Библиотека правовой литературы).

Миньковский Г. М. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним / Г. М. Миньковский, В. П. Ревин // Государство и право. – Москва: Наука, 1997. – № 8. – С. 84–91.

Моджарян Л. А. Терроризм: правда и вымысел / Л. А. Моджарян. – Москва: Юрид. лит., 1983. – 207 с.

Трошкина А. Р. Терроризм: историко-политический аспект / А. Р. Трошкина, В. М. Мареева // Молодой ученый. – 2016. – № 26(130). – С. 561–564. – EDN UUHFDU.

References

Avdeev Yu. I. (2013) Extremism in modern Russia: origins, content, typology (part One) / Yu. I. Avdeev, V.V. Arsenyev, V. N. Naidenko // Sociological Science and social practice. – No. 2(02). – Pp. 108-122.

Gridchin A. A. (2016) Management of international antiterrorist cooperation / A. A. Gridchin, A. V. Pashkevich. – Moscow: International Edition “Ethnosocium and inter-ethnic culture”. – 268 p.

Emelyanov V. P. (1997) Terrorism and crimes of a terrorist orientation / V. P. Emelyanov. – Kharkiv: Rubicon. – 174 p. – (Library of Legal Literature).

Minkovsky G. M. (1997) Characteristics of terrorism and some directions for improving the effectiveness of combating it / G. M. Minkovsky, V. P. Revin // State and Law. – Moscow: Nauka. – No. 8. – Pp. 84-91.

Modjarian L. A. (1983) Terrorism: Truth and fiction / L. A. Modjarian. – Moscow: Legal lit. – 207 p.

Troshkina A. R. (2016) Terrorism: historical and political aspect / A. R. Troshkina, V. M. Mareeva // Young Scientist. – No. 26(130). – Pp. 561-564.

Для цитирования: Гурба В. Н. Терроризм в современном обществе: факторы распространения // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 16–25.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.1
EDN BVDZYG

История статьи:
Поступила в редакцию – 30.01.2023
Получена в доработанном виде –
07.02.2023
Одобрена – 10.02.2023

Сведения об авторе

Гурба Владимир Николаевич

Доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой конфликтологии и национальной безопасности, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 160,
e-mail: desp@ufo.gov.ru

Information about author

Vladimir N. Gurba

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University

344006, Rostov-on-Don,
Pushkinskaya str., 160,
e-mail: desp@ufo.gov.ru

УДК 316.4

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.2

EDN CDTLBT

Тип статьи в журнале – научная

**МОЛОДЕЖНЫЕ
ОБЩЕСТВЕННЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ
В РЕГИОНАЛЬНОМ
СОЦИУМЕ КАК РЕСУРС
КОНСОЛИДАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

**YOUTH PUBLIC
ORGANIZATIONS
IN REGIONAL SOCIETY
AS A RESOURCE
FOR CONSOLIDATION
OF RUSSIAN SOCIETY**

© 2023 г.

П. В. Разов*

Н. Г. Скворцов**

* Финансовый университет
при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия

** Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург, Россия

© 2023

P. V. Razov*

N. G. Skvortsov**

* Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

** Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Цель исследования – рассмотреть деятельность региональных молодежных общественных объединений в качестве важного ресурса, оказывающего влияние на консолидацию современного российского общества.

Методологическая база исследования. В рамках исследования были использованы ресурсный, ценностный и деятельностный подходы.

Результаты исследования. В данной работе консолидация российского общества представляется в качестве процесса интеграции населения страны на основе имеющихся у граждан одинаково значимых для них ценностей и целей развития общества. К ресурсам, которые могут послужить консолидации российского общества, относятся: традиционные духовно-нравственные ценности, накопление культурно-исторического опыта, противостояние риско-

Objective of the study is to consider the activities of regional youth public associations as an important resource influencing the consolidation of modern Russian society.

The methodological basis of the research. The following approaches were used in the study: resource, value and activity approaches.

Research results. In this paper, the consolidation of Russian society is presented as a process of integration of the population of the country on the basis of the values and goals of the development of society that are equally important to citizens. The resources that can serve to consolidate Russian society include: traditional spiritual and moral values, accumulation of cultural and historical experience, opposition to risky situations, civic activity. One of the types of civic activity can be attributed to the

генным ситуациям, гражданская активность. К одним из видов гражданской активности можно отнести деятельность молодежных организаций. В России активно развиваются молодежные общественные объединения, членами которых становится большое количество молодежи, заинтересованной в развитии интеллектуального, творческого и профессионального потенциала страны. Благодаря участию молодежи в деятельности молодежных общественных объединений в обществе будет появляться все больше активных, сознательных граждан, которые стремятся к собственному развитию и способствуют процветанию государства за счет трансляции одинаково значимых для них ценностей и целей развития общества.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим исследованием существующих общероссийских и региональных ресурсов консолидации российского общества.

Ключевые слова: молодежь; молодежные объединения; молодежные движения; ценности; ценностные ориентации; общество; ценностные установки; консолидация.

activities of youth organizations. Youth public associations are actively developing in Russia, where a large number of young people interested in developing the intellectual, creative and professional potential of the country become members. Thanks to the participation of young people in the activities of youth public associations, more and more active, conscious citizens will appear in society who strive for their own development and contribute to the prosperity of the state by broadcasting equally important values and goals for the development of society.

Prospects of the study are related to further research of existing all-Russian and regional resources for the consolidation of Russian society.

Keywords: youth; youth associations; youth movements; values; value orientations; society; value attitudes; consolidation.

Введение

В настоящее время, когда российское общество находится в ситуации социально-экономической нестабильности и политической неустойчивости, особо актуальными среди научных исследований становятся научно-исследовательские проекты, посвященные вопросам стабилизации общественного развития (Бараш, 2020; Волков и др., 2022а), а также работы, направленные на рассмотрение факторов, обладающих консолидирующим эффектом.

Как отмечено в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года¹, позитивный конструкт общероссийской гражданской идентичности способствует не только бережному отношению к культуре России, национальному языку, но и

¹ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 15.12.2022).

сохранению исторического наследия народов, которые проживают на территории Российской Федерации.

Формирование позитивной гражданской идентичности в сознании россиян позволяет поддерживать согласие между членами российского общества и сохранять целостность государства (Дробужева, 2018). Также исследователи отмечают, что развитие региональной идентичности населения является довольно успешным механизмом, направленным на укрепление гражданской идентичности и способствующим формированию консолидации российского общества (Хунагов, 2022).

Для того чтобы избежать дезинтеграции, населению России необходимо создавать и постоянно поддерживать единое социокультурное полотно, в которое органически вплетены историческая память, идентичность народа, ценностные ориентации граждан, их социальные установки и практики. Такого рода единое социокультурное полотно российского общества формируется различными средствами и механизмами, среди которых можно назвать существующие в настоящее время инновационные практики: развитие единой информационно-коммуникационной среды, реализация социальных проектов, развитие волонтерских движений граждан (Узунов, 2022; Хунагов, 2022).

Данные практики, особенно популярные и применяемые в молодежных общественных организациях, становятся довольно активным механизмом, внедряемым государственными структурами для формирования позитивной консолидации на уровне региональных сообществ и российского общества в целом.

Важную роль в процессе позитивной консолидации российского общества играет молодежь, ее ценностные ориентации и установки. Совместная деятельность молодежи в регионах, как одной из наиболее активных социально-демографических групп населения, позволяет преодолеть существующие условия разобщенности общества.

В связи с этим, отечественные ученые довольно активно в своих исследованиях обращаются к вопросам молодежной политики и механизмам формирования гражданской идентичности в сознании молодежи, которая способствует консолидации как регионального, так и общероссийского пространства (Бугайчук, 2022).

На наш взгляд, молодежь, являясь активным актором глобальных процессов, происходящих в обществе, обладает огромным потенциалом, который позволит противодействовать процессам дезинтеграции российского общества. Поэтому в рамках данной статьи мы обращаемся к рассмотрению деятельности молодежных общественных организаций в региональном социуме как ресурсу консолидации российского общества.

Степень разработанности исследования и методологические основы исследования

Вопросы, связанные с консолидацией российского общества, являются одними из важных научно-исследовательских тем, которые рассматривают современные отечественные исследователи в своих трудах.

Тема консолидации российского общества являлась одной из основных тематик научно-исследовательского интереса Л. М. Дробижевой. Научным коллективом под руководством Л. М. Дробижевой были рассмотрены основные составляющие консолидации российского общества, изучены межэтнические установки в сфере деловой и неформальной коммуникации, представления о справедливости в регионах страны (Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества, 2016; Содержательные основы российской идентичности... 2021). Вопросы социальной справедливости и гармонизации межэтнических отношений на Юге России рассматриваются исследователями ростовской научной школы (Социальная справедливость в сфере межэтнических отношений... 2021).

Актуальными и социально-значимыми для современного российского социума являются исследования, посвященные изучению направлений достижения консолидации российского общества (Самсонова, Цыганкова, 2020). Например, Т. Н. Самсонова и Д. Н. Цыганкова среди важных направлений консолидации выделяют обеспечение равного доступа населения России к информационным компьютерным технологиям и информационным ресурсам (Самсонова, Цыганкова, 2020).

Среди факторов консолидации современного российского общества ученые выделяют доверие населения к органам власти (Черкашин, 2019). М. Д. Черкашин отмечает, что именно «доверие (а не принуждение) становится определяющим условием эффективности власти, ее способности консолидировать общество в решении проблем его развития» (Черкашин, 2019. С. 74). В настоящее время данному фактору консолидации общества уделяется большое внимание. Всероссийский исследовательский центр общественного мнения регулярно проводит эмпирические замеры данного показателя среди россиян¹. По одним из последних данных, предоставленных ВЦИОМ на декабрь 2022 года², фиксируется довольно высокий уровень доверия Президенту РФ и Председателю Правительства РФ, что в свою очередь, может указывать на высокую степень социальной интеграции в обществе.

¹ Аналитический обзор ВЦИОМ «Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий». – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-20221216> (дата обращения: 02.01.2023).

² Там же.

Сотрудники Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, обращаясь к вопросам консолидации российского общества, указывают на существующие в условиях цивилизационной трансформации риски и предлагают механизмы снижения данных рисков (Ильичева, Рогачев, 2022). Л. Е. Ильичева и С. В. Рогачев отмечают, что консолидация выступает одной из задач трансформирующегося общества. Например, сейчас проведение специальной военной операции на Украине обладает определенным консолидационным потенциалом (Ильичева, Рогачев, 2022).

Кроме того, проблемы формирования консолидации современного российского общества рассматриваются с точки зрения конфликтологических идей (Никовская, 2022). Как отмечает Л. И. Никовская, «в условиях действия предельно высокой степени опасности для жизнедеятельности общества срабатывает конфликтологическая закономерность сплачивания общества при наличии угрозы по периметру государства» (Никовская, 2022. С. 45).

Таким образом, мы видим, что основными направлениями в изучении консолидации российского общества являются: гражданская и региональная идентичность, вопросы социальной справедливости и гармонизации межэтнических отношений, факторы консолидации, доверие населения к органам власти.

При рассмотрении вопросов консолидации российского общества исследовательский интерес отечественных ученых сконцентрирован не только на населении России в целом, но и на такой социально-демографической группе, как молодежь. Например, ученые делают акцент на многообразии ценностных ориентаций поколения Z, их социальной идентичности, гражданской активности и протестных настроениях данного поколения (Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения, 2021).

Активная гражданская позиция, деятельность и сформированные жизненные стратегии российской молодежи поддерживают единое социокультурное полотно и оказывают значительное влияние на существующие условия разобщенности российского общества.

В рамках данной статьи для анализа молодежных общественных организаций в региональном социуме как ресурса консолидации российского общества был использован такой подход, как ресурсный. Данный подход позволяет обратиться к молодежным объединениям как к продукту совместной деятельности и взаимодействия молодых людей в региональном пространстве. Региональные молодежные объединения выступают в качестве эффективного регионального ресурса, который определяет успешные траектории развития российских регионов. При

рассмотрении региональных молодежных организаций также применяется ценностный подход, благодаря которому можно понять, какова структура консолидирующей идентичности молодежи, а также каков круг поиска эффективных способов снижения имеющихся социокультурных противоречий между поколениями, которые часто возникают по причине изменений системы ценностных ориентаций.

Использование в рамках статьи деятельностного подхода дает возможность определить цели молодежных объединений и описать роль деятельности молодежных объединений в рамках консолидации российского общества.

Социальные ресурсы консолидации российского общества

Мы разделяем идею, которая описывается в исследованиях, проводившихся под руководством Л. М. Дробижевой: «Под консолидацией понимается солидаризация полиэтнического общества вокруг общих ценностей, целей совместной деятельности, общей идентичности, моральных обязанностей, основанных на понимании справедливости, а также совместная ответственность за состояние общества» (Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества, 2016). То есть консолидация представляет собой процесс интеграции, объединения различных слоев населения страны на основе имеющихся у граждан одинаково значимых для них ценностей и целей развития общества (Волков и др., 2022б; Самсонова, Цыганкова, 2020).

Т. Н. Самсонова и Д. Н. Цыганкова в своей работе отмечают, что «консолидация современного российского общества является важнейшей задачей проводимой национальной политики и требует целенаправленных усилий со стороны как государства, так и гражданского общества» (Самсонова, Цыганкова, 2020. С. 24). Это означает, что в обществе необходимо проводить активный поиск ресурсов, способных устранить причины деконсолидации и снизить условия разобщенности социума, объединить население и направить действия отдельных социальных групп на достижение консолидации среди граждан.

К таким ресурсам можно отнести поддержание традиционных духовно-нравственных ценностей, которые включают крепкую семью, историческую память, преемственность поколений, единство народов, закрепленных в Указе Президента РФ¹. Данные ценности лягут в основу

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 02.01.2023).

гражданской идентичности населения России и позволят поддержать единое социокультурное пространство страны, поскольку общая культура – это также важный ресурс для единства многонациональной и многоконфессиональной России.

Накопление культурно-исторического опыта и передача данного ресурса из поколения в поколение также способствует гармонизации межэтнических отношений и поддержанию межнационального согласия в региональных социумах России. Опора на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт позволяет российскому обществу быстро реагировать на угрозы и риски, а также эффективно противостоять рискогенным ситуациям, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность.

О. Н. Кармадонов и Г. Д. Ковригина отмечают среди имеющихся ресурсов консолидации российского общества символический ресурс, куда можно отнести историческую память народа, гражданскую и региональную идентичность (Кармадонов, Ковригина, 2017). Социальная система стабильна, когда наблюдается стабильность символических комплексов, которые скрепляют общество. Поддержать стабильность символических комплексов также можно за счет опоры на традиционные ценности¹.

Гражданская активность населения, особенно российской молодежи, усиливает участие граждан в социальной и политической жизни страны, что, в свою очередь, противостоит распаду социальных связей.

Активное участие молодежи в общественной и политической жизни государства позволяет им обозначать и развивать основные приоритеты общественного развития, осознавать себя частью единого целого страны и продвигать практики солидарной деятельности. Одной из форм гражданской активности выступает участие молодых людей в деятельности молодежных объединений.

Деятельность молодежных общественных организаций как ресурс консолидации российского общества

В России существует федеральный реестр молодежных и детских объединений, пользующихся государственной поддержкой².

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 02.01.2023).

² О Федеральном реестре молодежных и детских объединений, пользующихся государственной поддержкой: Приказ Росмолодежи от 08.04.2019 № 106. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=664859&dst=100020#i9oKMQTWmdiG58B5> (дата обращения: 02.01.2023).

Одной из крупных молодежных общественных организаций в России, входящих в реестр молодежных и детских объединений, является Российский союз молодежи (далее – РСМ)¹.

РСМ – это социально-ориентированная организация, которая имеет представительства во многих регионах России и реализует проекты по следующим направлениям: патриотическое воспитание, развитие социальных инициатив среди молодежи, содействие профессиональной занятости, развитие интеллектуального потенциала молодежи, развитие внутреннего молодежного туризма, развитие и поддержка молодежного творчества и добровольческого молодежного движения (Гафиатулина и др., 2020; Касьянов и др., 2020).

Ежегодно РСМ организует и проводит студенческие конкурсы и мероприятия: Студент года, Всероссийская студенческая весна, Корпус общественных наблюдателей, Всероссийские военно-патриотические игры «Зарница», «Победа» и другие. Данные проекты позволяют молодым людям проявить свои способности, раскрыть свои таланты, почувствовать себя частью одной страны, прикоснуться к истории страны и стать частью этой истории. Кроме того, в условиях специальной военной операции на Украине молодежь российских регионов активно вовлекается в общероссийское волонтерское движение для помощи военнослужащим и их семьям под эгидой: «Добровольцы – рука помощи», «Доброта без границ», «Мы – вместе. Общероссийская акция взаимопомощи».

Российский союз молодежи активно поддерживает деятельность в регионах. Например, на территории Ростовской области действует Донской союз молодежи (ДСМ), который также активно участвует в проектах на территории Ростовской области. Например, в 2022 году ростовская областная молодежная общественная организация «Донской союз молодежи» приняла активное участие в организации и проведении Фестиваля работающей молодежи «На Высоте». Участниками данного фестиваля стали 2500 человек из 60 субъектов Российской Федерации. Реализация указанных проектов позволяет современной молодежи не только самореализовываться в сфере творчества, профессии и обучения, но и объединяться, создавать мощные коллаборации на основе имеющихся ценностей и целей развития российского общества.

Деятельность РСМ – это создание в России эффективной системы поддержки молодежи, которая позволяет создать площадку, объединяющую интересы государства, населения регионов и бизнеса.

¹ Сайт Российского союза молодежи. – URL: <https://ruy.ru> (дата обращения: 02.01.2023).

Привить ценность трудовой деятельности, социально значимых профессий позволяет деятельность Российских студенческих отрядов¹. Данная молодежная организация развивает такие направления работы, как: строительные отряды, отряды проводников, студенческие педагогические отряды, сельскохозяйственные отряды, медицинские отряды, сервисные отряды. Совместная трудовая деятельность – это один из мощных механизмов по объединению молодого населения, его гражданского и патриотического воспитания, пропаганде созидательного труда и позитивного вклада в развитие культурного потенциала России.

Например, на счету строительных отрядов России числится возведение объектов Саммита АТЭС – 2012 во Владивостоке; участие в строительстве XXVII Всемирной летней Универсиады – 2013 в Казани; возведение объектов XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи; строительство инфраструктурных объектов космодромов «Плесецк» и «Восточный».

Кроме того, студенческие педагогические отряды ежегодно обеспечивают отдых более 1,6 млн детей и подростков в оздоровительных лагерях, пансионатах, в крупнейших детских центрах «Орленок», «Смена», «Артек»².

Штабы РСО имеются в 76 субъектах РФ. Так, например, в Ростовской области действует Ростовский штаб студенческих отрядов³, который участвует в подготовке бойцов различных студенческих отрядов, среди которых можно отметить Ростовский областной педагогический отряд «Юга», история которого насчитывает уже порядка 20 лет.

Благодаря участию молодых людей в деятельности региональных молодежных общественных объединений в их сознании формируются ценностные ориентации и установки, способствующие развитию семьи, поддержанию исторической памяти, единству культуры, гармонизации межнациональных отношений, что, в свою очередь, позволяет сформировать позитивную региональную и гражданскую идентичность.

Заключение

Формирование сильной государственной молодежной политики в России позволит интегрироваться молодежи во все социальные и политические процессы страны. Ведь именно молодежь является важным

¹ Официальный сайт Молодежной общероссийской общественной организации «Российские Студенческие Отряды» (PCO). – URL: https://xn--d1amqcgedd.xn--p1ai/o_rosiyskikh_studencheskikh_otryadakh.html (дата обращения: 02.01.2023).

² Там же.

³ Официальный сайт студенческих отрядов Ростовской области. – URL: <https://xn--d1asbbhg.xn--p1ai> (дата обращения: 02.01.2023).

фактором перемен и носителем новых идей и способна помочь государству в формировании сильной идеологии.

Одним из механизмов формирования успешной молодежной политики в государстве является участие молодых людей в работе молодежных общественных объединений. Благодаря участию молодежи в деятельности молодежных общественных объединений в обществе становится больше активных, сознательных граждан, которые стремятся к собственному развитию и способствуют процветанию государства.

Литература

Бараш Р. Э. Гражданская идентичность россиян: динамика и перспективы / Р. Э. Бараш // Вестник Российского философского общества. – 2020. – № 1-2(91-92). – С. 94–104. – DOI 10.21146/1606-6251-20193/4-94-104. – EDN MFPECC.

Бугайчук Т.В. Гражданская идентичность молодого поколения россиян: специфика и закономерности становления / Т. В. Бугайчук // Социально-политические исследования. – 2022. – № 1(14). – С. 70–80. – DOI 10.20323/2658-428X-2022-1-14-70-80. – EDN URISLW.

Волков Ю. Г. Региональная идентичность в пространстве социально-управленческой деятельности / Ю. Г. Волков, И. А. Гуськов, В. Н. Гурба // Гуманитарий Юга России. – 2022а. – Т. 11. – № 4. – С. 40–54. – DOI 10.18522/2227-8656.2022.4.2. – EDN AZLBNM.

Волков Ю. Г. Интеграция в полиэтническом обществе: пути, современные тренды и проблемные узлы / Ю. Г. Волков, В. И. Курбатов, Р. Д. Хунагов // Социология. – 2022б. – № 1. – С. 373–388. – EDN QKEFNH.

Гафиатулина Н.Х. Волонтерская деятельность в системе организации социальной работы с молодежью группы риска / Н. Х. Гафиатулина, А. Т. Латышева, С. И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 1. – С. 27–30. – DOI 10.23672/SAE.2020.1.53237. – EDN LLHULU.

Дробизжева Л. М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях /

References

Barash R. E. (2020) Civil identity of Russians: dynamics and prospects / R. E. Barash // Bulletin of the Russian Philosophical Society. – No. 1-2(91-92). – Pp. 94-104. – DOI 10.21146/1606-6251-20193/4-94-104.

Bugaichuk T. V. (2022) Civic identity of the younger generation of Russians: specifics and patterns of formation / T. V. Bugaichuk // Socio-political studies. – No. 1(14). – Pp. 70-80. – DOI 10.20323/2658-428X-2022-1-14-70-80.

Volkov Yu. G. (2022a) Regional identity in the space of social and managerial activity / Yu. G. Volkov, I. A. Guskov, V. N. Gurba // Humanities of the South of Russia. – Vol. 11. – No. 4. – Pp. 40-54. – DOI 10.18522/2227-8656.2022.4.2.

Volkov Yu. G. (2022b) Integration in a multiethnic society: ways, modern trends and problematic nodes / Yu. G. Volkov, V. I. Kurbatov, R. D. Hunagov // Sociology. – No. 1. – Pp. 373-388.

Gafiatulina N. H. (2020) Volunteer activity in the system of organizing social work with at-risk youth / N. H. Gafiatulina, A. T. Latysheva, S. I. Samygin // Humanities, socio-economic and social sciences. – No. 1. – Pp. 27-30. – DOI 10.23672/SAE.2020.1.53237.

Drobizheva L. M. (2018) Consolidating identity in the All-Russian, regional and ethnic dimensions / L. M. Drobizheva // The prospects. Electronic journal. – No. 3(15). – Pp. 6-21. – DOI 10.32726/2411-3417-2018-3-6-21.

Ilyicheva L. E. (2022) Risks and challenges of social consolidation of Russian society in the conditions of civilizational transformation / L. E. Ilyicheva, S. V. Rogachev //

Л. М. Дробижева // Перспективы. Электронный журнал. – 2018. – № 3(15). – С. 6–21. – DOI 10.32726/2411-3417-2018-3-6-21. – EDN YNMXRJ.

Ильичева Л. Е. Риски и вызовы социальной консолидации российского общества в условиях цивилизационной трансформации / Л. Е. Ильичева, С. В. Рогачев // Власть. – 2022. – Т. 30. – № 5. – С. 88–97. – DOI 10.31171/vlast.v30i5.9243. – EDN ANVYMN.

Кармадонов О. А. Ресурсы социокультурной консолидации российского общества / О. А. Кармадонов, Г. Д. Ковригина. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2017. – 184 с. – ISBN 978-5-9624-1527-7. – EDN ZVTRIJ.

Касьянов В. В. Волонтерская деятельность как ресурс повышения социального здоровья российской молодежи / В. В. Касьянов, А. Т. Латышева, Н. Х. Гафиатулина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 2. – С. 61–66. – DOI 10.23672/SAE.2020.2.56070. – EDN PMQQEK.

Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / Л. М. Дробижева, Е. М. Арутюнова, К. С. Григорьева [и др.]. – Москва: Институт социологии РАН, 2016. – 400 с. – ISBN 978-5-89697-276-1. – EDN XDAYQD.

Никовская Л. И. К проблеме формирования консолидации российского общества: взгляд конфликтолога / Л. И. Никовская // Местное право. – 2022. – № 3. – С. 45–50. – EDN UKRVKT.

Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения / Г. Р. Асадуллина, А. А. Бесчасная, Л. М. Гайсина [и др.]. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. – 228 с. – ISBN 978-5-7477-5429-4. – DOI 10.14258/genz.2021. – EDN CLEPWV.

Самсонова Т. Н. Основные проблемы и направления достижения консолидации российского общества / Т. Н. Самсонова, Д. Н. Цыганкова // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 11(153). – С. 24–31. – DOI 10.24158/tipor.2020.11.3. – EDN SVMRAF.

Power. – Vol. 30. – No. 5. – Pp. 88-97. – DOI 10.31171/vlast.v30i5.9243.

Karmadonov O. A. (2017) Resources of socio-cultural consolidation of Russian society / O. A. Karmadonov, G. D. Kovrigina. – Irkutsk: Irkutsk State University. – 184 p. – ISBN 978-5-9624-1527-7.

Kasyanov V. V. (2020) Volunteer activity as a resource for improving the social health of Russian youth / V. V. Kasyanov, A. T. Lатыsheva, N. H. Gafiatulina // Humanities, socio-economic and social sciences. – No. 2. – Pp. 61-66. – DOI 10.23672/SAE.2020.2.56070.

Interethnic harmony as a resource for the consolidation of Russian society (2016) / L. M. Drobizheva, E. M. Arutyunova, K. S. Grigorieva [et al.]. – Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. – 400 p. – ISBN 978-5-89697-276-1.

Nikovskaya L. I. (2022) On the problem of formation of consolidation of Russian society: the view of a conflictologist / L. I. Nikovskaya // Local Law. – No. 3. – Pp. 45-50.

Generation Z from: diversity of Identities, Orientations, behavior (2021) / G. R. Asadullina, A. A. Beschastnaya, L. M. Gaisina [et al.]. – Ufa: Bashkir State University. – 228 p. – ISBN at 978-5-7477-5429-4. – DOI 10.14258/genz.2021.

Samsonova T. N. (2020) Main problems and directions of achieving consolidation of Russian society / T. N. Samsonova, D. N. Tsygankova // Theory and practice of social development. – No. 11(153). – Pp. 24-31. – DOI 10.24158/tipor.2020.11.3.

The substantial foundations of Russian identity. Regional and ethnocultural context (2021) / L. M. Drobizheva, E. M. Arutyunova, M. A. Evseeva [et al.]. – Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. – 288 p. – ISBN 978-5-89697-374-4. – DOI 10.19181/monograph.978-5-89697-374-4.2021.

Social justice in the sphere of interethnic relations and strengthening of the All-Russian identity of the population of the South of Russia (2021) / Yu. G. Volkov, A. V. Bedrick, N. K. Bineeva [et al.]. – Moscow: Rusains Limited Liability Company. – 180 p. – ISBN 978-5-4365-9193-3.

Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / Л. М. Дробижина, Е. М. Арутюнова, М. А. Евсеева [и др.]. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. – 288 с. – ISBN 978-5-89697-374-4. – DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021. – EDN АОЕВНВ.

Социальная справедливость в сфере межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности населения Юга России / Ю. Г. Волков, А. В. Бедрик, Н. К. Бинева [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2021. – 180 с. – ISBN 978-5-4365-9193-3. – EDN ТАЙУНН.

Узунов В. В. Оценка эффективности институциональных практик социальной консолидации в контексте инновационного развития регионального пространства Юга России / В. В. Узунов // Социология. – 2022. – № 2. – С. 281–288. – EDN HRPTYE.

Хунагов Р. Д. Инновационные институциональные практики как фактор консолидации регионального пространства / Р. Д. Хунагов // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11. – № 5. – С. 45–54. – DOI 10.18522/2227-8656.2022.5.3. – EDN СЕЕСЗЈ.

Черкашин М. Д. Доверие населения к органам власти как фактор социальной консолидации общества / М. Д. Черкашин // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2019. – Т. 4. – № 3. – С. 74–82. – EDN RTDZET.

Для цитирования: Разов П. В., Скворцов Н. Г. Молодежные общественные организации в региональном социуме как ресурс консолидации российского общества // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 26–38.

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.2
EDN CDTLBT

Uzunov V. V. (2022) Evaluation of the effectiveness of institutional practices of social consolidation in the context of innovative development of the regional space of the South of Russia / V. V. Uzunov // Sociology. – No. 2. – Pp. 281-288.

Hunagov R. D. (2022) Innovative institutional practices as a factor of consolidation of the regional space / R. D. Hunagov // Humanities of the South of Russia. – Vol. 11. – No. 5. – Pp. 45-54. – DOI 10.18522/2227-8656.2022.5.3.

Cherkashin M. D. (2019) Public confidence in authorities as a factor of social consolidation of society / M. D. Cherkashin // Communicology: electronic scientific journal. – Vol. 4. – No. 3. – Pp. 74-82.

История статьи:

Поступила в редакцию – 27.12.2022

Получена в доработанном виде –
23.01.2023

Одобрена – 27.01.2023

Сведения об авторах

Information about authors

Разов Павел Викторович

Доктор социологических наук, доцент,
профессор департамента социологии
Финансового университета
при Правительстве РФ

125993, г. Москва,
Ленинградский пр-т, д. 51/1,
e-mail: rapavi21@mail.ru

Скворцов Николай Генрихович

Доктор социологических наук,
профессор, декан факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного
университета, г. Санкт-Петербург

191124, г. Санкт-Петербург,
ул. Смольного, д. 1/3,
e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Pavel V. Razov

Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor of the Department of Sociology
of the Financial University under
the Government of the Russian Federation

125993, Moscow,
Leningradsky Ave., 51/1,
e-mail: rapavi21@mail.ru

Nikolai G. Skvortsov

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Dean of the Faculty of Sociology,
St. Petersburg State University,
Saint Petersburg

191124, St. Petersburg,
Smolny str., 1/3,
e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

УДК 316.4.062

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.3
EDN CQRQFD

Тип статьи в журнале – научная

**КОНСОЛИДАЦИЯ
РОССИЙСКОГО
РЕГИОНАЛЬНОГО
СООБЩЕСТВА: АНАЛИЗ
РИСКОВ И УГРОЗ**

**CONSOLIDATION
OF THE RUSSIAN REGIONAL
COMMUNITY:
RISK AND THREAT
ANALYSIS**

© 2023 г.

Р. Д. Хунагов*

© 2023

R. D. Hunagov*

* Адыгейский государственный
университет, Республика Адыгея,
г. Майкоп, Россия

* *Adygea State University,
Maykop, Republic of Adygea, Russia*

Цель исследования – рассмотреть консолидационные процессы, реализуемые с участием регионального сообщества, на предмет потенциальных рисков и угроз для устойчивого развития региона и государства.

Objective of the study to consider the consolidation processes implemented with the participation of the regional community for potential risks and threats to the sustainable development of the region and the state.

Методологическая база исследования строится на концептуальных положениях общества риска (У. Бек, О. Н. Яницкий); институциональном подходе в соответствии с неoinституциональной концепцией Д. Норта; культурологическом направлении теории доверия как инструменте измерения социального капитала (П. Штомпка, Ф. Фукуяма).

The methodological basis of the research is based on the conceptual positions of the risk society (W. Beck, O. N. Yanitsky); the institutional approach in accordance with the neo-institutional concept of D. North; the cultural direction of the theory of trust as a tool for measuring social capital (P. Shtompka, F. Fukuyama).

Результаты исследования. Раскрыты риски и угрозы, потенциально содержащиеся в консолидационных процессах российского регионального сообщества. Они связаны с возможностью деструктивной направленности консолидации; с воздействием внешних социальных агентов; с неправильной оценкой уровня консолидации и, как следствие, реализацией неподходящей стратегии развития региона.

Research results. The risks and threats potentially contained in the consolidation processes of the Russian regional community are disclosed. They are associated with the possibility of a destructive orientation of consolidation; with the influence of external social agents; with an incorrect assessment of the level of consolidation and, as a result, the implementation of an inappropriate strategy for the development of the region.

Перспективы исследования связаны с социологическим анализом возможных мер по

Prospects of the study are related to the sociological analysis of possible measures to prevent

профилактике и противодействию рисков и угроз консолидации российского регионального сообщества. Данные меры могут быть выработаны и применены как на государственном уровне, так и на региональном.

and counteract risks and threats to the consolidation of the Russian regional community. These measures can be developed and applied both at the state level and at the regional level.

Ключевые слова: региональное сообщество; российское общество; консолидация; консолидационные процессы; риски консолидации; деструктивная консолидация.

Keywords: regional community; consolidation; Russian society; consolidation processes; consolidation risks; destructive consolidation.

Введение

Консолидация российского регионального сообщества обладает особой исследовательской актуальностью по целому ряду причин.

Во-первых, одной из объективных причин является сложная полиэтничная, мультикультурная структура российского общества, в которой, с одной стороны, определяется необходимость консолидации регионального сообщества для решения региональных проблем; с другой стороны, когда речь идет о консолидации на государственном уровне, встает вопрос о сохранении важнейших особенностей и самобытности региональных сообществ.

Во-вторых, текущие общественно-политические условия диктуют необходимость повышения уровня консолидации российского общества и региональные сообщества в этом процессе играют важную роль, поскольку способны активизировать консолидационный потенциал отдельных социальных групп и активных граждан на уровень государственной консолидации.

В-третьих, консолидация в основном рассматривается с точки зрения использования ее положительного потенциала для социального развития, но, необходимо отметить, что сама по себе консолидация как процесс, который предполагает сплочение институтов власти и социума, где власть выступает в качестве института, который обладает социальной и политической ответственностью (Михайленок и др., 2015. С. 5), может нести в себе риски и угрозы для регионального российского социума в целом, а также его дальнейшего устойчивого развития в частности. Так, из научных исследований В. В. Кривоускова известно, что кризис различных институтов российского общества выступает важнейшим фактором институциональных угроз его консолидации на всех уровнях (Кривоусков, 2012. С. 33). Обращаясь к идеям Л. Е. Ильичевой и С. В. Рогачева, мы видим, что такой процесс, как консолидация, зависит от большого количества факторов объективного и субъективного характера, которые, в свою очередь, обладают зависимостью от имеющейся системы интересов

(Ильичева, Рогачев, 2022). Кроме того, необходимо понимать, что в реальности, в процессе консолидации, существуют риски, которые могут изменить и нарушить существующие интересы различных социальных групп (Ильичева, Рогачев, 2022. С. 89–90).

Все это, так или иначе, определяет неоднозначный, рискогенный характер консолидации российского регионального сообщества и необходимость социологического анализа рисков и угроз, потенциально заключенных в консолидационных процессах.

Степень разработанности и методологические основания исследования

Понятием «консолидация», как отмечает В. В. Кривоусков, можно обозначать разновидность объединительных процессов в обществе. Однако важно учесть, что в рамках социологического подхода консолидация анализируется в связке с понятиями «социальная солидарность» и «социальная сплоченность», поскольку все они характеризуют некоторое состояние единства (Кривоусков, 2013).

Социальная солидарность ранее была рассмотрена в рамках интеграционного подхода Э. Дюркгейма – как сплоченность общества в единое целое, как некоторое состояние общества, которое объединено узлами солидарности и общими ценностями, а также как способность общества обеспечивать благополучие индивидов, снижать неравенство и поляризацию в обществе.

Однако касаясь вопросов рисков и угроз консолидации российского общества в целом и регионального в частности, необходимо опираться на такие важные подходы, как:

– Во-первых, социологическая теория риска (рискогенный подход) применительно к рискогенному обществу (У. Бека, О. Я. Яницкого, В. И. Зубкова), связанного с неопределенностью, противоречивостью, неуверенностью, непоследовательностью, непроверенностью и интенсивностью социальных изменений.

– Во-вторых, институциональный подход в соответствии с неoinституциональной концепцией Д. Норта, согласно которой – в эпоху трансформационных изменений и реформаций благополучное и эффективное развитие общества зависит от способности институтов адекватно реагировать на состояние неопределенности и стремительные изменения в ситуации, когда возникают различные альтернативы, которые не регулируются со стороны как формальных, так и неформальных механизмов (Жапиев, 2013. С. 84). При этом важно подчеркнуть, цитируя В. И. Зубкова, что «любой социальный институт является механизмом оптимизации риска», поскольку «большинство социальных действий осуществляется в

определенной институциональной среде», полной угроз и факторов дестабилизации (Зубков, 2009. С. 198–199).

– В-третьих, культурологическое направление теории доверия польского социолога П. Штомпки, в рамках которой доверие – это важный инструмент измерения социокультурного капитала (Штомпка, 2012). Кроме того, в рамках данной статьи применима также трактовка понятия «доверие», которую ввел Ф. Фукуяма. Ф. Фукуяма показывает, что доверие является у членов той или иной социальной группы как ожидание, в которое члены группы вкладывают тот факт, что, по их мнению, другие члены социальной группы будут отвечать существующим нормам и правилам, которые поддерживают окружающие (Фукуяма, 2004).

Взаимодействия в социальной структуре и общественных институтах определяются уровнем доверия как консолидационным потенциалом социума.

Следуя теории Р. Патнэма, стоит подчеркнуть, что в основе социального капитала лежит доверие, представляя собой солидаристский и консолидационный потенциал социума: «социальный капитал включает в себя различные характеристики социальной организации, такие как доверие, нормы и сети взаимодействия, которые могут способствовать повышению эффективности общества, облегчая координацию совместных усилий» (Патнэм, 1995).

Кроме того, важным для данной статьи является необходимость различать доверие горизонтальное, между социальными группами и отдельными социальными агентами, и институциональное, по отношению к социальным институтам и органам власти (Kaina, 2009).

Таким образом, фактор доверия рассматривается в качестве одного из важнейших факторов для консолидации российского общества (Волков, Кривопусков, 2013).

Общество риска и проблемы социальной консолидации

На данном этапе развития мирового сообщества устойчивость сложившихся социальных институтов утрачивает свою благонадежность и смысло-жизненный ориентир в силу того, что социальная динамика сегодня обладает огромным темпом, в котором стабильные социальные институты теряют свою надежность и «перестают быть надежными ориентирами для его понимания» (Римский, 2016. С. 142). Также нельзя не согласиться с идеей В. Л. Римского, который отмечает, что устойчивость существующего институционального пространства общества является рискогенным, поскольку стабильность деятельности социальных институтов выступает одной из основных причин разрыва социальности, что связано с переходом к постиндустриальной эпохе (Римский, 2016. С. 142–143). По словам

У. Бека, «система координат, в которой закрепляется жизнь и мышление индустриального модерна – оси “семья и профессия”, вера в науку и прогресс, – расшатывается, возникает новая двусмысленная связь между шансами и рисками, то есть вырисовываются контуры общества риска» (Бек, 2000. С. 8–9). По мнению О. Н. Яницкого, «институциональная структура общества риска, наряду с благами и достижениями, одновременно производит бедствия и потери, которые выступают как две равнозначные стороны процесса общественного развития, в котором риск порождает всякое социальное действие» (Яницкий, 2004. С. 6).

Особенности консолидационных процессов регионального сообщества

Консолидация на уровне регионального сообщества занимает особое место в структуре консолидации всего российского общества, поскольку именно региональное сообщество способно найти и удержать необходимый баланс между соблюдением национальных интересов и интересов отдельных социальных групп.

Сегодня национальный интерес – это всемерное, разностороннее укрепление российской государственности, повышение благосостояния и всесторонняя самореализация членов общества, в его основе лежит политическая, социальная и ценностная консолидация групповых и личных интересов (Ильичева, Рогачев, 2022).

При этом региональное сообщество выполняет роль узла пересечения разных аспектов взаимодействия в рамках социальной структуры:

1) относительно уровней социальной реальности – объективные макропроцессы интеграции различных структур общества и субъективные микропроцессы социальной солидарности в повседневной жизни людей (Шульц, Локосов, 2011);

2) относительно социальной структуры и институтов – функционального, организационного и аспекта ориентации социальных действий;

3) относительно субъектов социального взаимодействия – индивидуального, регионального и государственного уровня.

И с учетом этого можно сказать, что региональное сообщество само по себе несет консолидационный потенциал. Для реализации этого потенциала важна еще одна основополагающая характеристика регионального сообщества – целеполагание. Региональное сообщество существует не только потому, что объединено одной территорией проживания, но и потому, что необходима консолидация для решения каких-то проблем и для реализации определенных стратегий развития региона. Реализация данного потенциала идет на пользу и стране в целом. Так, например, в Стратегии пространственного развития Российской Федерации отмечается,

что достижение развития территорий должно достигаться, в том числе, за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития с соблюдением дифференцированного подхода. Такой подход крайне важен для сохранения важных уникальных черт региона и достижения при этом равновесного устойчивого развития государства. Роль региональных сообществ заключается в определении таких черт в консолидации и ресурсов, необходимых для следования общей стратегии.

Однако при этом региональному сообществу необходимо учитывать риски и угрозы консолидации, которые способны нанести урон целостности и устойчивости социальной структуре.

Деструктивная направленность консолидации

Одним из самых очевидных рисков консолидационных процессов является их возможная деструктивная направленность, когда действия социальных агентов направлены, например, на организацию массовых беспорядков (Молодов, 2014).

Это необходимо с особым вниманием учитывать в регионах, являющихся драйверами социально-экономических процессов, поскольку в них наблюдается более высокая доля негативно настроенных групп (Михайлова, 2022).

Выделяют ряд причин, которые могут привести к подобным деструктивным последствиям консолидации:

- 1) низкий уровень легитимности политической власти;
- 2) враждебность по отношению к другим социальным группам;
- 3) отсутствие установки на социальные взаимодействия.

Все они очевидно связаны с отсутствием или низким уровнем социального доверия и с негативным образом определенных политических и социальных групп. Стоит отметить, что формирование негативного образа других групп может иметь в своей основе как реальные детерминанты, так и фальшивые, навязанные псевдопричины.

Результаты экспертного опроса «Социальное доверие как важнейшее условие достижения социальной консолидации общества (регионального сообщества)» (Иванов, 2021) показывают, что успех консолидационных процессов регионального сообщества в значительной степени зависит от уровня социального доверия – 67,7 % опрошенных экспертов убеждены в высокой степени этого влияния. В то время как атомизация общества может являться следствием отсутствия установки на социальные взаимодействия, а также является фактором, снижающим уровень доверия – 91,7 % экспертов оценили степень его влияния как высокую (45 %) и среднюю (46,7 %) (Иванов, 2021).

Среди остальных факторов выделим те, которые можно отнести к маркерам легитимности и эффективности политической власти:

1. Игнорирование со стороны властных структур (областных, районных) обращений, поступающих от населения (72,5 % отметили высокую степень влияния и 15 % – среднюю).

2. Медленное и часто формальное решение бытовых проблем граждан на уровне определенных социальных институтов (64,2 % и 25 %).

3. Слаборазвитые институты гражданского общества (45 % и 35,8 %), а также невысокий авторитет и низкий уровень доверия к органам властных структур (55,8 % и 55 %) (Иванов, 2021).

Эти проблемы могут быть связаны и с тем, что население не всегда понимает, куда, к кому адресно и как правильно обращаться со своими проблемами, а иногда и вовсе не обращается, поскольку считает это бесполезной тратой времени. Последнее тоже необходимо учитывать, поскольку доверие формируется на основе как рациональной, так и эмоциональной составляющей (Глебов, 2021). Региональное сообщество должно выступать посредником между населением и органами власти для формирования доверительного диалога. Тогда, благодаря формированию дополнительного канала взаимодействия, органы власти смогут более глубоко понимать проблемы, возникающие в регионе, и пути их решения. Таким образом, региональное сообщество обеспечивает некоторое первоначальное повышение доверия, позволяющее правильно понять запросы населения, решить эти проблемы, как следствие – улучшить свой имидж и сформировать уже реальный высокий уровень социального доверия.

Социальное доверие важно не только при отношениях по вертикали социальной структуры, в его институциональном аспекте, но и при выстраивании горизонтальных социальных контактов. В этом плане роль регионального сообщества сводится к тому же – сформировать площадку для построения конструктивного диалога, дать возможность разным социальным группам узнать друг друга лучше и, возможно, разрушить негативные стереотипы, противодействующие коммуникациям.

Консолидация может иметь и неосознанную деструктивную направленность, когда излишняя социальная солидарность выражается в применении действий по исключению в отношении других социальных групп (Кармадонов, 2015). В таком случае риск заключается в возможности формирования серьезной социальной проблемы, возникают угрозы ценностям, социальным нормам, институциональным устоям и общему социальному порядку (Андрянова, 2018).

Использование консолидационного потенциала в целях разрушения социальной структуры. Институциональные риски консолидации

Риски деструктивной направленности консолидации сопряжены с угрозами внешнего вмешательства в консолидационные региональные процессы, когда внешние агенты целенаправленно используют консолидационный потенциал региона для разрушения его социальной структуры. Это может осуществляться через насаждение чуждых ценностей или девиантных моделей поведения, которые получают распространение за счет высокой консолидации и высокой включенности социальных агентов в социальную структуру.

Эта угроза становится тем более реальной, чем менее устойчивы ценностные ориентации общества и чем ниже уровень доверия между социальными агентами внутри социальной структуры. Особенно актуально это в условиях социальной неопределенности и турбулентности, которые, безусловно, явственно проявляются в российском обществе (Волков, 2022).

Какие же институциональные риски консолидации регионального сообщества можно выделить?

Как подчеркивает исследователь факторов консолидации российского общества В. В. Кривоусков, первостепенным рискогенным потенциалом, возникающим в условиях российской государственности, обладает политический институт государства. По мнению В. В. Кривоускова, политический институт государства выступает в качестве основного субъекта, который участвует в обеспечении социальной консолидации общества. Кроме того, необходимо отметить, что в настоящее время роль данного института постепенно идет на спад, а вот значимость самоорганизационных сил (гражданских структур), наоборот, возрастает. Именно к этим самоорганизационным силам российское общество в целом и региональное в особенности – пока не очень готовы в силу того, что в региональных сообществах существует такая институциональная угроза как патернализм, «способствующая росту институциональных рисков, формирующихся в сфере взаимодействия общества и государства» (Кривоусков, 2012. С. 30). Уход государства из сферы социальных институтов стал рискогенным фактором для региональных сообществ.

В этой связи можно выделить риски консолидации регионального сообщества в рамках рассогласования между политическим институтом государства и общественными институтами:

– во-первых, риски, сопряженные с противоречиями между целями, потребностями и интересами государства и отдельных региональных сообществ;

– во-вторых, риск, связанный с рассогласованием между политическим институтом государства в лице действующих политических партий и гражданским обществом в лице региональных сообществ;

– в-третьих, упомянутый выше риск доверия между институтом государства и общественными институтами. Как подчеркивают С. В. Рогачев, М. В. Ильина и А. В. Иванов, на данном этапе развития общества «уровень актуального доверия в обществе позволяет ему вырабатывать консолидирующую идеологию, эффективную социальную политику, обеспечивает устойчивое и безопасное развитие» (Рогачев и др., 2022). Однако при этом в российском сообществе на протяжении нескольких десятков лет отслеживается «постоянное снижение уровня социального доверия граждан к власти на фоне отказа от советской идеологии, отсутствия новой консолидирующей общество идеологии, высокой турбулентности и слабой предсказуемости процесса общественного развития» (Рогачев и др., 2022. С. 130);

– в-четвертых, риск, связанный с диссонансом в общественном мнении в понимании внутренних региональных проблем (экономических, политических, социальных, религиозных, этнических и пр.). Как отмечает в своей работе Н. В. Губина, оценка населением деятельности государственных структур власти опирается не на объем тех средств, которые тратятся, и не на количество проводимых мероприятий, оценка населения выстраивается за счет того, слышат ли институты власти проблемы населения, принимают ли попытки решить данные проблемы (Губина, 2013. С. 317).

Адекватность оценки уровня консолидации в качестве состояния социума. Инструменты консолидации российского общества

Согласно У. Беку, очень важной представлялась ключевая цель консолидации общества в вопросах решения проблем на уровне государства и институционального пространства общества (институтов семьи, экономики, науки и образования). Однако в обществе риска существует потребность в умении прогнозировать последствия своих социальных действий и развития ситуации под влиянием объективных факторов, на которые не представляется возможным повлиять и минимизировать риски неблагоприятных последствий (Бек, 2000. С. 58).

При разработке стратегии регионального и государственного развития консолидация учитывается сразу в двух проявлениях:

- 1) как состояние общества – в качестве отправной точки для реализации стратегии, уровень консолидации оценивается как потенциал, определяющий отдельные аспекты и общую будущую успешность стратегии;
- 2) как процесс, сопутствующий и способствующий реализации стратегии.

В обоих случаях на показателях консолидации строятся прогнозы по реализации стратегии, поэтому крайне важна их адекватная оценка.

Риски, связанные с недооценкой или переоценкой любого проявления консолидации, не настолько критичны, как предыдущие. Это связано с тем, что процесс реализации стратегии носит итеративный (часто повторяемый) характер с постоянным или периодическим мониторингом промежуточных результатов. Поэтому есть возможность заметить и исправить ошибку. Однако в любом случае эти риски лучше избегать, т.к. они несут лишние ресурсные, временные и финансовые затраты.

В качестве инструментов консолидации российского общества в целом и регионального в частности Т. С. Ахромеева, Г. Г. Малинецкий и С. А. Посашков обозначают рациональность, ответственность и рефлексивность. Рациональность основана на элементах аналитического мышления в целях противостояния многочисленным попыткам «переписать», исказить и переоценить историю в рискогенную эпоху; ответственность как инструмент преодоления «детского восприятия власти», а также осознанного и ответственного отношения к своей жизни и жизни социального окружения; рефлексивность как инструмент, который помогает понять имеющийся социальный опыт, позволяющий воссоздать адекватную современной реальности карту рисков. Т. С. Ахромеева, Г. Г. Малинецкий и С. А. Посашков отмечают, что в настоящее время в сознании общества имеющаяся карта обладает определенными искажениями. Кроме того, данные исследователи подчеркивают очевидную роль науки как социального института, способствующего консолидации региональных сообществ и общества в целом, указывая, что в 2013 г. Российской академии наук (РАН) доверяло свыше 64 % населения, что превышало уровни доверия Президенту и Русской православной церкви. Действительно, РАН как серьезный социальный институт в том виде, в котором он существовал с 1724 г., вплоть до 2013 г. был «важным инструментом социальной рефлексии, возможностью для общества провести оценку и экспертизу проектов, программ, законов» (Ахромеева и др., 2016. С. 19–21).

Ю. В. Коречков в качестве инструментов институционального обеспечения сбалансированного развития российского регионального сообщества предполагает следующие: на региональном уровне подготовка нормативно-правового обеспечения стратегического и тактического

планирования; создание инновационных инвестиционных программ; реализация работы экономических структур, которые причастны к работе программы развития; «формирование системы отношений и взаимосвязей между интегрированными структурами, участвующими в экономической деятельности» (Коречков, 2021).

Заключение

В качестве заключения необходимо сказать, что важным инструментом консолидации регионального сообщества, бесспорно, является присутствие продуктивной национальной идеи в рамках разработки стратегии развития общества, без которой не представляется возможным преодолеть рискогенный потенциал консолидационных процессов, полагаться на сплочение различных региональных сообществ и укрепление фактора доверия между институтом государства и общественными институтами.

Литература

Андрьянова М. В. Феномен социального исключения и его характеристика / М. В. Андрьянова // Образование и наука в России и за рубежом. – 2018. – № 8(43). – С. 26–28.

Ахромеева Т. С. Институциональное обеспечение сбалансированного развития региона / Т. С. Ахромеева, Г. Г. Малинецкий, С. А. Посашков // Сборник материалов национальной научно-практической конференции (с международным участием) Академии МУБиНТ. – Ярославль, 2021. – С. 18–21.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. – Москва: Прогресс-традиция, 2000. – 381 с. – ISBN 5-89826-059-5.

Волков Ю. Г. Социокультурные травмы современного российского общества / Ю. Г. Волков // Социологические исследования. – 2022. – № 3. – С. 13–23. – DOI 10.31857/S013216250017543-0. – EDN TUMAPO.

Волков Ю. Г. Доверие и креативный класс: факторы консолидации российского общества / Ю. Г. Волков, В. В. Кривоусков. – Ереван: Тигран Мец, 2013. – 243 с. – ISBN 978-99941-0-524-3.

Вызовы современного развития и проблема консолидации российского общества / О. М. Михайленок, В. В. Люблинский, Б. И. Зеленко [и др.] // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 4. – С. 20–60. – EDN UDYSLN.

References

Andrianova M. V. (2018) The phenomenon of social exclusion and its characteristics / M. V. Andrianova // Education and science in Russia and abroad. – No. 8(43). – Pp. 26-28.

Akhromeeva T. S. (2021) Institutional support of balanced development of the region / T. S. Akhromeeva, G. G. Malinetsky, S. A. Posashkov // Collection of materials of the national scientific and practical conference (with international participation) MUBiNT Academy. – Yaroslavl. – Pp. 18-21.

Beck U. (2000) Risk society. On the way to another modern / U. Beck; transl. from German V. Sedelnik and N. Fedorova. – Moscow: Progress-Tradition. – 381 p. – ISBN 5-89826-059-5.

Volkov Yu. G. (2022) Sociocultural traumas of modern Russian society / Yu. G. Volkov // Sociological research. – No. 3. – Pp. 13-23. – DOI 10.31857/S013216250017543-0.

Volkov Yu. G. (2013) Trust and the creative class: factors of consolidation of Russian society / Yu. G. Volkov, V. V. Krivopuskov. – Yerevan: Tigran Metz. – 243 p. – ISBN 978-99941-0-524-3.

Challenges of modern development and the problem of consolidation of Russian society (2015) / O. M. Mikhaylenok, V. V. Lyublinsky, B. I. Zelenko [et al.] // Socio-humanitarian knowledge. – No. 4. – Pp. 20-60.

Gapich A. E. (2007) Dedifferentiation of the social structure of the regional community

Гапич А. Э. Дедифференциация социальной структуры регионального сообщества Ставропольского края / А. Э. Гапич // Теория и практика общественного развития. – 2007. – № 2. – С. 88–93. – EDN LKDLIB.

Глебов Н. А. Проблема доверия населения к органам власти в России / Н. А. Глебов, С. М. Некрасова // Исследования молодых ученых: материалы XVI Междунар. науч. конф. Казань, 2021. – С. 59–62.

Губина Н. В. Когнитивный диссонанс населения города с властью с позиций социологии знания / Н. В. Губина // Вестник Казанского технологического университета. – 2013. – Т. 16. – № 12. – С. 313–318. – EDN QCWPYF.

Жапуев З. А. Социальный иммунитет российского общества в условиях институциональной трансформации: факторы риска и стратегии повышения: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Жапуев Заур Аскербиевич. – Ростов-на-Дону, 2013. – 60 с. – EDN ХАНСYY.

Иванов А. В. Социально-политические риски процесса формирования доверия к власти / А. В. Иванов // Третьи декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Вызовы пандемии, парламентские выборы и стратегическая повестка дня для общества и государства: материалы науч.-практ. конф. (Москва, 24 декабря 2021 г.) / Отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. – Москва: ФНИСЦ РАН, 2022. – С. 60–66.

Ильичева Л. Е. Риски и вызовы социальной консолидации российского общества в условиях цивилизационной трансформации / Л. Е. Ильичева, С. В. Рогачев // Власть. – 2022. – Т. 30. – № 5. – С. 88–97. – DOI 10.31171/vlast.v30i5.9243. – EDN АНВYMN.

Кармадонов О. А. Солидарность, интеграция, конъюнкция / О. А. Кармадонов // Социологические исследования. – 2015. – № 2(370). – С. 3–12. – EDN TNESWX.

Коречков Ю. В. Институциональное обеспечение сбалансированного развития региона / Ю. В. Коречков // Институциональное обеспечение сбалансированного

of the Stavropol Territory / A. E. Gapich // Theory and practice of social development. – No. 2. – Pp. 88–93.

Glebov N. A. (2021) The problem of public confidence in the authorities in Russia / N. A. Glebov, S. M. Nekrasova // Research of young scientists: materials of the XVI International Scientific Conference. Kazan. – Pp. 59–62.

Gubina N. V. (2013) Cognitive dissonance of the city population with the authorities from the standpoint of the sociology of knowledge / N. V. Gubina // Bulletin of Kazan Technological University. – Vol. 16. – No. 12. – Pp. 313–318.

Zhapuev Z. A. (2013) Social immunity of the Russian society in the conditions of institutional transformation: risk factors and strategies for improvement: specialty 22.00.04 “Social structure, social institutions and processes”: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences / Zaur Askerbievich Zhapuev. – Rostov-on-Don. – 60 p.

Ivanov A. V. (2022) Socio-political risks of the process of forming trust in the authorities / A. V. Ivanov // Third December socio-political readings “How are you living, Russia?”. The challenges of the pandemic, parliamentary elections and the strategic agenda for society and the state: materials of the scientific and practical conference. (Moscow, December 24, 2021) / Ed. V. K. Levashov; FNISTC RAS. – Moscow: FNISTC RAS. – Pp. 60–66.

Ilyicheva L. E. (2022) Risks and challenges of social consolidation of Russian society in the conditions of civilizational transformation / L. E. Ilyicheva, S. V. Rogachev // Power. – Vol. 30. – No. 5. – Pp. 88–97. – DOI 10.31171/vlast.v30i5.9243.

Rogachev S. V. (2022) Social trust and the process of consolidation of society: new opportunities and risks / S. V. Rogachev, M. V. Ilyicheva, A. V. Ivanov // Izvestiya Tula State University. Humanities. – No. 1. – Pp. 129–140. – DOI 10.24412/2071-6141-2022-1-129-140.

Karmadonov O. A. (2015) Solidarity, integration, conjunction / O. A. Karmadonov // Sociological research. – No. 2(370). – Pp. 3–12.

Korechkov Yu. V. (2021) Institutional support of balanced development of the region / Yu. V. Korechkov // Institutional support of balanced

развития региона: Сборник материалов национальной научно-практической конференции (с международным участием) Академии МУБиНТ, Ярославль, 29 ноября 2021 года. – Ярославль: Редакционно-издательский отдел Международной академии бизнеса и новых технологий (МУБиНТ), 2021. – С. 11–14. – EDN HJBCQZ.

Кривопусков В. В. Доверие в консолидации российского общества: социологическая концептуализация и институциональная оптимизация : автореферат дис. ... доктора социологических наук: 22.00.04 / Кривопусков Виктор Владимирович; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. – Ростов-на-Дону, 2013. – 61 с.

Кривопусков В. В. Консолидация российского общества: институциональные риски и угрозы / В. В. Кривопусков // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 11. – С. 29–36. – EDN QASCTT.

Михайлова Е. А. Факторы консолидации & дифференциации российского общества в актуальной геополитической ситуации / Е. А. Михайлова // ВЦИОМ. – URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/prof_conversation/cennostnaya-konsolidaciya-i-ili-razmezhevanie-rossijskogo-obshchestva-na-fone-svo/30-06-22-Mihaylova.pdf (дата обращения: 01.02.2023).

Молодов О. Б. Факторы консолидации регионального сообщества (на примере Вологодской области) / О. Б. Молодов // Наука XXI века: тенденции и перспективы: Сборник материалов международной научной конференции, Омск, 19 сентября 2014 года / Под общей редакцией доктора экономических наук, профессора А. И. Барановского. Том 2. – Омск: Омский экономический институт, 2014. – С. 77–86. – EDN TLEEID.

Римский В. Л. Проблемы консолидации общества риска / В. Л. Римский // Консолидация общества: аналитика обеспечения развития России и ее национальной безопасности: сб. материалов III Всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2016. – С. 142–145.

Рогачев С. В. Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски / С. В. Рогачев, М. В. Ильичева, А. В. Иванов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные

development of the region: Collection of materials of the national scientific and practical conference (with international participation) MUBiNT Academy, Yaroslavl, November 29, 2021. – Yaroslavl: Editorial and Publishing Department of the International Academy of Business and New Technologies (MUBiNT). – Pp. 11-14.

Krivopuskov V. V. (2013) Trust in the consolidation of Russian society: sociological conceptualization and institutional optimization : abstract dis. ... Doctor of Sociological Sciences: 22.00.04 / Krivopuskov Viktor Vladimirovich; [Place of defense: South Feder. un-ty]. – Rostov-on-Don. – 61 p.

Mikhailova E. A. (2022) Factors of consolidation & differentiation of Russian society in the current geopolitical situation / E. A. Mikhailova // VTSIOM. – URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka / prof_conversation/cennostnaya-konsolidaciya-i-ili-razmezhevanie-rossijskogo-obshchestva-na-fone-svo/30-06-22-Mihaylova.pdf (date of application: 01.02.2023).

Molodov O. B. (2014) Factors of consolidation of the regional community (on the example of the Vologda Oblast) / O. B. Molodov // Science of the XXI century: trends and prospects : Collection of materials of the International scientific conference, Omsk, September 19, 2014 / Under the general editorship of Doctor of Economics, Professor A. I. Baranovsky. Volume 2. – Omsk: Omsk Economic Institute. – Pp. 77-86.

Rimsky V. L. (2016) Problems of consolidation of the risk society / V. L. Rimsky // Consolidation of society: analytics of ensuring the development of Russia and its national security: collection of materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow. – Pp. 142-145.

Rogachev S. V. (2022) Social trust and the process of consolidation of society: new opportunities and risks / S. V. Rogachev, M. V. Ilyicheva, A. V. Ivanov // Izvestiya Tula State University. Humanities. – No. 1. – Pp. 129-140. – DOI 10.24412/2071-6141-2022-1-129-140.

Social consolidation of the regional community (2017) / M. V. Morev, E. O. Smoleva, I. N. Dementieva [et al.]. – Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – 164 p. – (Problems of public administration efficiency). – ISBN 978-5-93299-387-3.

Fukuyama F. (2004) Trust: Social Virtues and the Path to prosperity / F. Fukuyama; [transl. from

науки. – 2022. – № 1. – С. 129–140. – DOI 10.24412/2071-6141-2022-1-129-140. – EDN NOCHSG.

Социальная консолидация регионального сообщества / М. В. Морев, Е. О. Смолева, И. Н. Дементьева [и др.]. – Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2017. – 164 с. – (Проблемы эффективности государственного управления). – ISBN 978-5-93299-387-3. – EDN YSRJKO.

Фукуяма Ф. Доверие: соц. добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма; [пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина]. – Москва: АСТ: Ермак, 2004 (Тип. изд-ва Самар. Дом печати). – 730 с. – ISBN 5-17-024084-8.

Штомпка П. Доверие – основа общества / П. Штомпка; [пер. с пол. Н. В. Морозовой]. – Москва: Логос, 2012. – 445 с. – ISBN 978-5-98704-495-7.

Шульц В. Л. Консолидация современного российского общества: риски и возможности / В. Л. Шульц, В. В. Локосов // Вестник Российской академии наук. – 2011. – Т. 81. – № 11. – С. 963–970. – EDN OJHJNR.

Яницкий О. Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции / О. Н. Яницкий // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 5–15. – EDN OWNMWV.

Kaina V. Wir in Europa. Kollektive Identität und Demokratie in der Europäischen Union / V. Kaina. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. – 268 p.

Putnam R. D. Bowling Alone: Americas Declining Social Capital Journal of Democracy / R. D. Putnam. – 1995. – Pp. 65-78.

English by D. Pavlova, V. Kiryushchenko, M. Kolopotina]. – Moscow: AST: Ermak. (Type. publishing house Samar. House of Printing). – 730 p. – ISBN 5-17-024084-8.

Shtompka P. (2012) Trust - the basis of society / P. Shtompka; [transl. from Polish by N. V. Morozova]. – Moscow: Logos. – 445 p. – ISBN 978-5-98704-495-7.

Shultz V. L. (2011) Consolidation of modern Russian society: risks and opportunities / V. L. Shultz, V. V. Lokosov // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – Vol. 81. – No. 11. – Pp. 963-970.

Yanitsky O. N. (2004) Russia as a risk society: methodology of analysis and contours of the concept / O. N. Yanitsky // Social sciences and modernity. – No. 2. – Pp. 5-15.

Kaina V. (2009) Wir in Europa. Kollektive Identität und Demokratie in der Europäischen Union / V. Kaina. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. – 268 p.

Putnam R. D. (1995) Bowling Alone: Americas Declining Social Capital Journal of Democracy / R. D. Putnam. – Pp. 65-78.

Для цитирования: Хунагов Р. Д. Консолидация российского регионального сообщества: анализ рисков и угроз // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 39–53.

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.3

EDN CQRQFD

История статьи:

Поступила в редакцию – 09.01.2023

Получена в доработанном виде –

31.01.2023

Одобрена – 03.02.2023

Сведения об авторе

Хунагов Рашид Думаличевич

Доктор социологических наук, профессор,
директор Научно-исследовательского
института комплексных проблем,
Адыгейский государственный университет

385000, Республика Адыгея,
г. Майкоп, ул. Гагарина, д. 13,
e-mail: niikpagu@rambler.ru

Information about author

Rashid D. Khunagov

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Director of the Research Institute
of Complex Problems,
Adygea State University

385000, Republic of Adygea,
Maykop, Gagarin str., 13,
e-mail: niikpagu@rambler.ru

УДК 304.2

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.4
EDN DAYKZM

Три статьи в журнале – научная

**ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО
В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
УРОВНИ И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ**

**DIGITAL DIVIDE
IN MODERN RUSSIAN
SOCIETY: LEVELS
AND SOCIAL
CONSEQUENCES**

© 2023 г.

О. М. Шевченко*

© 2023

O. M. Shevchenko*

* *Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

* *Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования заключается в рассмотрении уровней и социальных последствий цифрового неравенства в российском обществе.

Objective of the study is to examine the levels and social consequences of digital inequality in Russian society.

Методологическую базу исследования составляют институциональный подход (Д. Норт), положения теории цифровой трансформации общества (М. Кастельс, У. Бек), теории стратификации (П. Сорокин), концепция социального капитала (П. Бурдьё).

The methodological basis of the research is the institutional approach (D. North), the provisions of the theory of digital transformation of society (M. Castels, W. Beck), the theory of stratification (P. Sorokin), the concept of social capital (P. Bourdieu).

Результаты исследования. Тотальная цифровизация общества сопровождается появлением и углублением цифрового неравенства, которое сегодня носит многоуровневый характер, проявляясь в форме глобальной, национальной и индивидуальной асимметрии в уровне доступности цифровых технологий для стран, регионов, поселенческих общностей и отдельных категорий населения. Цифровое неравенство представляет собой многомерное явление, которое отражает не только показатели доступности цифровой инфраструктуры для различных акторов, но и их возможности пользоваться иными жизненно важными ресурсами, которые могут обеспечить как экономическое развитие страны, так и социальное благополучие человека.

Research results. The total digitalization of society is accompanied by the emergence and deepening of digital inequality, which today has a multi-level character, manifesting itself in the form of global, national and individual asymmetry in the level of accessibility of digital technologies for countries, regions, settlement communities and certain categories of the population. Digital inequality is a multidimensional phenomenon that reflects not only the availability of digital infrastructure for various actors, but also their ability to use other vital resources that can ensure both the economic development of the country and the social well-being of a person.

Перспективы исследования. Проблема цифрового неравенства представляет научный и практический интерес в связи с необходимостью понимания факторов его появления и воспроизводства, а также его социальных последствий для стран, регионов, отдельных категорий граждан.

Prospects of the study. The problem of digital inequality is of scientific and practical interest due to the need to understand the factors of its emergence and reproduction, as well as its social consequences for countries, regions, and certain categories of citizens.

Ключевые слова: цифровое неравенство; цифровые технологии; цифровой разрыв; цифровые дивиденды; цифровая инфраструктура; цифровые услуги.

Keywords: digital inequality; digital technologies; digital divide; digital dividends; digital infrastructure; digital services.

Введение

Ведущей тенденцией современного мирового развития является цифровизация практически всех сфер социальной жизни. Стремительное развитие цифровых технологий кардинально меняет профессиональную и образовательную сферы, а также существенно трансформирует повседневные практики человека. Современный технологический уровень развития общества значительно расширяет человеческие возможности в плане коммуникации, организации экономической, образовательной и досуговой деятельности. Сегодня информационная среда претерпевает качественные изменения, обусловленные переходом из аналоговых (физических) видов контента в цифровые, мобильные, управляемые, а главным атрибутом жизни современного человека являются высокотехнологичные гаджеты и Интернет. Эти процессы определяют вектор цифровой трансформации общества, охватывающей все структуры и социальные институты общества.

Очевидно, что активное внедрение цифровых технологий в различные сферы социума несет значительные «цифровые дивиденды», связанные с автоматизацией управления бизнес-процессами, с использованием дистанционных технологий в образовании, с оптимизацией функционирования социальных институтов, повышения качества их услуг. В то же время цифровизация российского общества сопровождается появлением нового вида социального неравенства – цифрового, которое определяется наличием возможностей у различных категорий населения пользоваться благами цифровых технологий для доступа к различным социальным услугам. Это заставляет обратиться к исследованию специфики цифрового неравенства в российском обществе.

Методология и методы

В качестве методологии исследования выступает институциональный подход (Норт, 1997), позволяющий проанализировать процесс

институционализации цифрового неравенства в обществе. В статье используются положения теории цифровой трансформации общества (Бек, 2016; Кастельс, 2002), описывающие принципиальные изменения технологической инфраструктуры социума, развитие виртуальной сетевой коммуникации.

Концептуальными для исследования проблемы цифрового неравенства в современном обществе являются теория стратификации (Сорокин, 1992) и концепция социального капитала (Бурдье, 2002).

Основная часть

Значительный рост темпов цифровизации общества сопровождается развитием цифрового неравенства. Причем последнее складывается не только на мировом, но и на внутригосударственном уровне. Исследователи утверждают, что «разрыв между РФ и развитыми странами не лучшим образом сказывается на всех областях и конкурентоспособности страны. Еще более серьезной проблемой может стать цифровое неравенство внутри страны. Сильный цифровой разрыв зафиксирован между жителями городов и сельским населением. Причем этот разрыв существует не только в инфраструктуре доступа к сети Интернет, но и в цифровых навыках» (Ревина, Лазанюк, 2022. С. 213).

Американский ученый П. Норрис, рассматривая влияние цифровых технологий на общество, сравнивает их с «ящиком Пандоры, открывающим новые неравенства власти и богатства, что углубляет различия между информационно богатыми и бедными, подключенными и неподключенными, активными и пассивными» (Norris, 2001. Р. 13). Ученый выделяет следующие виды цифрового неравенства: глобальное, национальное и индивидуальное. Первое отражает неравенство как в уровнях технологического развития стран, так и в степени доступности им цифровых технологий. По оценкам Boston Consulting Group (BCG), только за 2011–2015 гг. цифровой разрыв между странами-лидерами и отстающими увеличился в 1,7 раза¹.

В научном дискурсе глобальное цифровое неравенство описывается посредством понятия «цифровой разрыв». Последнее отражает форму неравенства стран, обусловленную отсутствием возможностей использования цифровых технологий в развитии общества. Наличие цифрового разрыва между странами, в первую очередь, обусловлено уровнем их экономического и технологического развития, который определяет их возможности использовать инновационные технологии в различных сферах общества.

¹ Россия онлайн? Догнать нельзя отстать // The Boston Consulting Group. – URL: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Russia-Online_tcm27-152058.pdf (дата обращения: 11.01.2023).

По мнению специалистов, «именно цифровой разрыв не позволяет странам стать полноценными участниками социальных взаимодействий в условиях цифровизации экономики и цифровой реструктуризации государственного управления...» (Торопова и др., 2020. С. 457). Такая ситуация сопряжена с рисками архаизации общества, его исключения из глобальной экономической, финансовой, торговой системы, что имеет негативные последствия для устойчивого развития социума. Цифровой разрыв между странами ведет к социальной изоляции отдельных государств, негативными последствиями которой является отсутствие у них возможностей модернизации своей экономики на основе инновационных технологий, что сегодня выступает ключевым фактором устойчивого развития и конкурентоспособности стран.

Анализируя проблему цифрового неравенства в мировой системе, американский социолог Б. Весселс указывает на то, что государству для устойчивого развития необходима конкурентоспособная экономика. Последняя может быть таковой только в случае ее подключения к цифровой инфраструктуре и наличия квалифицированных кадров, способных ее обслуживать (Wessels, 2013).

Надо отметить, что проблема цифрового разрыва между странами является предметом обсуждения на международном уровне. В 2000 году участниками саммита «Большой восьмерки», проходившего в Японии, была утверждена Хартия глобального информационного общества, где декларировались принципы новой модели мироустройства, детерминированной развитием инновационных технологий. В частности подчеркивалось, что «информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества» (Окинавская Хартия... 2000. С. 53). Признание этого факта послужило основой для провозглашения новых правил социального миропорядка:

- а) доступность информационных технологий для развития производственной сферы;
- б) нормативно-правовая поддержка использования информационных технологий для экономической и политической модернизации стран;
- в) развитие информационной инфраструктуры общества;
- г) подготовка квалифицированных кадров, обладающих информационными компетенциями, необходимыми в современных условиях.

Впервые проблема цифрового неравенства обсуждалась на Всемирном саммите в 2003 г. в Женеве, где были поставлены вопросы о

доступности благ информационного общества для всех стран и дано определение цифровому неравенству как «ограничению возможностей развития из-за неравного доступа разных социальных групп населения и разных стран к ИКТ» (Положихина, 2017. С. 120). Кроме того, были обозначены два основных момента: а) неравенство непосредственно в доступе к информационным технологиям; б) неравенство в использовании информационных технологий в различных сферах социальной жизни.

В дальнейшем вопросы цифрового неравенства обсуждались в 2005 году на Всемирной встрече в Тунисе, где выступил Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан с докладом «К вопросу о цифровом неравенстве» (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры... 2005. С. 85). Обращение к данной проблеме свидетельствует об озабоченности мирового сообщества сложившимся межстрановым разрывом в возможностях использования современных инновационных технологий в развитии экономики и социальной сферы ряда государств.

Несмотря на обеспокоенность части мирового сообщества и ООН формирующимся цифровым неравенством, оно, к сожалению, продолжает углубляться. На сегодняшний день отмечают специалисты, «15 % человечества создает почти все мировые технологические инновации, около половины способно принять и усвоить их, а оставшаяся треть вообще выключена из этих процессов. Если так пойдет и дальше, то богатые и хорошо образованные нации будут становиться еще богаче и образованнее, а бедные еще беднее... Если человечество не сумеет вовремя преодолеть “цифровой разрыв”, новые технологии, таящие в себе огромные возможности, приведут к еще большей дифференциации общества» (Авдеева, 2021. С. 420).

Надо отметить, что важным показателем межстранового цифрового неравенства является наличие у населения навыков использования цифровых технологий. Согласно статистическим данным, «среди 33 европейских стран, население РФ имеет наихудшие показатели по навыкам работы в сети»¹.

Национальный уровень цифрового неравенства отражает неравномерность в экономическом и технологическом развитии территории государства. В этом плане цифровое неравенство связано со спецификой регионального развития страны и особенностями ее территориальных поселений.

¹ Индикаторы цифровой экономики – 2020: статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/387609461.PDF> (дата обращения: 28.12.2022).

Очевидно, что основным фактором цифрового неравенства территорий в рамках общего государственного устройства выступает отсутствие информационно-технологической инфраструктуры или ее недоступность для некоторых регионов страны.

Однако исследователи обращают внимание на то, если «изначально именно инфраструктура играла основную роль в возникновении цифрового неравенства, но с распространением доступа к сети все большее значение приобретает наличие навыков для выхода в Интернет и использование возможностей новых цифровых технологий, таких как: получение услуг через сеть Интернет, поиск достоверной информации, использование специального программного обеспечения для выполнения трудовых функций и облегчения быта, использование онлайн-платежей и электронной торговли и т. д.» (Ревина, Лазанюк, 2022. С. 209).

В этой связи ученые указывают на целый ряд причин, порождающих региональное цифровое неравенство:

– Наличие глубокого социального расслоения населения в различных регионах страны, что отражает общую ситуацию с социальным неравенством и бедностью, сложившуюся в стране.

– Низкое качество цифровой инфраструктуры при высокой стоимости «цифрового продукта» в ряде регионов страны. Социальная практика показывает, что во многих российских регионах качество сети Интернет оставляет желать лучшего, а оплата цифровых услуг превышает столичную (Александрова, 2019).

– Масштаб территории РФ, ее протяженность и различные климатические зоны оказывают существенное влияние на финансовые затраты по строительству технологической инфраструктуры в отдаленные районы, что ведет к значительной дифференциации территорий на основании доступности цифровой среды.

– Демографический фактор определяет наличие цифрового неравенства российских регионов: из сельской местности идет активная миграция молодежи и трудоспособного населения, что не стимулирует создание информационно-технологической инфраструктуры в таких поселениях.

– Неравномерное финансирование территорий и разная инвестиционная привлекательность регионов определяет возможности и объемы их цифровизации.

Очевидно, что совокупность вышеперечисленных факторов определяет возможности и уровень цифровизации российских регионов.

Индивидуальный уровень цифрового неравенства охватывает структуры повседневной жизни людей, их материальные и финансовые ресурсы, которые определяют их возможности пользоваться

современными цифровыми технологиями в профессиональной, образовательной и повседневной деятельности.

В настоящее время проблему цифрового неравенства на микроуровне исследователи рассматривают не только в технологическом аспекте, но в социальном. Последний связан с тем, что цифровое неравенство обусловлено не только отсутствием возможности доступа к информационно-технологической инфраструктуре, но и ограничением прав человека на получение онлайн образовательных, медицинских, правовых, досуговых и других услуг.

Этот вопрос освещался в 2011 г. в докладе Генеральной Ассамблеи ООН, где было зафиксировано, что базовым правом человека является наличие доступа к Интернет-сети и получение цифровых услуг (La Rue, 2011).

Очевидно, что цифровые технологии открывают широкие возможности для человека в плане получения нужной информации, самореализации, профессионального развития и организации досуга. Кроме того, владение информационными компетенциями является социальным капиталом личности, который способствует более успешной ее адаптации и открывает возможности для вертикальной мобильности.

Цифровое общество предъявляет свои требования к профессиональным навыкам специалистов, в том числе и к уровню их информационно-коммуникационной компетентности, которая способствует росту производительности труда, «увеличивая ценность личности на рабочем месте, повышая ее конкурентоспособность на рынке труда, улучшая качество жизни» (Паршукова, 2006. С. 215). Ограничение в использовании цифровых технологий значительно усложняет жизнь людей, закрывает им возможности для получения нужной информации и профессиональной и личностной самореализации, что свидетельствует о цифровом неравенстве, сложившемся в обществе.

Специалисты отмечают, что «развитые базовые цифровые компетенции являются фундаментом для деятельности в цифровом пространстве. Индивид, обладающий цифровыми компетенциями, повышает уровень эффективности своей профессиональной деятельности, уменьшает время на выполнение не только профессиональных, но и личных задач, что открывает новые возможности для профессионального и личностного роста» (Гладилина, Крылова, 2019. С. 14).

В качестве ключевых факторов «цифрового неравенства» на индивидуальном уровне социологи выделяют величину дохода, образование, гендерную принадлежность, возрастные характеристики.

Несомненно, основной причиной цифрового неравенства является уровень доходов населения, поскольку доступ к сети Интернет

предполагает не только оплату за него, но и наличие компьютерных устройств, позволяющих его осуществить. Известно, что некоторые категории населения (малоимущие, пенсионеры и пр.) не обладают финансовыми возможностями для приобретения необходимых информационных устройств. В этой связи социологи отмечают, что «люди, не использующие Интернет, лишены не просто доступа к абстрактной информации, но и к реальным ресурсам» (Волченко, 2016. С. 165).

В число индикаторов цифрового неравенства входит уровень образования человека. Ученые фиксируют тот факт, что чем ниже уровень образования, тем с меньшей вероятностью индивид пользуется цифровыми технологиями как в профессиональной, так и в повседневной жизни (Волченко, 2016). Причем речь идет о том, что люди, имеющие более высокий уровень образования, гораздо чаще обращаются к интернет-ресурсам и пользуются цифровыми технологиями в профессиональной сфере и повседневной жизни. Это коррелирует с концепцией П. Бурдые, согласно которой образование выступает социальным капиталом личности, который конвертируется в материальные и социальные блага, поэтому отсутствие доступности цифровых ресурсов ведет к развитию социальной эксклюзии.

Кроме того, социологи фиксируют влияние половой принадлежности человека на информационную активность в интернет-пространстве, отмечая, что уровень владения большинством цифровых навыков у мужчин выше, чем у женщин. Однако, по мнению исследователей, цифровое неравенство на основе гендерной принадлежности обусловлено не столько половой идентичностью пользователей, сколько информационным контентом сети Интернет, который ориентирован преимущественно на мужскую аудиторию (Vimber, 2000). Социологические данные подтверждают, что женщины реже, чем мужчины, обращаются к интернет-ресурсам для поиска информации (Волченко, 2016).

Принадлежность к определенной демографической группе оказывает значительное влияние на проявление цифрового неравенства в обществе, поскольку разные возрастные категории населения имеют различные навыки владения цифровыми технологиями и, соответственно, различную степень активности в информационном пространстве. Очевидно, что пожилые люди в меньшей степени, чем молодежь, владеют данными технологиями, в силу чего реже используют Интернет для получения информации.

Заключение

Следует отметить, что стремительная цифровизация общества влечет за собой трансформацию институциональной среды, охватывая практически все сферы деятельности людей. Очевидно, что внедрение

цифровых технологий существенно влияет на жизнь современного человека, открывая для него широкие возможности в плане поиска информации, получения образовательных и медицинских услуг, оптимизации управленческих и производственных процессов, организации досуга, что несомненно улучшает его качество жизни и уровень благосостояния. Поэтому доступность цифровых технологий является важнейшим ресурсом системы жизнеобеспечения как человека, так и общества в целом.

В то же время тотальная цифровизация общества сопровождается появлением и углублением цифрового неравенства, которое сегодня носит многоуровневый характер, проявляясь в форме глобальной, национальной и индивидуальной асимметрии в уровне доступности цифровых технологий для стран, регионов, поселенческих общностей и отдельных категорий населения. Надо отметить, что в настоящее время цифровое неравенство представляет собой многомерное явление, которое отражает не только показатели доступности цифровой инфраструктуры для различных акторов, но и возможности пользоваться иными жизненно важными ресурсами, которые могут обеспечить как экономическое развитие страны, так и социальное благополучие человека.

Литература

References

Авдеева Т. В. Цифровая экономика и цифровое неравенство: современные проблемы и перспективы / Т. В. Авдеева // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник, Москва, 14–15 октября 2020 года / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В. И. Герасимов. Выпуск 4, Часть 1. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. – С. 416–420. – EDN LNNCNO.

Александрова Т. В. Цифровое неравенство регионов России: причины, оценка, способы преодоления / Т. В. Александрова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 8. – С. 9–12. – DOI 10.24411/2411-0450-2019-11101. – EDN YCOUAG.

Бурдьё П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60–74. – EDN OYUVRD.

Гладиллина И. П. Цифровые компетенции в структуре компетентного подхода социального и профессионального становления личности / И. П. Гладиллина, М. Е. Крылова // Современное

Avdeeva T. V. (2021) Digital economy and digital inequality: modern problems and prospects / T. V. Avdeeva // Greater Eurasia: Development, Security, cooperation: Yearbook, Moscow, October 14-15, 2020 / RAS. INION. Scientific department. cooperation; Ed. by V. I. Gerasimov. Issue 4, Part 1. – Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. – Pp. 416-420.

Alexandrova T. V. (2019) Digital inequality of Russian regions: causes, assessment, ways to overcome / T. V. Alexandrova // Economics and Business: theory and practice. – No. 8. – Pp. 9-12. – DOI 10.24411/2411-0450-2019-11101.

Bourdieu P. (2002) Forms of capital / P. Bourdieu // Economic sociology. – Vol. 3. – No. 5. – Pp. 60-74.

Gladilina I. P. (2019) Digital competencies in the structure of the competence approach of social and professional formation of personality / I. P. Gladilina, M. E. Krylova // Modern pedagogical education. – No. 11. – Pp. 13-15.

педагогическое образование. – 2019. – № 11. – С. 13–15. – EDN UQYHWL.

Декларация принципов. Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии // Библиотековедение. – 2005. – № 2. – С. 80–89. – EDN QRVVBN.

Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. – № 5(135). – С. 162–181. – DOI 10.14515/monitoring.2016.5.10. – EDN YFOSRV.

Индикаторы цифровой экономики – 2020: статистический сборник. – Москва: НИУ ВШЭ, 2020. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/387609461.PDF> (дата обращения: 28.12.2022).

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с. – (Современная институционально-эволюционная теория). – ISBN 5-88581-006-0. – EDN YQDVYE.

Окинавская Хартия глобального информационного общества (принята в 2000 г.) // Дипломатический вестник. – 2000. – № 8. – С. 51–56.

Паршукова Г. Б. Информационные компетентности личности. Диагностика и формирование / Г. Б. Паршукова, И. С. Пилко; Научный редактор: И. С. Пилко, Е. Б. Артемьева; Новосибирский государственный технический университет, ГПНТБ СО РАН. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2006. – 244 с. – ISBN 5-7782-0713-1. – EDN RSWWQT.

Положихина М. А. Информационно-цифровое неравенство как новый вид социально-экономической дифференциации общества / М. А. Положихина // Экономические и социальные проблемы России. – 2017. – № 2. – С. 119–142. – EDN YPQMLF.

Ревина С. Ю. Цифровое неравенство в России: последствия для образования / С. Ю. Ревина, И. В. Лазанюк // Бизнес. Образование. Экономика: сборник статей Международной научно-практической конференции, Минск, 07–08 апреля 2022 года. – Минск: Государственное

Declaration of Principles (2005) Building an information society is a global task in the new millennium // Librarianship. – No. 2. – Pp. 80-89.

Dynamics of digital inequality in Russia (2016) // Monitoring public opinion: economic and social changes. – No. 5(135). – Pp. 162-181. – DOI 10.14515/monitoring.2016.5.10.

Indicators of the digital economy: statistical collection (2020) – Moscow: HSE, 2020. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/387609461.PDF> (date of application: 28.12.2022).

North D. (1997) Institutes, institutional changes and the functioning of the economy / D. North. – Moscow: Foundation of the Economic Book “Beginnings”. – 180 p. – (Modern institutional and evolutionary theory). – ISBN 5-88581-006-0.

Okinawan Charter of the Global Information Society (adopted in 2000) // Diplomatic Bulletin. – No. 8. – Pp. 51-56.

Parshukova G. B. (2006) Information competence of the individual. Diagnostics and formation / G. B. Parshukova, I. S. Pilko; Scientific editor: I. S. Pilko, E. B. Artemyeva; Novosibirsk State Technical University, GPNTB SB RAS. – Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University. – 244 p. – ISBN 5-7782-0713-1.

Polozhikhina M. A. (2017) Information and digital inequality as a new type of socioeconomic differentiation of society / M. A. Polozhikhina // Economic and social problems of Russia. – No. 2. – Pp. 119-142.

Revinova S. Yu. (2022) Digital inequality in Russia: consequences for education / S. Yu. Revinova, I. V. Lazanyuk // Business. Education. Economics: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Minsk, 07-08 April 2022. – Minsk: State Educational Institution “Institute of Business of the Belarusian State University”. – Pp. 208-214.

Russia online? You can't keep up (2017) // The Boston Consulting Group – May 24 – URL: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Russia-Online_tcm27-152058.pdf (date of application: 11.01.2023).

Sorokin P. A. (1992) Man. Civilization. Society / P. A. Sorokin; [General ed., comp.

учреждение образования «Институт бизнеса Белорусского государственного университета», 2022. – С. 208–214. – EDN URWUFJ.

Россия онлайн? Догнать нельзя отстать // The Boston Consulting Group. – 24 мая. – 2017. – URL: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Russia-Online_tcm27-152058.pdf (дата обращения: 11.01.2023).

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин; [Общ. ред., сост. и предисл., с. 5–24, А. Ю. Согомонова]. – Москва: Политиздат, 1992. – 542 с. – ISBN 5-250-01297-3.

Торопова Н. В. Тенденции цифрового неравенства в цифровой экономике: особенности международной дискриминации / Н. В. Торопова, Е. С. Соколова, Ш. Р. Гусейнов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10. – № 8-1. – С. 456–463. – DOI 10.34670/AR.2020.37.94.052. – EDN BUJXHR.

Beck U. The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World / U. Beck. – Cambridge, Malden: Polity, 2016. – 240 p.

Bimber B. Measuring the gender gap on the Internet / B. Bimber // Social science quarterly. – 2000. – Vol. 81. – № 3. – Pp. 868-876.

Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society / M. Castells. – Oxford University Press, 2002. – 304 p.

La Rue F. Report of the special rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression / F. La Rue // UN General Assembly Human rights council, Seventeenth session. Geneva, 2011. – 22 p. – URL: http://www.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/a.hrc.17.27_en.pdf (дата обращения: 11.01.2023).

Norris P. Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide / P. Norris. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 330 p.

Wessels B. The reproduction and reconfiguration of inequality: Differentiation and class, status, and power in the dynamics of the digital divides / B. Wessels // The digital divide. The internet and social inequality in international perspective. – New York: Routledge, 2013. – Pp. 17-28.

and preface, Pp. 5-24, A. Y. Sogomonova]. – Moscow: Politizdat. – 542 p. – ISBN 5-250-01297-3.

Toropova N. V. (2020) Trends of digital inequality in the digital economy: features of international discrimination / N. V. Toropova, E. S. Sokolova, Sh. R. Huseynov // Economy: yesterday, today, tomorrow. – Vol. 10. – No. 8-1. – Pp. 456-463. – DOI 10.34670/AR.2020.37.94.052.

Beck U. (2016) The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World / U. Beck. – Cambridge, Malden: Polity. – 240 p.

Bimber B. (2000) Measuring the gender gap on the Internet / B. Bimber // Social science quarterly. – Vol. 81. – No. 3. – Pp. 868-876.

Castells M. (2002) The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society / M. Castells. – Oxford University Press. – 304 p.

La Rue F. (2011) Report of the special rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression / F. La Rue // UN General Assembly Human rights council, Seventeenth session. Geneva. – 22 p. – URL: http://www.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/a.hrc.17.27_en.pdf (date of application: 11.01.2023).

Norris P. (2001) Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide / P. Norris. – Cambridge: Cambridge University Press. – 330 p.

Wessels B. (2013) The reproduction and reconfiguration of inequality: Differentiation and class, status, and power in the dynamics of the digital divides / B. Wessels // The digital divide. The internet and social inequality in international perspective. – New York: Routledge. – Pp. 17-28.

Для цитирования: Шевченко О. М. Цифровое неравенство в современном российском обществе: уровни и социальные последствия // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 54–65.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.4
EDN DAYKZM

Сведения об авторе

Шевченко Ольга Михайловна

Доктор философских наук, профессор
кафедры конфликтологии
и национальной безопасности,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 160,
e-mail: olgashv2007@yandex.ru

История статьи:

Поступила в редакцию – 20.12.2022
Получена в доработанном виде –
24.01.2023
Одобрена – 27.01.2023

Information about author

Olga M. Shevchenko

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Department of Conflictology
and National Security, Institute of
Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University

344006, Rostov-on-Don,
Pushkinskaya str., 160,
e-mail: olgashv2007@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО

УДК 141.7+17.035.3+316.75

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.5
EDN DORCXR

Тип статьи в журнале – научная

**ЭКОФИЛЬНОСТЬ КАК
МЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА
ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩЕЙ
СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ**

**ECOPHILICITY AS THE
MENTAL BASIS OF A LIFE-
AFFIRMING STRATEGY FOR
THE DEVELOPMENT OF
MODERN RUSSIA: PHILO-
SOPHICAL REFLECTION**

© 2023 г.

В. А. Захарова*

Э. Э. Эмирбекова**

* Крымский филиал ФГБОУ ВО
«Российский государственный
университет правосудия»,
г. Симферополь, Россия

** Филиал Южного федерального
университета, г. Махачкала, Россия

© 2023

V. A. Zakharova*

E. E. Emirbekova**

* Crimean Branch of the Russian State
University of Justice,
Simferopol, Russia

** Branch of the Southern Federal
University, Makhachkala, Russia

Цель исследования заключается в обосновании ментального конструкта экофильности как базовой компоненты формирования инновационного экологического технологического уклада в контексте реализации стратегии развития современной России.

Методологическая база исследования представлена диатропикой как гносеологическим комплексом познавательных средств, направленных на обоснование доминанции принципа равноценности права на жизнь всех ее форм как системообразующего элемента коэволюционного процесса.

Результаты исследования заключаются в философском обосновании существа понятия экофильности, являющегося предметом современного научного дискурса. Впервые

Objective of the study is to substantiate the mental construct of ecophilicity as a basic component of the formation of an innovative eco-friendly technological way in the context of the implementation of the development strategy of modern Russia.

The methodological basis of the research is represented by diatropics as an epistemological complex of cognitive means aimed at substantiating the dominance of the principle of the equivalence of the right to life of all its forms as a system-forming element of the co-evolutionary process.

Research results. They consist in the philosophical substantiation of the essence of the concept of ecophilicity, which is the subject of modern scientific discourse. For the first time,

в рамках этого дискурса осмысливается ее императивное значение как ментальной основы жизнеутверждающей стратегии развития современной России. Раскрывается системообразующая роль экофильности в процессе формирования инновационного технологического уклада в нашей стране в качестве ключевого условия обеспечения высоких стандартов безопасности и комфортной жизни россиян.

Перспективы исследования связаны с углубленной разработкой теоретико-концептуальных оснований решения актуальной научной проблемы формирования модели обеспечения органами государственной власти и институтами гражданского общества в Российской Федерации перехода от акцента на формально-декларативный тип экологического поведения молодежи к акценту на сознательно-ответственный тип ее экологического поведения.

Ключевые слова: экофильность; ментальность; гомеостаз; социокультурный синтез; этноконфессиональные традиции; мораль; право; экологическое поведение; молодежь.

within the framework of this discourse, its imperative significance as the mental basis of a life-affirming strategy for the development of modern Russia is comprehended. The article reveals the system-forming role of ecophilicity in the process of forming an innovative technological structure in our country as a key condition for ensuring high standards of safety and a comfortable life for Russians.

Prospects of the study are connected with the in-depth development of theoretical and conceptual foundations for solving the actual scientific problem of forming a model for ensuring by public authorities and civil society institutions in the Russian Federation the transition from an emphasis on the formally declarative type of environmental behavior of young people to an emphasis on a consciously responsible type of its environmental behavior.

Keywords: ecophilicity; mentality; homeostasis; socio-cultural synthesis; ethno-confessional traditions; morality; law; environmental behavior; youth.

Введение

Новая реальность – это обрушившаяся глобализация в форме жесткого, скорее жестокого, порой бескомпромиссного, противостояния сторонников тоталитарной, монополярной парадигмы господства и подчинения, с одной стороны, и провозвестников многополярного мира равноправных субъектов международных отношений. Первые исповедуют старую, не выдерживающую критики ее противников, стратегию неокolonизма, воплощающую вековечное упование ее адептов на безысходность доминирования эгоистической стороны человеческой природы, как определяющей существо социального поведения людей. Естественным следствием такой позиции является навязывание ими мировому сообществу представления об особом праве так называемого «золотого миллиарда» человечества по безудержной, безграничной эксплуатации всех жизненных ресурсов нашей планеты, включая и жизненные ресурсы тех людей, которые не причисляются к избранным – носителями западно-цивилизационных ценностей. Вторые – это интеграллисты, отвергающие идею

неполноценности представителей любых этносов, осознающие как единственно допустимую альтернативу сохранения жизни на планете – гармонизацию этноконфессиональных и экосоциальных отношений. Выявленные геополитические тенденции, в полной мере вписываясь в обоснованный еще П. А. Сорокиным алгоритм мировой социокультурной динамики в форме закономерной смены «позитивной» и «негативной» поляризации ее субъектов (Сорокин, 1997. С. 200–230), свидетельствуют, что первая четверть XXI века – это время, которое характеризуется интенсификацией философского дискурса о грядущем человечества и путях его сохранения как социума и как биологического вида.

Эскалация военно-политических и информационно-идеологических усилий руководства стран НАТО и ЕС по «сдерживанию» России привела не только к провалу политики их перехода к так называемому «зеленому» технологическому укладу, полной дискредитации курса на устойчивое развитие мирового сообщества посредством решения в том числе и глобальных экологических проблем, но и к существенной деиндустриализации во многих европейских странах, падению уровня жизни значительной части их населения на фоне ускоряющейся деградации экологической ситуации.

Российская Федерация в новых для себя внешнеполитических и экономических условиях, связанных с необходимостью усиления военной защиты своих рубежей и противодействия санкционному прессингу, показала способность гибко реагировать на небывалые ранее вызовы геополитических оппонентов, опираясь на долгосрочную стратегию гармонизации межэтнических отношений (Федеральная целевая программа, 2013), оперативный отпор проявлениям терроризма и экстремизма, а также последовательную социальную политику и решение вопросов экологического развития страны (Основы государственной политики, 2012; Стратегия экологической безопасности, 2017) в контексте фундаментального поворота к цифровому обеспечению процесса создания инновационного технологического, социально-экономического уклада.

Характеристика понятия экофильности

Представляется, как свидетельствуют результаты исследований авторов включая их эмпирическую социологическую составляющую, по крайней мере за последние 15 лет, что учет экологического аспекта с точки зрения его актуальности в формировании новых поколений россиян как творцов экофильного социума неизменно возрастает как в сфере научных исследований (Велиева, 2011; Герасимов, 2008; Захарова, 2012) и стратегического прогнозирования (Сосунова, 2014; Шилин, 2003. С. 83–87; 113–115), так и в практикоприменительной деятельности, прочно завоевывая ведущее

место в отечественном общественном и научном дискурсе, привлекая все больше внимания законодателей, управленцев, широкого круга правоприменителей, включая и работников природоохранной сферы. Тем не менее он все же в большей степени обращен к прикладной стороне вопроса, хотя отнюдь не отпала нужда и в более глубокой его философской рефлексии, особенно в связи с необходимостью анализа разнообразных факторов постоянно меняющейся социокультурной динамики.

Консолидированный характер данный аспект философской рефлексии получает в экософии как философском учении, исследующем и определяющем экофильность как ключевую системообразующую константу бытия, являющуюся его всеобщим свойством, проявляющимся как ментальный компонент сознания, интенционально ориентирующий его носителя на бережное отношение к природе, воспринимаемой как единственный источник жизни, и обуславливающий такую поведенческую позицию, которая не только отвергает любые действия, ведущие к чрезмерной эксплуатации природных ресурсов и несущие угрозу полноценному существованию всех форм жизни, но и предполагает осознанные усилия по гармонизации субъект-объектных отношений в экосфере в целях обеспечения устойчивого баланса всех компонентов жизнеутверждающего потенциала биосферы, т. е. поддержания процесса гомеостаза.

Экофильность, конечно, прежде всего, выражает отношение людей к их экосоциальным связям. Она включает осознание личностью себя одновременно как органичной частью биосферной, включенной в алгоритмы эволюции природной среды и взаимосвязи с иными ее формами, так и творцом ее осваиваемой, преобразуемой по законам человеческого общества, части – субсреды, или экосферы. Особый, субъектный статус человеческого существа предопределяет и его особые права, и институциональную ответственность – выступать не «покорителем Природы», как об этом мечтали философы Нового времени и вдохновлялись идеологи колониализма, а ее правоохранителем, сберегающим ее, в том числе и невозполнимые, ресурсы, – как единственный источник жизни. В этом смысле созданная человечеством на основании как международного, так и национального права, законодательства, выступающими институциональным природоохранным императивом социума, сфера взаимоотношений с природной средой навсегда обрела институционализированный характер.

Можно ли такой результат развития цивилизации считать закономерным? Конечно, можно, если учитывать, на каком культурном фундаменте развивался тот процесс, который привел к оформлению всемирно признанной весьма тематически дифференцированной системы институционального обеспечения функционирования экологического и

природоресурсного права, законодательства. Этим социокультурным фундаментом являются во многом те этноконфессиональные традиции, которые тысячелетиями складывались по мере социального взросления разных народов мира. Свою лепту в этот мощный процесс «позитивной поляризации» социокультурных субъектов (Сорокин, 1997. С. 206, 221) внесли, бесспорно, экологичные культуры народов Востока, включая концепты даосизма, буддизма, синтоизма, а также экотрадиции многочисленных российских этносов, в частности, циркумполярной, кавказской, черноморо-азовской, уральско-поволжской, сибирской и дальневосточной ее зон (Шилин, 2003. С. 70–101, 110–182).

Такая выкристаллизовавшаяся на протяжении тысячелетий экофильность как следствие социокультурного синтеза разных этносов является существенным условием преодоления в глобальном масштабе парадигмы эгоантропоцентризма, все еще сохраняющей силу своего влияния как проявление «негативной» поляризации на определенные социальные слои населения мира, но прежде всего среди представителей так называемого «золотого миллиарда», и вместе с тем, представляет ментальную основу жизнеутверждающей стратегии развития современной России.

Прикладной аспект экофильности

Последнее обстоятельство связано с возможностями реализации потенциала воспитательного воздействия экофильности на личность, которая в результате способна раскрыться как подлинный творец экологичного социума. Это важно особенно для той части современной российской молодежи, которая не обладает чувством экофильности, имманентно присущей иным ее сверстникам из числа традиционно в социокультурном плане ориентированных на нее, а потому в силу разнонаправленного воздействия на нее факторов воспроизводства исторической памяти, существенно деформированной изъянами имеющейся системы образования, к сожалению, не может в полной мере включиться в процесс обретения чувства осознанного патриотизма, а тем более использования в этой связи его экофильного аспекта. Значимым показателем желаемых позитивных сдвигов в экологизации сознания молодых россиян для начала станет осознание ими биосферной, природной среды как целостности, частью которой они являются по факту своей биологической природы. Такие холистские представления во многом характерны для современной европейской молодежи, что во многом определяло долгое доминирование в сфере интеркоммуникации западного сообщества тренда на преимущества «зеленого» технологического уклада в социально-экономической сфере. Но разве трудно и в среде нашей молодежи творчески применить этот в целом позитивный опыт? Ведь наблюдаются примеры

подлинного креатива с ее стороны (Далибожко, 2019; Некрасова, 2017). Богатым креативным потенциалом в этом отношении обладает бурно развивающееся волонтерство, добровольчество молодых россиян. Для его эффективного извлечения не помешает помощь отечественных массмедиа. Как тут не вспомнить, какую роль в развитии ценных молодежных инициатив в советское время играла молодежная пресса. При этом не всегда для изучения ее опыта нужно обращаться к библиотечным архивам, ведь сегодня во многих семьях растут своих внуков, достигших возраста старших школьников и студентов, вполне активные в позитивном смысле комсомольцы 70–80-х гг. прошлого века. Они, несомненно, представляют могучий социальный ресурс, еще не исчерпавший накопленный жизненный опыт, который, естественно, требует творческого переосмысления и, тем более, – креативного использования, практического применения.

Конечно, в так ориентированном воспитательном процессе предполагается обращение его субъектов не только к моральным, но и к юридическим императивам, таким как права и обязанности, ответственность. И в этой связи происходит взаимная инкорпорация элементов ментальности экофильной и правовой, результатом чего становится оформление конструкта экоправового воспитания. Сама его суть понимается нами, не вызывая конструктивных замечаний со стороны специалистов в области экософской рефлексии (Шефель, 2016. С. 179, 193), как процесс целенаправленного воздействия на правосознание личности с целью активизации глубинных экофильных оснований ее правового бытия и формирования креативной позиции в отношении комплекса прав природной среды во главе с равным правом на жизнь как субъектов, так и объектов экосферы, а также утверждение их как системообразующих концептов стратегии жизнотворчества, столь значимых для решения задач укрепления правовой и экологической государственности. В этом также состоят основания пробуждения в духовной сфере личности чувства необходимости социоприродной гармонии и понимания ею того, что экоправовые ценности – это, собственно, то, что обуславливает экофильно ориентированную деятельность людей. Подтверждением этому служат, в частности, социологические опросы, проведенные автором на предмет выяснения степени вовлеченности студенчества Республики Крым в экологические практики, а также, собственно, примеры такой активной жизненной его позиции (Молодежь Крыма, 2020).

Заключение

Таким образом, переориентированные на экофильные традиции этносов России, шире – Евразии, процессы воспитания и самовоспитания, деятельного самовыражения современной российской молодежи, без

сомнения, способны стать мощной ментальной основой жизнеутверждающей стратегии развития современной России, нацеленной на достижение качественного нового уровня инновационного социально-экономического уклада жизни, гарантирующего ее максимальную безопасность и комфорт.

Литература

Велиева Д. С. Экологическая безопасность в России: конституционно-правовое исследование / Д. С. Велиева; Под ред. В. Т. Кабышева; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное образовательное учреждение высш. проф. образования «Поволжская акад. гос. службы им. П. А. Столыпина». – Саратов: Поволжская акад. гос. службы им. П. А. Столыпина, 2011. – 201 с. – ISBN 978-5-8180-0377-1.

Герасимов А. В. Экологическая безопасность современной России: политика обеспечения / А. В. Герасимов; Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, Московский фил. – Москва: Российский ун-т дружбы народов, 2008. – 201 с. – ISBN 978-5-209-03284-7.

Далибожко А. И. Молодежные проекты как основа устойчивого развития мирового сообщества и решения проблемы молодежной безработицы / А. И. Далибожко // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2019. – № 1(74). – С. 182–192. – EDN YTRSDJ.

Захарова Е. Ю. Экологическая культура соционатурэкосистемы: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Захарова Елена Юрьевна. – Чита, 2012. – 40 с. – EDN QHYOCB.

Молодежь Крыма проявляет активную жизненную позицию в вопросах охраны окружающей среды Республики. – URL: <https://crimea.kz/332766-Molodezh-Kryma-proyavlyayet-aktivnyuyu-zhynennuyu-poziciyu-v-voprosah-ohrany-okruzhayshey-sredy-respubliki-Sologub.html> (дата обращения: 27.01.2023).

References

Veliyeva D. S. (2011) Environmental safety in Russia: constitutional and legal research / D. S. Veliyeva; Edited by V. T. Kabyshev; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Federal State Educational Institution of Higher Education. Prof. education “Volga Academy of State Service named after P. A. Stolypin”. – Saratov: Volga Region Academy of State Services named after P. A. Stolypin. – 201 p. – ISBN 978-5-8180-0377-1.

Gerasimov A. V. (2008) Ecological safety of modern Russia: the policy of ensuring / A. V. Gerasimov; Leningrad State University named after A. S. Pushkin, Moscow Phil. – Moscow: Russian University of Friendship of Peoples. – 201 p. – ISBN 978-5-209-03284-7.

Dalibozhko A. I. (2019) Youth projects as a basis for sustainable development of the world community and solving the problem of youth unemployment / A. I. Dalibozhko // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. – № 1(74). – Pp. 182-192.

Zakharova E. Yu. (2012) Ecological culture of socionaturekosystems: specialty 09.00.11 “Social philosophy”: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philosophy / Zakharova Elena Yuryevna. – Chita. – 40 p.

The youth of Crimea shows an active life position in matters of environmental protection of the Republic. – URL: <https://crimea.kz/332766-Molodezh-Kryma-proyavlyayet-aktivnyuyu-zhynennuyu-poziciyu-v-voprosah-ohrany-okruzhayshey-sredy-respubliki-Sologub.html> (date of application: 27.01.2023).

Nekrasova E. G. (2017) Institutional practices of implementing social support for youth at the state level in modern Russia / E. G. Nekrasova // Humanities of the South of Russia. – Vol. 23. – No. 1. – Pp. 101-110.

Некрасова Е. Г. Институциональные практики реализации социальной поддержки молодежи на государственном уровне в современной России / Е. Г. Некрасова // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 23. – № 1. – С. 101–110. – EDN XXJBXF.

Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Президентом РФ 30.04.2012 // Консультант Плюс: СПС. Версия Проф. Электрон. дан.: Консультант Плюс, 2013.

Сосунова И. А. Экология предметного мира: концептуальные основы и социальная практика / И. А. Сосунова; Всероссийский науч.-исслед. ин-т технической эстетики, Российское о-во социологов, Акад. проблем качества. – Москва: НИА-Природа, 2014. – 152 с. – ISBN 978-5-9562-0088-9.

Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента РФ от 19.04.2017 № 176 – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi?req=doc&base=LAW&n=215668&fld=134&100129.0&rnd=0/725714675857088#04276783689835888> (дата обращения: 01.12.2022).

Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России»: утв. Постановлением Правительства РФ от 20.09.2013 № 718 – URL: <http://government.ru/media/files/41d47o4f0588b3037601.pdf> (дата обращения: 01.12.2022).

Шилин К. И. Сотворение человека будущего: экософские основания / К. И. Шилин, С. В. Шефель. – Москва: ГУП Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2003. – 328 с.

Экософия права: монография / [Шефель С. В., Бургарт Т. И., Захарова В. А., Якимова С. И.; под общей редакцией С. В. Шефеля]. – Симферополь: Ариал, 2016. – 377 с. – ISBN 978-5-906877-60-4.

Fundamentals of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030: approved. by the President of the Russian Federation 30.04.2012 (2012) // Consultant Plus: SPS. Prof version. Electron. data: Consultant Plus, 2013.

Sosunova I. A. (2014) Ecology of the subject world: conceptual foundations and social practice / I. A. Sosunova; All-Russian Scientific Research. Institute of Technical Aesthetics, Russian Society of Sociologists, Acad. quality problems. – Moscow: NIA-Nature – 152 p. – ISBN 978-5-9562-0088-9.

The Strategy of Environmental Safety of the Russian Federation for the period up to 2025: approved. By Decree of the President of the Russian Federation No. 176 dated 19.04.2017 (2017) – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi?req=doc&base=LAW&n=215668&fld=134&100129.0&rnd=0/725714675857088#04276783689835888> (date of application: 01.12.2022).

Federal target program “Strengthening the unity of the Russian nation and the ethno-cultural development of the peoples of Russia”: approved. Decree of the Government of the Russian Federation No. 718 dated 20.09.2013 (2013) – URL: <http://government.ru/media/files/41d47o4f0588b3037601.pdf> (date of application: 01.12.2022).

Shilin K. I. (2003) Creation of a man of the future: ecosophical foundations / K. I. Shilin, S. V. Shefel. – Moscow: GUP Publishing House “Oil and Gas” Gubkin Russian State University of Oil and Gas. – 328 p.

Ecosophy of law: monograph (2016) / [Shefel S. V., Burgart T. I., Zakharova V. A., Yakimova S. I. under the general editorship of S. V. Shefel]. – Simferopol: Aerial, – 377 p. – ISBN 978-5-906877-60-4.

Для цитирования: Захарова В. А., Эмирбекова Э. Э. Экофильность как ментальная основа жизнеутверждающей стратегии развития современной России: философская рефлексия // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 66–74.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.5
EDN DORCXR

Сведения об авторе

Захарова Вера Александровна

Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

295000, г. Симферополь,
ул. Павленко, д. 5,
e-mail: zakharova7vera@mail.ru

Эмирбекова Елена Эмирбековна

Кандидат юридических наук, доктор философских наук, кафедра государственного права, директор филиала Южного федерального университета в г. Махачкале

367013, Республика Дагестан,
г. Махачкала, ул. Юсупова, д. 53а,
e-mail: eemirbekova@sfnu.ru

История статьи:

Поступила в редакцию – 09.01.2023

Получена в доработанном виде –
31.01.2023

Одобрена – 03.02.2023

Information about author

Vera A. Zakharova

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice

295000, Simferopol,
Pavlenko str., 5,
e-mail: zakharova7vera@mail.ru

Elena E. Emirbekova

Candidate of Legal Sciences, Doctor of Philosophy, Department of State Law, Director of the branch of the Southern Federal University in Makhachkala

367013, Republic of Dagestan,
Makhachkala, Yusupova str., 53a,
e-mail: eemirbekova@sfnu.ru

УДК 167+141.3

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.6

EDN FUNXKK

Тип статьи в журнале – научная

**ФИЛОСОФСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА:
ПОПЫТКА ОБЗОРА**

**PHILOSOPHICAL
PROBLEMS OF CREATIVITY:
REVIEW ATTEMPT**

© 2023 г.

© 2023

Е. В. Золотухина-Аболина*

E. V. Zolotukhina-Abolina*

* Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Целью исследования является краткий обзор наиболее значимых философских подходов к творчеству, выделение ключевых проблем, связанных с темой креативности, таких как: онтологический вопрос, предполагающий светские и религиозно-мистические трактовки творчества, а также проблема сложной связи рациональных и вне-рациональных моментов в творчестве.

Objective of the study is a brief overview of the most significant philosophical approaches to creativity, highlighting key problems related to the topic of creativity, such as: an ontological question involving secular and religious-mystical interpretations of creativity, as well as the problem of the complex connection of rational and non-rational moments in creativity.

Методологическую базу исследования составляют историко-философский и сравнительный подходы, а также метод проблематизации, поскольку в статье сопоставляются различные версии толкования «источников творчества» и сами эти версии толкуются как открытая проблема, которая пока не имеет окончательного решения и остается открытой.

The methodological basis of the research consists of historical-philosophical and comparative approaches, as well as the method of problematization, since the article compares different versions of the interpretation of the “sources of creativity” and these versions themselves are interpreted as an open problem that has not yet had a final solution and remains open.

Результатом исследования выступает раскрытие содержания светского и религиозно-мистического толкования истоков творчества, где в светском философском толковании акцент делается на специфике культурной деятельности человека, а в религиозном – на фигуре Бога как трансцендентного начала, созидающего самих людей. В статье также раскрываются применительно к теме творчества различные трактовки соотношения рационального и вне-рационального во внутреннем мире

Research results is the disclosure of the content of the secular and religious-mystical interpretation of the origins of creativity, where in the secular philosophical interpretation the emphasis is placed on the specifics of human cultural activity, and in the religious one – on the figure of God as a transcendent principle that creates people themselves. The article also reveals, in relation to the topic of creativity, various interpretations of the ratio of rational and non-rational in the inner world of a person. They are summarized by the author

человека. Они резюмированы автором в выделении трех моделей: 1) уровневой, 2) ориентированной на дополнительность двух начал внутреннего мира и 3) символической, отсылающей к континуальности идеи.

Перспективы исследования. Автор усматривает большие перспективы в разработке анализируемой темы, поскольку каждый из отмеченных сюжетов, несмотря на обилие известных авторов, находится, по существу, в стадии версий и гипотетических набросков, которые лишь указывают на разные оптики видения темы творчества. Перспективными для разработки представляются подходы конструктивизма, в рамках которого возможен некий синтез светского и религиозно-мистического подходов.

Ключевые слова: творчество; онтологические истоки; смыслообразование; целеполагание; продуктивность; Бог-творец; рациональное; иррациональное.

in the allocation of three models: 1) level, 2) focused on the complementarity of the two principles of the inner world and 3) symbolic, referring to the continuity of the idea.

Prospects of the study. The author sees great prospects in the development of the analyzed topic, since each of the noted plots, despite the abundance of well-known authors, is essentially at the stage of versions and hypothetical sketches, which only indicate different optics of seeing the topic of creativity. The approaches of constructivism are promising for development, within the framework of which a certain synthesis of secular and religious-mystical approaches is possible.

Keywords: creativity; ontological origins; meaning-making; goal-setting; productivity; Creator-God; rational; extra-rational.

Постановка проблемы

Творчество – одна из самых больших загадок человеческой жизни и культуры. Творческие люди – поэты, художники, ученые – всегда привлекали всеобщее внимание, вызывали интерес и пересуды, порой почитание, порой страх. В творческих личностях, талантах и гениях, ярко выражено общечеловеческое качество – усматривать и создавать новое, те образы, знания и способы действия, которые не существовали прежде и выходят за рамки ранее известного. Собственно, само существование человеческой культуры – это результат непрерывного творчества, преобразующего природу. Задача этой небольшой статьи, предлагаемой вниманию читателей, – коснуться некоторых философских сюжетов, связанных с объяснением условий и истоков творческих способностей. Собственно, это версии, которые не претендуют на окончательное решение вопроса, но предлагают объяснительные модели для трактовки как необычных творческих талантов, так и для тех моментов возникновения нового, которые связаны с повседневной деятельностью и обучением.

Тема творчества, и прежде волновавшая умы, особенно остро стоит сегодня, когда постоянно и в научных трудах, и на просторах Интернета, и в популярных изданиях муссируется вопрос о вытеснении человека из многих областей общественного производства, о замене его машинами –

искусственным интеллектом, нейросетями, другими изобретениями, претендующими на замену человеческого сознания. Сюжеты такого свойства возникают уже в XVIII веке, но сегодня в связи с бурным развитием технологий они приобрели необычайный размах. Наличные концепции творчества в противоположность технократическим проектам показывают, что творческие способности человека нельзя заменить никакими алгоритмически работающими конструкциями. То, что создано человеком, остается его собственным инструментом, пусть даже очень сложным, а сам человек по-прежнему является сам для себя тайной, существом, имеющим внутри себя некую глубину, из которой – часто необъяснимо – фонтанируют новые идеи и оригинальные способы видения.

Любые попытки найти «универсальный ключ» к творческому процессу по сей день не увенчались успехом. Существуют, конечно, различные методики инициирования творческих процессов: это и «мозговые штурмы» (усилие коллективное, где все выдвигают самые дикие идеи), и советы типа «будьте открыты для дискуссии» или «не обращайте внимание на социокультурные запреты», однако не факт, что из их применения непременно следует открытие и изобретение, как того требует рациональная методика. В творчестве присутствует такой момент как спонтанность.

Творческий потенциал человека изучается психологами и нейрофизиологами, педагогами и философами. Исследовательская литература, посвященная творчеству и креативности, огромна, среди имен можно назвать В. Библера (Библер, 1979), Д. Б. Богоявленскую (Богоявленская, 2002), А. В. Брушлинского (Брушлинский, 1982), М. Б. Ермолаеву-Томину (Ермолаева-Томина, 2003), А. Маслоу (Маслоу, 1997), Я. А. Пономарева (Пономарев, 1976), С. Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1989) и др. Далее в статье мы упомянем и другие имена. Это знаменитые имена, и они выбраны нами потому, что дают эвристически значимые импульсы содержательному изучению темы творчества.

Онтологические истоки и условия творчества

Итак, творчество – это способность к активной «инаковости», нетривиальность ходов, оригинальность видения, сочинение и создание выдающихся по воздействию на читателя, зрителя и слушателя произведений, сценарная и режиссерская деятельность по организации художественных виртуальных миров. Это также открытие нового в науке, инженерные изобретения не существовавших прежде полезных конструкций, развитие техники и технологий, превосходящих по своим свойствам вчерашние. Можно назвать практически любую сферу человеческой деятельности, где постоянно идет процесс творчества, и в особенности начиная с Нового времени масштабы творческих начинаний растут и расширяются.

Однако, не обращаясь к результативности в какой-либо конкретной сфере, мы можем увидеть творческие моменты в *повседневном* поведении и действии.

Прежде всего, любой акт схватывания смысла, любой процесс понимания тесно связан с *интерпретацией*, неким иным прочтением того смысла, который поступает к индивиду от других людей или из поля культуры, то есть со *смыслообразованием и смыслопорождением*. Интерпретация – никогда не механическое повторение, а видение предмета в новом свете, приращение знания, изменение образа. В этом плане наше обыденное взаимодействие – всегда творческий процесс, так как мы постоянно интерпретируем и переинтерпретируем все, с чем соприкасаемся. Атрибутивный статус интерпретации в культуре, а значит, и творческого начала, хорошо показан в работах А. Шюца (Шюц, 2004), основателя феноменологической социологии.

Кроме того, помимо неизбежной интерпретации, связанной с нашей точкой зрения, сформированной конкретным местом индивида в пространстве-времени, есть еще возможность не просто следовать образцу, предлагаемому социумом извне, но относиться к миру *продуктивно*. Термин «продуктивность» принадлежит Эриху Фромму, под ней он имеет в виду некое оживление, одушевление любой ситуации, творческое отношение к ней. «Продуктивность, – пишет Фромм, – есть реализация человеком его потенциальных возможностей, реализация его *сил*» (Фромм, 1993. С. 79). Человеку «репродуктивному», «непродуктивному» свойственно слепо следовать социокультурным лекалам, действовать негибко, шаблонно, при том, что сами такие действия могут заводить в тупик. А человек продуктивный словно в игровом режиме постоянно изобретает новые смыслы, делает окружающий мир интересным, сам увлекается им, он пытлив к тайнам и загадкам, душевно богат и щедр и чувствует себя пусть маленьким, но креатором в любой ситуации, будь то труд, учеба или любовь.

Каковы же онтологические условия творчества? Что или кто делает человека способным творить, изобретать, созидать то, чего не было раньше? Бросим взгляд на варианты понимания, укорененные как в научно-материалистической, так и в религиозно-мистической традиции.

С точки зрения биологии предпосылки творчества присутствуют уже в животном мире, здесь они тесно связаны с *поисковым инстинктом*. Иерархия живых существ, начиная от самых примитивных, по ходу эволюции обнаруживает все большее нарастание креативных моментов поведения, все большую гибкость и разнообразие приспособительных реакций. На уровне нейробиологии человека разрабатываются как минимум

две версии оснований творческих инсайтов. Одна версия связана с темой межполушарных связей, где правое полушарие в противоположность «левому-логическому» выступает как источник креативности, другая версия предполагает обсуждение когнитивного растормаживания, то есть избавления от установок, мешающих творческому прорыву.

Однако разговор о возможности креации получает другой ракурс, когда мы касаемся уже не физиологических, а философских проблем организации и внутренних законов человеческой культуры. При ближайшем рассмотрении здесь обнаруживается, что неизбежно творческим является *само сознание*, для которого открывается *стрела времени, связанная с построением образов будущего*. Будущего еще нет, оно формируется непосредственно сейчас, когда мы ставим *цели*, а это требует усмотрения того, чего *еще нет*, что должно родиться непосредственно в данный момент. Условием развития творческой способности оказывается единство самосознания и целеполагания, предполагающее не просто нечто новое, но такое новое, которое также *желанно* для человека, и уже следующий шаг – это воплощение цели в реальности, то есть творческое созидание как переработка и преобразование материального мира.

С целеполаганием и самосознанием тесно связано *воображение*, выступающее связующим звеном всех процессов сознания. И. Кантом и Э. Гуссерлем несколько в разных аспектах была рассмотрена роль воображения как *продуктивной силы*, без которой не только невозможно новое, но и создание целостных образов. А ведь постановка цели – это то, что именно воображают, потому что «еще отсутствующие сущности» невозможно ни отразить, ни выразить. Воображение – активнейший инструмент творчества, его когнитивное орудие.

Так подходит к рассмотрению условий и истоков творчества светская мысль, однако мысль религиозная и мистическая отсылает нас к образу и фигуре *Творца* как высшего, объективного творческого начала мира. «Человек создан Творцом гениальным, – пишет Н. Бердяев, – ... и гениальность должен раскрыть в себе творческой активностью...» (Бердяев, 1989. С. 256). Для Н. Бердяева – творчество – это выход за пределы материальности, способность преодолеть «мир», вырваться к полноте божественной свободы, избавившись от узости земного эгоизма. *Бог* как источник всякого творчества и творческих способностей рассматривается в христианстве с первых же шагов его становления: только Господь может творить, в то время как Дьявол – лишь «обезьяна Бога», он может обладать гигантскими знаниями и умениями, но обречен лишь на эпигонство и подражательство, потому что лишен творческих способностей. Удел бесов – красть, но не создавать. Собственно, дар созидания нового дан

только человеку, потому что даже ангелы – лишь исполнители воли Бога. Богоподобие человека, несмотря на его греховность, выражается как в свободе, так и в способности творить и быть «сотворцом Бога», младшим партнером, которому Господь выделил долю для деятельности – материальный мир, землю. Эта тема становится широко обсуждаемой в эпоху Возрождения, в гуманистической мысли, которая переносит акцент с темы несовершенства человека на его ценные и похвальные способности, в том числе творческие.

Однако люди нередко опасаются собственных творческих потенций, поскольку они выступают как нечто неконтролируемое, сугубо спонтанное: интуиция, инсайты, прозрения, экстазы. А все, что непонятно, может вызывать не только восторг, но и ужас. Об этом в разных своих работах размышляет А. Маслоу, внешне выступающий как светский автор, но склоняющийся к мистическому видению человека. Маслоу утверждает наличие двух видов креативности. Второй (и вторичный) ее вид – лишь аналог научной успешности, в то время как первый является могучей силой, растущей из тайных глубин личности и порождающей идеи, радикально отличные от общепринятых представлений о мире. Это тот вид творческого порыва, который сближает нас с Трансцендентным истоком вселенной, «...нас завораживает и пугает именно наше богоподобие, – говорит Маслоу, мы не знаем, что с этим делать, мы и стремимся к нему, и бежим от него» (Маслоу, 1997. С. 91). Следует заметить, что в XX веке многие авторы, выступающие с размытых мировоззренческих позиций, полагают все же, что трансцендентное, творящее и одушевляющее нас, то есть Дух, существует. Другой вопрос, что он не вписывается в традиционные религиозные образы, не является грозным «Небесным Отцом», но является незримым источником и творения, и творчества.

Как соотносятся в творчестве рациональное и внерациональное?

Тема онтологических и когнитивных «глубин личности», уходящих далеко за пределы самого индивида, вырастающих из неведомых пластов реальности и сообщающих человеку творческий дар, тесно связана и пересекается с сюжетом рационально-логических и внерациональных форм человеческого внутреннего мира. В творческом процессе (будь то поэзия, наука или инженерное дело), рационально-логические и внерациональные моменты (образы, эмоции, чувства, интуиция, воля и т. д.) как находятся в *единстве*, так и составляют выраженные *этапы* деятельности. Например, в поэзии, и в процессе ее созидания, и в ее объективированном результате (стихах) *одновременно* наличествуют как живые чувства автора, которые он желал передать своим слушателям и читателям, так и

сама вербальная, дискурсивная форма, в которой переживания воплощены. Однако можно усмотреть и *этапы*, где попеременно превалирует то рациональное, то эмоционально-чувственное. Причем это относится и к работе художника, и к «оживляющему» продуктивному восприятию художественного произведения зрителем, читателем, слушателем. Об этом хорошо пишет французский эстетик М. Дюфрен, подчеркивающий, что любые эстетические эмоции должны быть ранее приготовлены их вполне рациональной выучкой. Если продолжить эту мысль применительно к профессиональному творчеству, то мы увидим, что, на самом деле, любая импровизация готовится заранее. Чтобы открытие или изобретение свершилось, его автор должен читать, думать, анализировать и критиковать собственные идеи, и лишь тогда в результате стараний, включающих рационально-аналитический уровень, может возникнуть повод для восклица «Эврика!»

Тема соотношения в творчестве рационального и внерационального может быть рассмотрена как тема взаимодействия *осознанного и неосознанного, континуального и дискретного, самопроизвольного и волевого*. Богатый материал по теме такого соотношения дается в работах И. А. Бесковой и И. А. Герасимовой (Бескова и др., 2010). Авторы описывают, опираясь на опыт различных духовных традиций, эффективные техники работы с внутренним миром, позволяющие стимулировать, организовать и гармонизировать творческий процесс. Речь идет о контроле эмоциональной сферы, о ментальных практиках, в частности, о выработке «чувствующего мышления», а также о феномене «индивидуальной объективной реальности». Здесь имеется в виду, что личное сознание с его картиной мира следует рассматривать как следствие всякий раз уникального телесного мировосприятия. Однако мне хотелось бы предложить читателям иное, более схематическое видение: возможную типологию наличных в философско-психологической литературе *моделей*, которые в разных вариантах пытаются упорядочить представление о *связи рационального и внерационального и в творческом процессе*, да и вообще в человеческом внутреннем мире.

Первую модель можно назвать *уровневой* в силу того, что она построена на метафоре *глубины*. Внутренний мир человека рассматривается как пространственная форма, имеющая объем, тогда континуальные, внерациональные составные, где втайне «варятся» будущие открытия, изобретения и гениальные творения, оказываются *нижним*, более *глубоким* и недоступным для ясного сознания человека. Ясное сознание составляет «верхний слой», предполагает рефлекссию, самоотчетность, самоконтроль и языковую форму. Оно как бы «находится на поверхности» и занято

активным выражением и оформлением того, что поднимается из глубин. Ярким примером такого рода взгляда является подход *глубинной психологии*. Для З. Фрейда художественное творчество – это результат сублимации, иными словами, возвышения, возгонки инстинктов Эроса и Танатоса. Преобразование их в приемлемую для культуры форму, которая включает в конечном счете ясность понимания, объективацию, вербальное выражение. Инстинктивное, хотя и лично преломленное бессознательное пребывает в глубине. Творческий акт косвенно реализует его интенции, но при этом фундаментально его преобразует. Близки к такому пониманию и идеи К.-Г. Юнга. У него речь тоже идет о «подъеме наверх», но уже не плодов бессознательной личной истории, а архетипических образов. Эти образы, с одной стороны, едины для всего человечества, а с другой – облакаются в формы конкретной культуры. Конечно, Юнг, как и Фрейд, работает со снами и результатами спонтанного творческого порыва, однако, выйдя на поверхность, архетипические образы становятся доступны для здравого обсуждения, сравнения, амплификации (расширения их смысла), то есть вербализованы и начинают участвовать в коммуникации. Об особенностях понимания творчества в глубинной психологии пишет В. В. Старовойтов (Старовойтов, 2000), опубликовавший ряд монографий, включающих тематику творчества в психоанализе.

Современный американский психолог Г. Хант в своей работе «О природе сознания» (Хант, 2004) дает иное прочтение «уровней» сознания, через которые проходит любой творческий процесс. По Г. Ханту «нижний слой» – это слой «презентативного символизма» – спонтанная игра образов, которая может прямо выражаться в музыке, абстрактной живописи, в совокупности синестезий, то есть цветового слуха, единства тактильных, зрительных и слуховых впечатлений. Синестезии – сфера невербального, надличностного опыта, который может быть обнаружен в медитации, и автор хотел бы создать «когнитивную психологию надличностных состояний». Творческие акты бессознательно «вывариваются» в этой глубинной среде, чтобы потом в объективированном произведении достичь ясности и внятности, оформиться. Кстати, немалому числу авторов начала XX века, в том числе А. Бергсону (Бергсон, 2001), была близка идея о том, что подлинное творчество – это именно внерациональное состояние, активный спонтанный процесс, а его результат (произведение) – это нечто вторичное и уже не столь важное, потому что «омертвевшее»...

Среди авторов, строящих уровневую модель применительно к структуре сознания и в связи с этим – к творчеству, видное место занимает В. В. Налимов (Налимов, 2013).

Вторая модель – модель *дополнительности* рационально-вербального и внерационального в сознании и творчестве как его важнейшем проявлении. Языковые моменты, связанные с рацией, в таком прочтении не являются «высшими» или «внешними» по отношению к внерациональным. Они рядоположны и постоянно перемежаются и смешиваются. Можно упомянуть в данном случае идеи социолога-конструктивиста Пола Вацлавика (Вацлавик и др., 2000), выделившего в общении «цифровую» (языково-символическую) и «аналоговую» (эмоционально-волевою) коммуникацию. Их единство и взаимодействие хорошо просматривается в синтетических искусствах, таких как театр или кино, где творческий процесс включает, с одной стороны, речь и (в классическом варианте) внятную сценарную канву, а с другой – эмоциональную выразительность, мимику и пантомиму, интонацию. Последние нельзя словесно пересказать, но они способны очень сильно влиять на зрителя. Стоит обратить внимание на то, что изобразительное искусство и танец, казалось бы, не требующие от творчества рациональной составляющей, нередко прибегают к вербальным пояснениям, без которых не обойтись. Художники подписывают картины, давая им названия (и это тоже часть творческого процесса), а для балета пишутся либретто, хотя в этом случае разным людям поручаются разные аспекты коллективного творчества.

Дополнительность внерационального и рационального описана в психотерапевтических текстах Юджина Джендлина (Джендлин, 2000), у которого процесс терапии выступает как сугубо творческий, связанный с преобразованием внутреннего мира пациента. Джендлин обнаружил в ходе практики, что чисто рациональная терапия часто не работает, сколько ни объясняй человеку его собственные проблемы и мотивы, он все умом понимает, но ничего не может в себе изменить, так же печалится и страдает. Тогда психотерапевт решил дополнить вербальный анализ поиском места проблемы *в теле*, где проблема должна быть уловлена чувственно и образно. Этот мрачный образ, следуя рационально поставленной задаче, можно преобразовать в позитивный, мирный, веселый, что на уровне ощущений и эмоций снимает проблему. Пациент в этом случае выступает, если пафосно выразиться, как микро-демиург: он сам созидает свой внутренний мир, стимулируя этот процесс творчества рациональными советами терапевта, но творя новые ощущения и представления непосредственно в чувствах и эмоциях.

Третий подход, о котором хочется сказать, может быть назван *символическим*, он предполагает рассмотрение творческого процесса как постоянную соотнесенность рациональных начал в человеке *с континуальностью идеи*. Такая соотнесенность реализуется в символе. Данный

подход ярко представлен в работах А. Ф. Лосева, в том числе в его многочисленных текстах, посвященных античной эстетике. Речь идет и там, и в собственно философско-теоретических работах Лосева, о символе как о смысловой общности, которая является принципом получения бесконечного ряда относящихся к ней единичностей. Творчество – приобщение к *идее*, которая для А. Ф. Лосева как для религиозно-идеалистического автора, конечно, «не из этого мира» (это относится и к математике, и к эстетике), и потому никакая подлинная созидательность не может быть чисто рациональной или приземленно-эмпирической. «Символ, – пишет А. Ф. Лосев, – является такой оригинальной и вполне самостоятельной идейно-образной конструкцией, которая обладает огромной смысловой силой, насыщенностью, вернее же сказать. Смысловой заряженностью или творческой мощью, чтобы без всякого буквального или переносного изображения... создавать перспективу для продолжительного и бесконечного развития, уже в развернутом виде» (Лосев, 1976).

Взгляды А. Ф. Лосева не идентичны, но близки идеям Э. Кассирера (Кассирер, 2002). Для этого автора само творчество коренится в способности человека придавать значение материальному субстрату. Кантовские «регулятивные идеи» обращаются у Кассирера в «конститутивные», которые дают возможность идее «светиться» непосредственно через материальный предмет. Творчество, характерное для любой мифологии, сопровождающей человеческую историю, а также для искусства и для науки – это способность вносить духовный смысл в единичное. Творимые людьми символы образуют особую реальность, они создают различные символические языки, которые сами становятся полем нового и нового творческого прочтения.

Краткие выводы

Главным выводом этого краткого и, конечно, скупого обзора является то, что творчество, взятое в его философском аспекте, выступает как огромная открытая тема, как непаханое поле, где предложенные читателю аспекты рассмотрения – лишь малая часть возможных подходов. Нейрофизиология, осмысленная философски, тема «онтологических глубин», виды связи рационального и внерационального в творчестве – все эти вопросы дополняются огромной тематикой *конструктивизма*, характерного для изучения сознания в конце XX века. Конструктивизм (Э. фон Глазерсфельд, Дж. Гибсон, У. Матурана, Ж. Пиаже и др.) видит причины всех видов творчества, прежде всего, в организации человека-субъекта, однако сам он соседствует с метафизическими концепциями, уводящими нас от повседневного творчества к его божественным истокам. Впрочем, в прочтении такой формы конструктивизма как энактивизм (Князева,

2014) граница между научно-эмпирическим и мистическим начинает размываться, субъект сливается с объектом, телесность с ментальностью, реальное с виртуальным. Все становится охвачено многоплановым творческим порывом.

Вот почему и сегодня постоянно воспроизводятся вопросы о соотношении творчества и творения. Кто творит окружающий мир? Создает ли его Всевышний, воспроизводя каждое мгновение, где «сила воспроизведения равна силе творения»? Или же мы сами творим его, непрерывно интерпретируя, создавая синтетические образы из мгновений потока восприятия, организуя своей способностью к объективации и время, и пространство, и собственную личность? Реальность – это сфера постоянного созидания, да к тому же ежеминутно обновляемая. Есть о чем подумать!

Творчество, конечно, область, прежде всего, повседневная и практическая, но и философам в связи с ним находится работа, тем более что в каждом сегменте культуры свойство «быть креаторами» проявляется по-своему. Хочется верить, что в обозримый период появится много новых идей, связанных с законами творчества и с пониманием того, как человеку в полной мере развивать свой универсальный творческий дар.

Литература

Бергсон А. Творческая эволюция = L'évolution créatrice / А. Бергсон; [Пер. с фр. В. Флеровой]. – Москва: ТЕРРА-Кн. клуб: КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 381 с. (Канон философии). – ISBN 5-275-00390-0.

Бердяев Н. А. Смысл творчества / Н. А. Бердяев // Философия свободы. Смысл творчества. – Москва: Правда, 1989. – 607 с.

Бескова И. А. Феномен сознания: Монография / И. А. Бескова, И. А. Герасимова, И. П. Меркулов. – Москва: Прогресс-Традиция, 2010. – 366 с. – ISBN 5-89826-307-1. – EDN RAYTNL.

Библер В. С. Мышление как творчество: (введение в логику мысленного диалога) / В. С. Библер. – Москва: Политиздат, 1975. – 398 с.

Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Д. Б. Богоявленская. – Москва: Academia, 2002. – 317 с. (Высшее образование). – ISBN 5-7695-0888-4.

References

Bergson A. (2001) Creative evolution = L'évolution créatrice / A. Bergson; [Translated from French by V. Flerova]. – Moscow: TERRA-Book. club: CANON-press-C. – 381 p. (Canon of Philosophy). – ISBN 5-275-00390-0.

Berdyayev N. A. (1989) The meaning of creativity / N. A. Berdyayev // Philosophy of Freedom. The meaning of creativity. – Moscow: Pravda. – 607 p.

Beskova I. A. (2010) Phenomenon of consciousness: Monograph / I. A. Beskova, I. A. Gerasimova, I. P. Merkulov. – Moscow: Progress-Tradition. – 366 p. – ISBN 5-89826-307-1.

Bybler B. C. (1975) Thinking as creativity: (introduction to the logic of mental dialogue) / V. S. Bybler. – Moscow: Politizdat. – 398 p.

Bogoyavlenskaya D. B. (2002) Psychology of creative abilities: a textbook for university students studying in the direction and specialties of psychology / D. B. Bogoyavlenskaya. – Moscow: Academia. – 317 p. (Higher education). – ISBN 5-7695-0888-4.

Брушлинский А. В. Мышление как процесс и проблема деятельности / А. В. Брушлинский // Вопросы психологии. – 1982. – № 2. – С. 28–39. – EDN SAFWQD.

Вацлавик П. Психология межличностных коммуникаций / П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон; [Пер. И. Авидон, П. Румянцева]. – СПб.: Речь: Гуманитар. акад., 2000. – 298 с. – ISBN 5-9268-0024-2.

Джендлин Ю. Фокусирование : Новый психотерапевт. методы работы с переживаниями / Ю. Джендлин; Пер. с англ. А. С. Ригина под ред. Т. В. Барлас. – Москва: Класс, 2000. – 437 с. – ISBN 0-89862-479-7 (USA).

Ермолаева-Томина Л. Б. Психология художественного творчества: учеб. пособие для вузов / Л. Б. Ермолаева-Томина; Моск. открытый социал. ун-т. – Москва: Акад. проект, 2003. – 302 с. – ISBN 5-8291-0327-3.

Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 т. / Пер. с нем. С. А. Ромашко. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2002. – ISBN 978-5-288-04446-5.

Князева Е. Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии / Е. Н. Князева; Главный редактор С. Я. Левит. Научный редактор И. И. Ремезова. – Москва; Санкт-Петербург: ИД Университетская книга, 2014. – 352 с. – (Humanitas). – ISBN 978-5-98712-192-4. – EDN TOYDXB.

Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – [2-е изд., испр.]. – Москва: Искусство, 1995. – 319 с. – ISBN 5-210-02247-1.

Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики / А. Г. Маслоу – Санкт-Петербург: Евразия, 1999. – 430 с. – ISBN 5-8071-0018-2.

Маслоу А. Г. Психология бытия / А. Г. Маслоу – Москва: Рефл-бук, Ваклер, 1997. – 300 с. – ISBN 5-04-009861-8.

Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков / В. В. Налимов – Москва: Книга по Требованию, 2013. – 304 с.

Пономарев Я. А. Психология творчества / Я. А. Пономарев; Акад. наук СССР, Ин-т психологии. – Москва: Наука, 1976. – 302 с.

Brushlinsky A. V. (1982) Thinking as a process and a problem of activity / A. V. Brushlinsky // Questions of psychology. – No. 2. – Pp. 28-39.

Vaclavik P. (2000) Psychology of interpersonal communications / P. Vaclavik, J. Bivin, D. Jackson; [Transl. by I. Avidon, P. Romyantseva]. – St. Petersburg: Speech: Humanitarian akad. – 298 p. – ISBN 5-9268-0024-2.

Gendlin Yu. (2000) Focus: a new Urgant psychotherapist. method work repeatable / Yu. Gendlin; transl. from English by A. S. Rigin, ed. T. V. Barlas. – Moscow: Klass. – 437 p. – ISBN 0-89862-479-7 (USA).

Ermolaeva-Tomina L. B. (2003) Psychology of artistic creativity: Textbook for universities / L. B. Ermolaeva-Tomina; Moscow open social. un-ty. – Moscow: Akad. Project – 302 p. – ISBN 5-8291-0327-3.

Kassirer E. (2002) Philosophy of Symbolic Forms: In 3 volumes / Transl. from German by S. A. Romashko. – Moscow; St. Petersburg: University Book. – ISBN 978-5-288-04446-5.

Knyazeva E. N. (2014) Enactivism: a new form of constructivism in epistemology / E. N. Knyazeva; Editor-in-Chief: S. Ya. Levit. Scientific editor: I. I. Remezova. – Moscow; Saint Petersburg: University Book Publishing House. – 352 p. – (Humanitas). – ISBN 978-5-98712-192-4.

Losev A. F. (1995) The symbol problem and realistic art / A. F. Losev. – [2nd ed., corr.]. – Moscow: Iskusstvo. – ISBN 5-210-02247-1.

Maslow A. G. (1999) The Far limits of the human psyche / A. G. Maslow. – St. Petersburg: Eurasia. – 430 p. – ISBN 5-8071-0018-2.

Maslow A. G. (1997) Psychology of being / A. G. Maslow – Moscow: Refl-book, Wakler. – 300 p. – ISBN 5-04-009861-8.

Nalimov V. V. (2013) Probabilistic model of language. On the correlation of natural and artificial languages / V. V. Nalimov. – Moscow: Kniga Po Trebovaniyu. – 304 p.

Ponomarev Ya. A. (1976) Psychology of creativity / Ya. A. Ponomarev // Academy of Sciences of the USSR, Institute of Psychology. – Moscow: Nauka. – 302 p.

Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности / С. Л. Рубинштейн // Вопросы философии. – 1989. – № 4. – С. 88–96.

Старовойтов В. В. Психоанализ и художественное творчество / В. В. Старовойтов // История философии. – Москва: ИФ РАН, 2000. – № 5. – С. 72–78.

Фромм Э. Человек для себя: исследование психологических проблем этики / Э. Фромм; пер. с англ. [и послесл.] Л. А. Чернышевой. – Минск: Коллегиум, 1992. – 253 с. – ISBN 5-88386-002-9.

Хант Г. О природе сознания: с когнитив., феноменол. и трансперсон. точек зрения / Г. Хант; [пер. с англ. Александра Киселева]. – Москва: АСТ [и др.], 2004. – 555 с. – (Международный издательский проект) (Тексты трансперсональной психологии). – ISBN 5-17-022758-2 : 3000.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц; [пер. с нем. и англ.: В. Г. Николаев и др.; сост.: Н. М. Смирнова; общ. и науч. ред., послесл. Н. М. Смирновой]. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 1054 с. – ISBN 5-8243-0513-7 : 1500.

Rubinstein S. L. (1989) The principle of creative amateur activity / S. L. Rubinstein // Questions of philosophy. – No. 4. – Pp. 88-96.

Starovoitov V. V. (2000) Psychoanalysis and artistic creativity / V. V. Starovoitov // History of Philosophy. – Moscow: IF RAS. – No. 5. – Pp. 72-78.

Fromm E. (1992) A man for himself: a study of psychological problems of ethics / E. Fromm; translated from English [and afterword] by L. A. Chernysheva. – Minsk: Collegium. – 253 p. – ISBN 5-88386-002-9.

Hunt G. (2004) On the nature of consciousness: with cognitive, phenomenol. and transperson. points of view / G. Hunt; [transl. from English by Alexander Kiselyov]. – Moscow: AST [et al.]. – 555 p. – (International Publishing Project) (Texts of transpersonal psychology). – ISBN 5-17-022758-2 : 3000.

Schutz A. (2004) Favorites: A world glowing with meaning / A. Schutz; [transl. from German and English by V. G. Nikolaev et al.; comp.: N. M. Smirnova; total. and scientific ed., afterword by N. M. Smirnova]. – Moscow: ROSSPEN. – 1054 p. – ISBN 5-8243-0513-7 : 1500.

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е. В. Философские проблемы творчества: попытка обзора // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 75–87.

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.6

EDN FUNXKK

История статьи:

Поступила в редакцию – 23.12.2022

Получена в доработанном виде –
20.01.2023

Одобрена – 27.01.2023

Сведения об авторе

**Золотухина-Аболина
Елена Всеволодовна**

Доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет

344000, г. Ростов-на-Дону,
пер. Днепровский, д. 116,
e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Information about author

Elena V. Zolotukhina-Abolina

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Southern Federal University

344000, Rostov-on-Don,
Dneprovsky lane, 116,
e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

УДК 304.442+14

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.7
EDN GEJXDM

Тип статьи в журнале – научная

**КОНТУРЫ
ЦЕЛЕСООБРАЗНОГО
БУДУЩЕГО
В ПРАКТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ
В КОНТЕКСТЕ
МНОГОПОЛЯРНОСТИ**

**THE CONTOURS
OF AN EXPEDIENT FUTURE
IN PRACTICAL PHILOSOPHY
AND CULTURAL STUDIES
IN THE CONTEXT
OF MULTIPOLARITY**

© 2023 г.

О. В. Каширина*

© 2023

O. V. Kashirina*

* Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, Россия

* Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "North Caucasian Federal University", Stavropol, Russia

Целью исследования является реализация концепта «контуры целесообразного будущего» в контексте многополярности для создания необходимых экономических, социально-практических, духовно-нравственных и иных условий для формирования патриотических чувств, самосознания и поведения молодежи.

Objective of the study is to implement the concept of «contours of an expedient future» in the context of multipolarity in order to create the necessary economic, socio-practical, spiritual, moral and other conditions for the formation of patriotic feelings, self-awareness and behavior of young people.

Методологическая база исследования. Предпринимается попытка сформулировать целостную методологическую базу изучения концепта «контуры целесообразного будущего», разрабатываемого в рамках концепции культуры времени, диалектико-триалектического и культурно-временного подхода как интеллектуальной технологии современной российской практической философии и культурологии.

The methodological basis of the research. An attempt is made to formulate a holistic methodological basis for the study of the concept "contours of an expedient future", developed within the framework of the concept of the culture of time, dialectical-trialectic and cultural-temporal approach as an intellectual technology of modern Russian practical philosophy and cultural studies.

Результаты исследования. В рамках концепта «контуры целесообразного будущего» современная российская практи-

Research results. Within the framework of the concept «contours of an expedient future», modern Russian practical philosophy and

ческая философия и культурология рассматривают внешнюю и внутреннюю целесообразность в сохранении ноосферного патриотизма – как феномена культуры ноосферного самосознания цивилизационных субъектов одной или многих стран, обеспечивающего их сплоченность в своем стремлении решать повседневные национально-государственные проблемы как глобальные, так и современные, в интересах всех народов и государств, а именно в развитии многополярного мира.

Перспективы исследования. Намеченные в исследовании фундаментальные положения рассматриваемой нормативности и сознательного конструирования контуров будущего выстраивают перспективу изучения превращения смыслообраза будущего в консолидирующую силу, возможность его реализации, когда такие универсалии культуры, как причинность, необходимость, совесть, честь, труд, социальная справедливость, социальное равенство, свобода, защита прав человека и другие, начинают актуализироваться в общественном сознании цивилизационного субъекта, а затем воплощаются в жизнь, объективируя контуры целесообразного будущего.

Ключевые слова: культурно-временная перспектива; многополярность; преемственность прошлого; ценностно-языковой кризис; коммуникативное время знания; коммуникативное пространство понимания, цивилизационная истина; коммуникативная правда; культурно-временная мотивация; смысловое поле коммуникации; ноосферный патриотизм.

cultural studies consider the external and internal expediency in preserving noospheric patriotism – as a phenomenon of the culture of noospheric self-consciousness of civilizational subjects of one or many countries, ensuring their cohesion in their desire to solve everyday national and state problems, both global and modern, in the interests of all peoples and states, namely in the development of a multipolar world.

Prospects of the study. The fundamental provisions of the normativity under consideration and the conscious construction of the contours of the future outlined in the study build up the prospect of studying the transformation of the semantic image of the future into a consolidating force, the possibility of its realization, when such universals of culture as causality, necessity, conscience, honor, labor, social justice, social equality, freedom, protection of human rights and others begin to be actualized in the public consciousness of the civilizational the subject, and then they are brought to life, objectifying the contours of an expedient future.

Keywords: cultural-temporal perspective; multipolarity; continuity of the past; value-language crisis; communicative time of knowledge; communicative space of understanding; civilizational truth; communicative truth; cultural-temporal motivation; semantic field of communication; noospheric patriotism.

Концепт «контуров целесообразного будущего» разрабатывается в рамках концепции культуры времени как мировоззренческой парадигмы (Каширина, 2019) и диалектико-триалектического культурно-временного подхода как интеллектуальной технологии практической философии, основанного на принципе «золотой пропорции» (Каширина, 2013). Это концепт междисциплинарный (в рамках гуманитарных дисциплин, включая культурологию) и трансдисциплинарный (синтезный, научно-философский), а потому оперирует такими понятиями, как

«культурно-временная перспектива», «диагноз времени», «смысловой образ», «смысловая времяцелостность», «преемственность прошлого», «Дух времени», «духовное здоровье/нездоровье», «ценностно-языковой кризис», «коммуникативное время знания», «коммуникативное пространство понимания», «цивилизационный субъект», «цивилизационная истина», «коммуникативная правда», «одухотворенная сила», «культурно-временная мотивация», «смысловое поле коммуникации» и т. п. Культурно-временная методология, ее применение в междисциплинарном и трансдисциплинарном аспектах позволяет сразу отвергнуть претензии радикальных утверждений о стабильной первичности материального или идеального в научных изысканиях и положить в фундамент наших теоретико-практических исследований целесообразности будущего гениальную теорию В. И. Вернадского (1863–1945) о «динамическом равновесии» косного и живого вещества во Вселенной, о целостности и целесообразности «единой судьбы человечества», которая может быть стратегически нестабильной, в зависимости от концептуальной (пространственно-временной) ситуации. Опираясь на теорию В. И. Вернадского, а также на концепции его последователей: коэволюции (равновесного развития) Природы и Общества (Н. Н. Моисеев) (Моисеев, 1999), стратегической нестабильности XXI века (А. С. Панарин) (Панарин, 2004), «реальности одухотворенной силы» (Л. В. Скворцов) (Скворцов, 2011), приходим к выводу: никто не может усомниться в *реальности одухотворенной силы* солдата-победителя и народа-победителя во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Контуры будущего страны, которую они защищали, складывались под воздействием веры в силу и мудрость Верховной власти, преданности Родине – патриотизма Солдата и Командира, священного «вечного зова Земли» – отцов, матерей и детей, кующих победу в тылу. Концепт целесообразного будущего подтверждает, что в периоды социальных потрясений, каким явилась война, цивилизационная истина под воздействием целесообразного и желаемого будущего превращается в коммуникативную правду, освященную массами как *реальную силу, одухотворенную сакральным смыслом*. Однако превращение смыслообраза будущего в консолидирующую силу происходит лишь в случае его реализации, когда такие *универсалии культуры*, как причинность, необходимость, совесть, честь, труд, социальная справедливость, социальное равенство, свобода, защита прав человека и другие, начинают актуализироваться в общественном сознании цивилизационного субъекта, а затем воплощаются в жизнь, объективируя контуры целесообразного будущего в многополярном мире.

Образец формулирования контуров целесообразного будущего дан в итоговой пленарной сессии XIX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Мир после гегемонии: справедливость и безопасность для всех» 27 октября 2022 года¹. В выступлении В. В. Путина, по существу, были оглашены основные векторы для России в информационном и многополярном мире. В них поставлены основные цели: преодолеть технологическое отставание, хроническую бедность и неравенство России²: «Технологическое развитие должно не усиливать мировое неравенство, а сокращать его. Именно так традиционно реализует свою внешнюю технологическую политику Россия. Например, строя в других государствах атомные электростанции, мы одновременно создаем там центры компетенций, готовим национальные кадры – мы отрасль создаем, мы не строим просто предприятие, а создаем целую отрасль. По сути, даем другим странам возможность совершить реальный прорыв в своем научно-технологическом развитии, сократить неравенство, вывести свою энергетику на новый уровень эффективности и экологичности»³. Основой для будущего развития России, по мнению Путина, должен стать экономический суверенитет: «Мы работаем над укреплением своего суверенитета, это в наших интересах. Это, прежде всего, укрепление финансового, экономического суверенитета», – сказал Путин, добавив, что это станет основой технологического, образовательного и научного будущего страны⁴.

Любой концепт будущего должен исходить (согласно концепции культуры времени) из принципа смысловой времяцелостности, предполагающего целостность не только как единства всей триады модусов времени, форм времени, а также паттернов культуры времени, но и взаимозависимости каждого из этих виртуальных (мысленно возможных) феноменов – в отдельности. Это означает, что в любом из элементов каждой триады обязательно содержатся частицы смыслов двух других элементов в качестве преемственности и целесообразности, обеспечивающих целостность первого. Это называется «связью времен», «петлей преемственности» и «заботы» (М. Хайдеггер) (Хайдеггер, 1997). Именно это связь и является индикатором культуры самосознания любого цивилизационного субъекта, характеристикой его цельности, включающей,

¹ Итоговая пленарная сессия XIX Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Мир после гегемонии: справедливость и безопасность для всех». 24–27 октября 2022 года. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles> (дата обращения: 17.01.2023).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

помимо культуры самосознания, культуру его поведения и культуру деятельности.

Исходя из этого, любой концепт будущего имеет *три смысловых контура*: внутренний, внешний и метавнешний (переходный, синтезный). При этом гегелевская философия, «безнадежно устаревшая» и неприемлемая к анализу общественных процессов «еще во времена Маркса и Энгельса, в форме диалектического материализма» (В. И. Вернадский) (Вернадский, 1991), традиционно утверждает, что внутренние противоречия во все времена играют приоритетную роль. Так же, в духе энгелевской философии, нам пытаются доказать и современные теоретические «гибридизации войн» американского «разлива», что первый мобилизационный проект России (в конце 80-х – начале 90-х годов XX века), ставящий цели: «ускорение» – «перестройка» – «рыночные реформы», позорно (Султанов, 2008. С. 56) провален «политическими непрофессионалами», не справившимися с внутренними проблемами. И в настоящее время, анализируя модели хода новой большой гибридной войны, ряд американских стратегических центров уже открыто прогнозируют де-факто распад РФ в период между 2025–2030 годами (Султанов, 2008. С. 54), нацеливая ее организаторов – тактиков, чтобы «он выглядел как закономерное нарастание внутренних противоречий, как неотвратимый глубочайший внутренний кризис в самой России» (Султанов, 2008. С. 54). Однако опыт проведения петровских, александровских, ленинских, сталинских, хрущевских и других реформ свидетельствует, что в разные времена приоритетными могут быть разные противоречия – внутренние, внешние, а чаще метавнешние (синтезные). Это зависит не только от событийных, но и от ситуативных факторов, а тем более в условиях современной информационной эпохи, которую мы склонны называть коммуникативной, поскольку в политике, определяющей «Дух» времени, главную роль играет все-таки коммуникативная реальность, способная, как показывает практика, мобилизовать и личности, и общество, т.е. культуру самосознания цивилизационных субъектов.

В нынешней пространственно-временной ситуации (ПВС), когда на первое место выходит смысло-языковой кризис коммуникативной реальности (как показывает кризис коммуникативного времени знания – масс и кризис коммуникативного пространства понимания – элит), снижается роль цивилизационной истины современности и повышается значение искаженной коммуникативной правды повседневности, по нашему мнению, критическим становится практическое освоение коммуникативных технологий во внешнем и метавнешнем контурах мобилизационного проекта: внешние – политические угрозы и экономические санкции, метавнешние (синтезные) – «расщепление» общественного сознания элиты

и масс; компрадорской и национальной буржуазии, раздвоение самосознания – «советского» и «постсоветского», «сталинского» и «ельцинского» и т. п.

Это означает, что агрессивная коммуникативная среда международного (внешнего) воздействия на самосознание масс, в условиях современных средств информационного воздействия, может иметь решающие и очень нежелательные последствия для зомбирования массовых аудиторий. Это относится и к русофобским настроениям многих людей за рубежом, пораженных болезненной близорукостью политического руководства, проамериканской идеей тотальной изоляции России. Это относится и к внутренним настроениям большей части молодежи, настроенной «валить за границу». Но мир без России существовать не может. И ее гибель, как и расчленение самой большой страны, владеющей ядерным оружием, означает гибель всего мира. Эту цивилизационную истину необходимо не только знать, но и понимать, видеть пути, которые могут привести к мировой трагедии. Истоки их лежат в плохо управляемой коммуникативной среде, что уже привело население многих европейских стран к массовому заражению лживой информацией, полученной от собственного неадекватного политического руководства. Огромную роль в деле нормализации общественного сознания и духовного оздоровления масс может сыграть концепт «контуры целесообразного будущего».

Контуры целесообразного будущего – это культурно-временная перспектива, научно-смысловой образ будущего, выявленный путем Диагноза коммуникативного времени, отражающего субъект-объектное переходное (текущее) состояние сознания (смысловую времяцелостность) цивилизационных субъектов (личностей, прошедших социализацию, общностей любого масштаба, взявших на себя ответственность за будущее свое, окружающего мира, включая человечество в целом), фиксирующее их «устремленность в будущее» как коммуникативную правду («правильность»), которая, в отличие от цивилизационной истины, воспринимается не только как диктат меньшинства (знаний научных экспертов, властных структур), но и как общественные настроения большинства, а потому фактически становится синтезной реальностью, принятой и освященной массами в качестве одухотворенной силы, знающей и понимающей смысл своего бытия, и следующей этому смыслу.

Как уже отмечалось, Н. Н. Моисеев в своей теории универсального эволюционизма отводил большую роль согласованному развитию Общества и Природы. Для этого он разработал «*Контуры рационально организационного общества* – общество идущее, в эпоху ноосферы, т. е. к состоянию, которое необходимо человечеству, чтобы избежать деградации и

сохранить возможность для дальнейшего развития...» (Моисеев, 1995. С. 319–320). Современное рациональное общество в любом регионе планеты должно обладать рядом общих свойств: 1) обеспечить раскрытие потенциала отдельной личности – ее таланта, ее интеллектуальных возможностей, ее воли; 2) обеспечить высокий уровень социальной защищенности личности; 3) общество должно быть способным выполнять условия экологического императива – это значит, что развитие производительных сил в первую очередь не должно нарушать запретной черты; 4) решить труднейшие проблемы цивилизации, чтобы был достигнут компромисс между рациональным сочетанием свободы рыночного механизма и направляющим воздействием общества, т.е. достичь сочетания рынка и антирынка» (Моисеев, 1995. С. 319–320).

Н. Н. Моисеев считал, что «мир идет к рационально организованному обществу, в котором при всем многообразии культур утвердится единство человечества без национальных границ, национальных правительств и конфронтаций» (Моисеев, 1995. С. 335). В какой степени мир приближается или отдаляется от такого состояния, можно определить посредством философии диагноза времени.

Философский диагноз времени (Каширина, 2021. С. 21) как смысловой образ целостности и целесообразности общей судьбы человечества, как определение культурно-временной перспективы предполагает решение проблемы «духовного здоровья» и «духовного заболевания», а точнее проблемы критерия «духовного здоровья» или «нездоровья человечества» в целом, или любой его дисперсной (органически входящей) агломерации. Такой формулой является определение *смысловой времяцелостности: актуальность настоящего – есть преемственность бессмертного прошлого, и плюс прожективное будущее*. Расшифровка этой формулы особенно остро встает в современной пространственно-временной духовной ситуации, которая определяет *Дух времени*. Дело в том, что глобализация, проводимая под руководством «гегемона – США», предполагает отказ от целесообразности виртуального будущего, фактически от суверенитета государств и идентичности народов, в виде реализации глобальных разрушительных тенденций, а отсутствие культурно-временной перспективы влияет на целостность настоящего. В то же время происходит нейтрализация преемственности исторического прошлого, которое взрывается глобализацией. Это мешает формированию суверенности страны и идентичности этносов, народов и цивилизаций. Суверенитет России, потерянный в 90-е годы, укрепился, и в этом заслуга В. В. Путина. Однако идентичность российского народа – его состояние, духовное здоровье народа, которое, с одной стороны, передает традиции культуры,

веры, языка (т. е. исторически связано с прошлым), с другой стороны, связано с перспективой контуров будущего, его целесообразностью в контексте совместной коэволюции Природы и Общества, Стратегии выживания человечества. А человек во всей своей сознательной жизни ищет опору в смыслах.

Иначе говоря, «Дух» времени посредством контуров целесообразного будущего разъединяет смыслы прошлого и будущего, или соединяет их – в настоящем. Эта интеграция или, напротив, разрывы времени и составляют «реальную виртуальность» «Духа» времени как критерия «духовного здоровья» или «нездоровья» цивилизационного субъекта в данной ПВС.

Учитывая это, авторский концепт целесообразного будущего утверждает, что, конструируя контуры будущего в контексте культуры времени, следует *диалектику современной геополитики* дополнить *триалектикой хронополитики*. Образующаяся при этом диалектико-триалектическая парадигма, интегрирующая *смысловую времяцелостность коммуникативной правды* повседневности, призвана синтезировать ее с *диктатом* двойных стандартов элитной современности, посредством *диагноза коммуникативного времени*, выполняющего функции универсалий культуры и Духа времени.

Итак, конструируя контуры целесообразного будущего, современная российская практическая философия и культурология рассматривают внешнюю и внутреннюю целесообразность в сохранении ноосферного патриотизма России в качестве великой державы – как феномена культуры ноосферного самосознания цивилизационных субъектов одной или многих стран, обеспечивающего их сплоченность в своем стремлении решать повседневные национально-государственные проблемы, как глобальные, так и современные, в интересах всех народов и государств, а именно в развитии многополярного мира.

Литература

Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский; Отв. ред. А. Л. Яншин; [Предисл. А. Л. Яншина, Ф. Т. Яншиной]; АН СССР. – Москва: Наука, 1991. – 270 с. – ISBN 5-02-003505-X.

Итоговая пленарная сессия XIX Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Мир после гегемонии: справедливость и безопасность для всех». 24–27 октября 2022 г. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles>. (дата обращения: 17.01.2023).

References

Vernadsky V. I. (1991) Scientific Thought as a planetary phenomenon / V. I. Vernadsky; Ed. by A. L. Yanshin; [Foreword by A. L. Yanshin, F. T. Yanshina]; USSR Academy of Sciences. – Moscow: Nauka. – 270 p. – ISBN 5-02-003505-X.

The final plenary session of the XIX Annual Meeting of the Valdai International Discussion Club “The World after hegemony: Justice and security for all” (2022). – October 24–27. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles> (date of application: 17.01.2023).

Каширина О. В. Культура времени в современной картине жизни / О. В. Каширина – Ставрополь; Москва: Буки Веди, 2019. – 284 с.

Каширина О. В. Культура времени как мировоззренческая парадигма и интеллектуальная технология практической философии / О. В. Каширина // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 1. – С. 258–272. – EDN PWDHWZ.

Каширина О. В. Управление событиями коммуникациями: философские размышления / О. В. Каширина. – Москва: Издательство «Знание-М», 2021. – 156 с. – ISBN 978-5-907345-76-8. – EDN DRULFL.

Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? / Н. Н. Моисеев. – Москва, 1999. – 288 с. – ISBN 5-86646-131-5.

Моисеев Н. Н. Современный рационализм / Н. Н. Моисеев; Рос. науч. гуманитар. фонд, Междунар. независимый экол.-политол. ун-т. – Москва: МГВП КОКС, 1995. – 376 с.

Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А. С. Панарин. – Москва: Алгоритм, 2003 (ГУП Смол. обл. тип. им. В. И. Смирнова). – 558 с. – ISBN 5-9265-0111-3.

Скворцов Л. В. Информационная культура и цельное знание / Л. В. Скворцов. – Москва: МБА, 2011. – 437 с. – ISBN 978-5-902445-40-1 : 2000.

Султанов Ш. Девять принципов мобилизационного проектирования / Ш. Султанов // Изборский клуб. Русские стратегии. – 2018. – № 2(58). – С. 52–62.

Хайдеггер М. Бытие и время / Мартин Хайдеггер; Перевод [с нем.] В. В. Бибихина. – Москва: Изд. фирма «Ad Marginem», 1997. – 451 с. – ISBN 5-88059-021-6.

Для цитирования: *Каширина О. В.* Контуры целесообразного будущего в практической философии и культурологии в контексте многополярности // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 88–97.

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.7

EDN GEJXDM

Kashirina O. V. (2019) The culture of time in the modern picture of life. – Stavropol; Moscow: Buki Vedi. – 284 p.

Kashirina O. V. (2013) Culture of time as a worldview paradigm and intellectual technology of practical philosophy / O. V. Kashirina // Socio-humanitarian knowledge. – No. 1. – Pp. 258-272.

Kashirina O. V. (2021) Event communication management: philosophical reflections / O. V. Kashirina. – Moscow: Publishing house «Znanie-M». – 156 p. – ISBN 978-5-907345-76-8.

Moiseev N. N. (1999) To be or not to be... humanity? / N. N. Moiseev. – Moscow. – 288 p. – ISBN 5-86646-131-5.

Moiseev N.N. (1995) Modern Rationalism / N. N. Moiseev; Russian Scientific Humanitarian Foundation, International. independent ecol.-politol. un-ty. – Moscow: MGVP COX. – 376 p.

Panarin A. S. (2003) Strategic instability in the XXI century / A. S. Panarin. – Moscow: Algorithm (State Unitary Enterprise Smolny Region. type. named after V. I. Smirnov). – 558 p. – ISBN 5-9265-0111-3.

Skvortsov L. V. (2011) Information culture and integral knowledge / L. V. Skvortsov. – Moscow: IBA. – 437 p. – ISBN 978-5-902445-40-1 : 2000.

Sultanov Sh. (2018) Nine principles of mobilization design // Izborny Club. Russian strategies. – No. 2(58) – Pp. 52-62.

Heidegger M. (1997) Being and Time / Martin Heidegger; Transl. [from German] by V. V. Bibikhin. – Moscow: Publishing house of the firm “Ad Marginem”. – 451 p. – ISBN 5-88059-021-6.

История статьи:

Поступила в редакцию – 01.12.2022

Получена в доработанном виде –

18.01.2023

Одобрена – 27.01.2023

Сведения об авторе

Каширина Ольга Валерьевна

Доктор философских наук, доцент,
профессор, Северо-Кавказский
федеральный университет

355017, г. Ставрополь,
ул. Пушкина, д. 1,
e-mail: okashirina@mail.ru

Information about author

Olga V. Kashirina

Doctor of Philosophical Sciences,
associate professor, professor,
North Caucasian Federal University

355017, Stavropol,
Pushkin str., 1,
e-mail: okashirina@mail.ru

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 167+141.3

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.8

EDN GEOUYZ

Тип статьи в журнале – научная

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

PHENOMENOLOGY OF HERMENEUTICAL PRACTICE OF MODERN EDUCATION

© 2023 г.

*Н. К. Карпова**

*В. И. Мареев***

*Н. П. Петрова***

© 2023

*N. K. Karpova**

*V. I. Mareev***

*N. P. Petrova***

* *Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

** *Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

* *Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia*

** *Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования: рассмотреть феноменологию герменевтической практики педагогики и современного образования.

Objective of the study: to consider the phenomenology of hermeneutical practice of pedagogy and modern education.

Методологическую базу исследования составили фундаментальные положения философских основ герменевтики, идеи феноменологического подхода, представление о содержательных характеристиках познавательных процессов, а также сущности понимания в аспекте осмысления концепта «опыт», рассматриваемого фактором субъективизации педагогической реальности.

The methodological basis of the research consisted of the fundamental provisions of the philosophical foundations of hermeneutics, the ideas of the phenomenological approach, the idea of the content characteristics of cognitive processes. as well as the essence of understanding in the aspect of understanding the concept of “experience”, considered as a factor of subjectivization of pedagogical reality.

Результаты исследования заключаются в конкретизации определения категории «жизненный мир» в контексте интерпретации; определении герменевтики и феноменологии формами дискурсивных практик в плане обращения к субъекту; осмыслении опыта,

Research results consist in concretizing the definition of the category “life world” in the context of interpretation; defining hermeneutics and phenomenology by forms of discursive practices in terms of addressing the subject; understanding the experience that

определяющего завершенность понимания формой знания; определении базовых идей реализации герменевтического подхода в современной образовательной практике; определении характеристик технологического аспекта феноменологической герменевтической практики; обосновании культурологических ориентиров герменевтической практики педагогики и современного образования метапринципами.

Перспективы исследования связаны с разработкой и апробацией интегративного комплекса герменевтических технологий дивинации и опыта социальной реализации личности в бытие культуры.

Ключевые слова: жизненный мир; познание и понимание в проекции концепта «опыт»; дискурсивные практики; технологический аспект герменевтической практики; культурологические ориентиры герменевтической практики – метапринципы; технологии персонологической интерпретации, диалога и рефлексивного опыта.

determines the completeness of understanding by the form of knowledge; defining the basic ideas of implementing the hermeneutic approach in modern educational practice; defining the characteristics of the technological aspect of phenomenological hermeneutic practice; substantiation of cultural guidelines of hermeneutical practice of pedagogy and modern education by metaprinciples.

Prospects of the study are connected with the development and testing of an integrative complex of hermeneutical technologies of divination and the experience of social realization of personality in the existence of culture.

Keywords: life world; cognition and understanding in the projection of the concept “experience”; discursive practices; technological aspect of hermeneutic practice; cultural guidelines of hermeneutic practice – metaprinciples; technologies of personological interpretation, dialogue and reflexive experience.

Введение

Понятие феноменологического дискурса определяется категорией «жизненный мир». По Э. Гуссерлю (Гуссерль, 2001) он определяется миром очевидностей, которые конституируются в процессе деятельности конкретного человека. Жизненный мир характеризуется анонимностью, он априорен в отношении научного знания. В числе его атрибутов – субъективность, феноменологическая достоверность в контексте интуитивной очевидности, целостность, характеризуемая наличием индивидуальной архитектоники смыслов. Жизненный мир определяет степень активности горизонта человека, выступая мотивом любой его целеполагающей деятельности. Жизненный мир выступает ценностно-смысловой опорой человека и проявляется на уровнях: определения соотношения мира и человека, характеризуемого категорией эпистемологии методологии конкретной науки и философии в историческом ракурсе, этот аспект характеризуется понятием парадигмы; комплексом понятий и представлений личности, в аспекте отражения парадигмального методологического знания, характеризуемого категорией синтагмы (Фуко, 1977. С. 35–90).

Жизненный мир определяется нами как диалог коллективного и индивидуального, порождающий интерпретацию, которая соотносима с

процессом духовной жизни человека. Интерпретация определяет актуализацию процесса интеграции двух подходов, феноменологического и герменевтического, обуславливая постижение смысла текста-контекста, определяемого понятием – интеллектуальный процесс. Каждый человек не только понимает текст, но и использует текст для понимания собственного «Я». Иное сознание в аспекте герменевтики скрыто в заявленном тексте, и его необходимо обнаружить и раскрыть путем редукции, «расщепления» до мельчайших составляющих, прояснив тем самым смысловое содержание всего текста. Выявленный смысл есть часть целого. Необходим переход эмпирического знания и теоретического. В пересечении эмпирического и теоретического происходит пересечение в одной точке герменевтики и феноменологии. Раскрытие текста рассматривается в плане осуществления перевода текстовых фактов в факты сознания. Именно сознание определяет возможность понимания текста.

Интеграция герменевтики и феноменологии обуславливает признание многомерности образа существующей реальности, неустранимой множественности описаний и точек зрения, наличия отношения дополнительности и взаимодействия между ними, признания коммуникативности познания. Просматривается методологическая тенденция обогащения абстракций субъекта и включения исторического контекста социокультурных ценностей, формируя философию субъекта, рассматриваемого как целостность, в единстве мышления, деятельности, веры и повседневной жизни. Герменевтика и феноменология, обращенные к субъекту, могут быть определены формами дискурсивных практик, возникающих и становящихся в контексте социокультурной практики в целом.

В качестве предмета герменевтической практики в настоящее время рассматриваются феномены понимания. Именно они являются базовой основой разноплановых личностных духовно-практических ситуаций в аспекте реалий существующего мира и постижения его сути человеком. В этом плане герменевтические феномены обретают статус качества сущностного и существенного человеческого бытия. Герменевтике интересен человек, живущий в мире истории и культуры, конкретных социально-исторических ценностей и уникальных личностных смыслов. Понять человека – значит найти неповторимые штрихи, присутствующие во многомерном поле смыслов, ценностей конкретной культуры конкретного времени, определив при этом глубинные детерминанты личностных желаний и стремлений. Только таким образом индивидуальность может быть определена сущностной характеристикой феномена опыта, который рассматривается способом организации понимания субъектов (и объектов).

Опыт определяет завершенность понимания, являясь формой знания. Опыт обнаруживает имеющиеся разрывы, присутствующие в понимании собственного «Я» каждым человеком, реалий существующего мира, являясь фактором неопределенности будущего, способствуя осмыслению прошлого, а также актуализирующим осмысление прошлого, выявляя за высказанным область невысказанного, представленного пластом культуры. Именно в диалоге с культурой человек получает новый ответ. Этот ответ изменяется, соответственно меняется форма культуры, рассматриваемая в этом случае основным средством, где человек может найти как целый пласт ответов, так и только единственно нужный. Образ вхождения в мир культуры соотносится с процессами взаимодействия и в дальнейшем преобразования как возможного, так и необходимого, в плане трансформации безусловно равноправных «партнеров». В данном ключе осуществляется слияние горизонтов, которое обуславливает расширение кругозора посредством осмысления и включения новых позиций, а также вбирающего все лучшее, что присутствует в сторонах равноправных «партнеров». Появляющийся новый вопрос и получаемый на него ответ создает новый образ, новые формы бытия путем перекомбинации решенных элементов традиции.

Герменевтика, выступающая теорией и практикой понимания и последующего истолкования действительности, а также знаний о ней, представленных в разного рода текстах, включая медиатексты, выдвинула ряд идей, которые могут быть актуализированы в сфере педагогического знания. Они основаны на факте признания духовной трансцендентности человека, которая не может быть познана в контексте использования традиционных средств научного знания.

В качестве базовых идей реализации герменевтического подхода в современной образовательной практике нами определены следующие:

– Современное образование суть герменевтическое. То есть обеспечивающее создание условий для формирования способности и готовности личности к пониманию, истолкованию, объяснению, интерпретации всех видов текстов, рассматриваемых как отражение духовной жизни человека.

– Содержание образования должно быть основано на интеграции гуманитарного знания в контексте перевода смысла из одной знаковой системы в другую, актуализируя профессионально-личностное развитие субъектов образовательного процесса на основе достижения адекватного понимания изучаемого феномена.

– Современный подход к организации образования должен быть диалогичен и включать обучающихся во все формы образовательной встречи с культурой, наукой, философией, религией, искусством.

Методология и методы

Герменевтический подход, обеспечивающий возможность интеграции смежных сфер гуманитарного знания на основе интерпретации знаков, обуславливает необходимость определения содержания методологических характеристик в плане обогащения и расширения за счет компонентов, концептуализирующих педагогическую реальность в рамках подходов: синергетического, социализирующего, деятельностного, аксиологического, антропологического, системного, культурологического.

Синергетический подход акцентирует особую значимость потенциала внутренней активности личности. При этом точки бифуркации, определяющие основные тенденции личностных изменений, которые возникают в сфере ценностных диспозиций, обусловлены во многом проекциями культуры прошлого, настоящего и будущего.

Социализирующий подход характеризуется обращением к проблеме социализации и самоопределения личности. Следует отметить, что в рамках вышеназванного подхода формируются ценностные установки, определяющие характер сотрудничества институтов, организующих систему образования и семьи.

Сущностью деятельностного подхода выступает развитие личности в контексте анализа базовых компонентов деятельности – мотивов, потребностей, целеполагания, результатов и других.

Системный подход обусловлен рассмотрением человека как целостной сложной системы, характеризующийся спектром различных свойств и качеств.

Аксиологический подход ориентирован на проектирование аксиосферы образования, содержание которой определяется культурой.

Антропологический подход определяет ребенка полноправным партнером педагога в условиях реализации процесса воспитания и образования.

Культурологический подход определяет феномен «культура» стержневым в осуществляемом педагогическом процессе.

Базовыми концептами понятийных проекций методологических характеристик герменевтического подхода нами определены понятия «развитие», «культура» и «личность».

Именно развитие суть базовая процессуальная характеристика подхода. Личностное развитие характеризуется освоением всех сфер культуры на основе понимания. В этой связи культура выступает содержательным ресурсом методологического подхода. При этом технологический формат герменевтического подхода определяется понятием «интерпретация» – осмысление личностью противоречия между представ-

ленном в педагогическом знании на уровне понятий социальным опытом и конкретикой обретения субъектом знаний и смыслов, имеющих для него ценность. Практическое применение герменевтического подхода в системе образования основано на использовании имеющихся ресурсов личного опыта субъектов понимания во взаимосвязи с социокультурными традициями. Оговорим, что опыт рассматривается как способ как организации, так и понимания исследуемых объектов.

Задача герменевтики заключается в непрерывной интерпретации всех значений, которые появляются в мире культуры, что позволяет сознанию достигать смысла и рефлексии. При этом только в речи феномены внутреннего мира человека достигают полного и объективно понимаемого выражения. Язык выступает универсальной средой, в которой осуществляется само понимание. В плане герменевтического опыта языковой формат выступает частью содержания, дошедшего до современности. «Человечность языка» равнозначна «языковому формату» «бытия человека – в мире». В том случае, если интерпретатор, толкователь планирует определить верный «горизонт» понимания сущностных характеристик герменевтического опыта, то ему нужно исследовать и понять гармонию языка и мира, ибо язык суть «опыт мира».

Отметим тот факт, что человек может быть понят только в диалоге и посредством диалога. Диалог предполагает, что каждый является субъектом равным в правах. Задача педагога – понять воспитанника, проникнуться его смыслами. В этом случае понимание суть взаимопонимание. Общение и самосознание. Понимание всегда диалогично, следовательно диалог может быть рассмотрен в качестве технологии познания и интерпретационно-смыслового понимания личности (Бахтин, 1979. С. 289–290).

В контексте диалога трансцендирующей личности и реального мира реализуется глобальная функция культуры, целевой вектор которой – глубинное преобразование субъекта, трансцендирование, самопревосхождение личности, составляющие основу культурного творчества, могут быть рассмотрены как технологии персонологической интерпретации сущностных характеристик культуры (Мунье, 1999. С. 460–461).

Технология персонологической интерпретации ориентирована на внутреннее обогащение субъекта, персонализацию аксиологического универсума, выработку собственной позиции по отношению к миру, другим людям, Богу, актуализируя процессы воображения, творческого созерцания и творчества.

Целеполагание технологии рефлексивного опыта – работа со смыслами. Рефлексия – методологическая категория. Рефлексия обеспечивает

обращенность сознания в пласты опыта, актуализируя повторное прохождение пути мысли. Рефлексия обращена «вовнутрь» – субъектный план, и «вовне» – это то, что хотелось бы или необходимо освоить. Как различия, так и сходства, имеющиеся в реалиях внешнего мира и внутреннего, обладают способностью к перевыражению, отсюда следует и определение понятия рефлексии – перевыражение одного феномена в другом. К вариантам этого перевыражения можно отнести и перевыражение различных подходов к одному явлению. В этом контексте рефлексия характеризуется как способность видеть себя.

Концептуализация феномена понимания сущности человека предполагает работу с культурологическим понятийным аппаратом, методами и технологиями познания, диалога, рефлексии, интерпретации рефлексивного опыта человека в плане изучения взаимоотношений и взаимодействий мира культуры и множественных личностных миров.

Технологии интерпретации, диалога и рефлексивного опыта человека рассматриваются нами в аспекте интегративного комплекса, характеризуя технологический аспект феноменологической герменевтической практики.

Научные результаты и дискуссия

Следует отметить, что с позиций системного подхода мысль, познающая объекты, системна. Применение концепта «система» к определенному объекту означает его интерпретацию и, как следствие, использование методов герменевтики. При этом мысль как феномен экзистенции актуализирует жизненную коммуникацию, определяемую сутью отношений личности с миром. По Мерло-Понти (Merlo-Ponti, 1999) бытование этого мира в экзистенции обязательно. И этот мир содержит множественные смыслы, проявляющиеся в разноплановых взаимодействиях рефлексивных опытов субъектов.

Первоначальным опытом экзистенции, в рамках которого реализуется конституирование субъектности как изначального феномена и понимание смысловых характеристик конкретного реального мира во всех планах его особенностей, и мира культуры в целом, для Мерло-Понти – это опыт восприятия, характеризуемый феноменологическим слоем субъектного опыта. То есть восприятие первично для осмысления сущностного содержания понятия «опыт человека», являясь основой познания человеком бытийного и феноменологического миров.

Одной из важнейших идей феноменологии Мерло-Понти выступает идея единства (целостности), неразделимости человеческого опыта. Ведь субъект и объект взаимосвязаны друг от друга, таким образом жизнь сознания суть интенциональная арка. Эта арка и проектирует наше прошлое

и будущее, наше окружение, определяя ситуации физического, идеологического, морального планов, создавая тем самым картину определенности нашей жизни в мире.

Опыт как феномен, интегрирующий сущностные особенности понимания человека и реальности как рефлексивных систем, обуславливает осмысление герменевтики в контексте синергетического подхода.

Именно нелинейные системы функционируют во многих случаях более гибко, что значительно повышает приспособляемость, а также способность быстро реагировать на постоянно и зачастую непредсказуемо меняющиеся условия (и влиять на них).

Следует отметить, что современная педагогика сконцентрирована на обеспечении высококачественного образования детей и юношества, основанном на выявлении и развитии природно-генетических задатков, одаренности, с целью и далее обеспечить развитие таланта каждого в условиях существующего социального института. В этом плане для педагогики чрезвычайно важно решать задачи формирования в развивающейся личности способности к активному творчеству, воспитания значимых социально новых качеств, отвечающих устремленным в будущее переменам общества. Тем самым акцентуация культурно-образовательной модели, основанной на усвоении систематизированных основ научных знаний, теряет приоритет, и актуализируется социо- и культурообразующая роль образования, в которой особое место принадлежит герменевтическому подходу. Именно герменевтика обуславливает обращение к культурному контексту прошлого, в осмыслении которого за высказанным можно обнаружить сферу невысказанного. Таким образом структура герменевтического опыта обретает особый продуктивный характер, обеспечивая включение тем прошлого в план актуального интереса.

Заключение

Культурная традиция есть то, что конституирует мир и человека. Человек в горизонте традиции посредством творческого воображения и перекомбинации фрагментов традиции создает новые формы бытия, осмысление и интерпретация которых актуализирует включение опытов в горизонт личности. Расширение горизонта обуславливает многомерность видения ситуации и признание ее самоценности. Артефакты культуры войдут в контекст современности только в качестве результата истолкования, следовательно проблема понимания, подготовленность к интерпретации выдвигается в число актуальных проблем современной педагогической науки и практики.

Интерпретация рассматривается нами в качестве метода обучения, реализуемого, прежде всего, в модели диалога. Отметим тот факт, что

герменевтика придает особую значимость духовным формам познания человека, обуславливая выявление их педагогических составляющих. Именно педагогику характеризует обращение к единичному признаку действительности. В этой связи логико-понятийный подход актуализирует необходимость дополнения, используя истолкование действительности с позиций таких аспектов, как любовь и вера, а также искусство. Ведь именно эстетико-художественный фактор в интерпретации разноплановых педагогических явлений выступает источником подлинно педагогического творчества. Искусство побуждает педагогов-теоретиков и педагогов-практиков к достижению подлинного совершенства, способствуя приближению к идеалу.

Культурологические ориентиры феноменологии герменевтической практики современной педагогики и образования обуславливают рассмотрение культурологических ориентиров как метапринципов. В этой связи категория «метапринцип» обретает методологические характеристики, обусловленные переосмыслением понятия «подход». То есть структурно-содержательные характеристики культурологического, аксиологического, антропологического, деятельностного, системного, синергетического, экзистенциального подходов интерпретируются нами как метапринципы, обогащающие и расширяющие культурологические ориентиры герменевтической практики педагогики и образования. Герменевтика обуславливает переосмысление культуры, перевод ее в плоскость реалий жизненного мира, актуализируя определение культурологическими ориентирами категории – «ценность», «деятельность», «человек».

Именно человек суть интегратор, обеспечивающий освоение смыслов культуры и осуществляющий проективное творчество артефактов культуры, используя процедуры понимания и интерпретации.

Литература

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: [сб. избр. тр.] / М. М. Бахтин [Прим. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова]. – Москва: Искусство, 1979. – 423 с. (Из истории советской эстетики и теории искусства).

Гуссерль Э. Собрание сочинений / Э. Гуссерль; пер. с нем. В. И. Молчанова; под общ. ред. В. И. Молчанова. – Москва: РИГ «Логос», 1994. – 162 с. – ISBN 5-7333-0487-1.

Гуссерль Э. Логические исследования / Э. Гуссерль; пер. с нем. В. И. Молчанова. – Москва: Акад. проект, 2011. Прологомены к чистой логике. Т. 1 / пер. с

References

Bakhtin M. M. (1979) Aesthetics of verbal creativity: [collection of selected tr.] / M. M. Bakhtin [Note by S. S. Averintseva, S. G. Bocharova]. – Moscow: Iskusstvo. – 423 p. (From the history of Soviet aesthetics and art theory).

Husserl E. (1994) Collected works / E. Husserl; translated from German by V. I. Molchanov; under the general editorship of V. I. Molchanov. – Moscow: RIG “Logos”. – 162 p. – ISBN 5-7333-0487-1.

Husserl E. (2011) Logical research / E. Husserl; transl. from German by V. I. Molchanov. – Moscow: Akad. project, 2011. Prolegomena to Pure Logic. Vol. 1 / translated

нем. Э. А. Бернштейн; под ред. С. Л. Франка; новая ред. Р. А. Громова. – 2011. – 253 с. – ISBN 978-5-8291-1298-1.

Мунье Э. Манифест персонализма / Э. Мунье; [Пер. с фр. И. С. Вдовиной и В. М. Володина]. – Москва: Респ., 1999. – 558 с. (Мыслители XX века). – ISBN 5-250-02694-X.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти; Пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – Санкт-Петербург: Ювента: Наука, 1999. – 605 с. – ISBN 5-02-026807-0.

Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитар. наук: Пер. с фр. / М. Фуко; Вступ. статья канд. филос. наук Н. С. Автономовой, [с. 5–30]. – Москва: Прогресс, 1977. – 488 с.

Для цитирования: Карпова Н. К., Мареев В. И., Петрова Н. П. Феноменология герменевтической практики современного образования // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 98–108.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.8
EDN GEOUYZ

from German by E. A. Bernstein; edited by S. L. Frank; new ed. by R. A. Gromov. – 253 p. – ISBN 978-5-8291-1298-1.

Munier E. (1999) Manifesto of Personalism / E. Munier; [Translated from the French by I. S. Vdovina and V. M. Volodin]. – Moscow: Republic. – 558 p. (Thinkers of the XX century). – ISBN 5-250-02694-X.

Merlo-Ponti M. (1999) Phenomenology of perception / M. Merlo-Ponti; Transl. from French, edited by I. S. Vdovina, S. L. Fokina. – St. Petersburg: Juventa: Nauka. – 605 p. – ISBN 5-02-026807-0.

Foucault M. (1977) Words and things: Archeology humanit. Sciences: Transl. from French / M. Foucault; Intro. the article of the Candidate of Philos. of Sciences N. S. Autonomova, [Pp. 5-30]. – Moscow: Progress – 488 p.

История статьи:

Поступила в редакцию – 23.12.2022

Получена в доработанном виде –
20.01.2023

Одобрена – 27.01.2023

Сведения об авторах

Information about authors

Карпова Наталия Константиновна

Доктор педагогических наук, профессор, руководитель Объединенного центра инновационных образовательных научных исследований и производств Донского государственного технического университета

344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1,
e-mail: karpova_nk@mail.ru

Мареев Владимир Иванович

Доктор педагогических наук, профессор, советник ректора по развитию педагогического направления Южного федерального университета

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, д. 105/42,
e-mail: mareev@sfnu.ru

Natalia K. Karpova

Doctor of Pedagogy, Professor,
Head of the Joint Center
for Innovative
Educational Scientific Research
and Production,
Don State Technical University

344000, Rostov-on-Don, Gagarin Square, 1,
e-mail: karpova_nk@mail.ru

Vladimir I. Mareev

Doctor of Pedagogy, Professor,
Advisor to the Rector for the development
of pedagogical direction,
Southern Federal University

344006, Rostov-on-Don,
Bolshaya Sadovaya str., 105/42,
e-mail: mareev@sfnu.ru

Петрова Нина Петровна

Доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры технологии
и профессионально-педагогического
образования Академии психологии
и педагогики Южного федерального
университета

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, д. 105/42,
e-mail: nppetrova@sfnedu.ru

Nina P. Petrova

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Professor of the Department
of Technology and Vocational
Pedagogical Education of the Academy
of Psychology and Pedagogy
of the Southern Federal University

344006, Rostov-on-Don,
Bolshaya Sadovaya str., 105/42,
e-mail: nppetrova@sfnedu.ru

УДК 316

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.9
EDN НКНОХW

Тип статьи в журнале – научная

**РОЛЬ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ
ЗАВЕДЕНИЙ В РАЗВИТИИ
ПАТРИОТИЧЕСКИХ
ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ
В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ**

**THE ROLE OF HIGHER
EDUCATIONAL
INSTITUTIONS
IN DEVELOPMENT OF YOUTH
PATRIOTIC VALUES
IN MODERN CONDITIONS**

© 2023 г.

Л. В. Рожкова*
О. В. Сальникова*

© 2023

L. V. Rozhkova*
O. V. Salnikova*

*Пензенский государственный
университет, г. Пенза, Россия

*Penza State University,
Penza, Russia

Цель исследования – социологический анализ состояния патриотических ценностей студенческой молодежи и направлений их развития в высшем образовательном учреждении.

Objective of the study – sociological analysis of the state of patriotic values of students and the directions of their development in a higher educational institution.

Методологическая база исследования основана на результатах авторских количественных и качественных социологических исследований патриотизма студенческой молодежи (2013, 2020, 2022 гг.); вторичном анализе других социологических исследований по проблеме развития патриотизма россиян и молодежи; документах и материалах в области патриотического воспитания в вузе.

The methodological basis of the research is based on the results of the author's quantitative and qualitative sociological studies of patriotism of students (2013, 2020, 2022); secondary analysis of other sociological studies on the development of patriotism of Russians and youth; documents and materials in the field of patriotic education at the university.

Результаты исследования. Материалы исследований фиксируют средний уровень развития патриотических ценностей студенческой молодежи. Для студентов приоритет в понимании патриотизма отдается ценностным, эмоциональным составляющим патриотизма. Университетам сегодня отводится важная роль в формировании патриотических ценностей. В вузах

Research results. Research materials record the average level of development of patriotic values of students. For students, priority in understanding patriotism is given to the value, emotional components of patriotism. Universities today play an important role in the formation of patriotic values. The universities have formed an institutional system for the formation of youth patriotism, various patriotic

сформирована институциональная система по формированию патриотизма молодежи, проводятся различные мероприятия патриотической направленности, однако система оценки их эффективности в полной мере не реализуется.

Перспективы исследования связаны с разработкой комплексной программы развития патриотизма студенческой молодежи.

Ключевые слова: патриотизм; ценности; студенческая молодежь; патриотическое воспитание; высшие образовательные учреждения.

activities are carried out, but the system for evaluating their effectiveness is not fully implemented.

Prospects of the study are connected with the development of a comprehensive program for the development of patriotism of students.

Keywords: patriotism; values; student youth; patriotic education; higher educational institutions.

Введение

Исследователи констатируют, что положительные тенденции в области патриотического воспитания молодежи носят достаточно неустойчивый характер (Багрецов, Ширшов, 2016. С. 64); «концепт патриотизма не имеет... единого согласованного механизма формирования» (Асеев, Шашкова, 2022. С. 561). Обращение к сюжетам прошлого, героическим образам в рамках проводимых в образовательных учреждениях мероприятиях способствует пониманию хода событий и истории, однако они не становятся лично значимыми для каждого. И это актуализирует проблему поиска наиболее эффективных форм и методов развития патриотизма современной молодежи. Особый интерес составляет изучение технологий развития патриотизма студенческой молодежи, как наиболее образованной и активной группы молодежи.

В информационной справке к реализуемому с 2021 по 2024 г. федеральному проекту «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» четко изложены проблемы и перспективные направления в области патриотического воспитания: неравномерное развитие двух блоков воспитания – в рамках образовательного процесса и во внеучебное время, в том числе посредством онлайн-среды; создание необходимой институциональной среды; обновление и использование актуальных форм патриотического воспитания молодежи; развитие различных форматов взаимодействия всех акторов системы патриотического воспитания и др.¹ Необходимо подчеркнуть, что в проекте практически отсутствуют механизмы

¹ Паспорт федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (2021–2024 гг.). – URL: http://www.lms.eduportal44.ru/NewKoiro/obrazov_det/SiteAssets/SitePages/Vospitatelnay%20rabota/ФП%20Патриотическое%20воспитание%20граждан_проект.pdf

развития патриотизма студенческой молодежи. Речь идет только о разработке и внедрении рабочих программ воспитания обучающихся, а также учебных курсов по развитию патриотизма.

В 2020 г. в ФЗ «Об образовании в РФ» от 2012 г. были внесены изменения, касающиеся воспитания обучающихся, где в числе прочих условий выделено «...формирование у обучающихся чувства патриотизма»¹. Сегодня также разработана Примерная рабочая программа воспитания в образовательной организации ВО, которая закладывает только основу организации воспитательной деятельности в вузах и указывает, что каждая образовательная организация ВО выстраивает систему воспитательной работы вуза на основе специфики реализуемой профессиональной подготовки. Опираясь на эти положения, все вузы разработали свои документы в области патриотического воспитания студентов (в одних вузах введены рабочие программы воспитания и календарные планы, в других – отдельные локальные нормативные акты).

Последние события, связанные с началом специальной военной операции, проведением беспрецедентной санкционной политики в отношении России, стали показателем «проверки на прочность» патриотизма россиян и молодежи, выявили потребность в «деятельностном патриотизме», обнажили пробелы в патриотическом воспитании. Они вызвали активную деятельность по внедрению новых проектов, программ, мероприятий по повышению патриотизма учащейся молодежи. Однако эти механизмы должны быть четко «встроены» в реализуемую систему патриотического воспитания. Необходим системный комплексный подход к развитию патриотизма молодого поколения.

Материалы и методы

С целью исследования патриотизма и патриотических ценностей молодежи, в том числе и студенческой молодежи, были проведены авторские социологические исследования: опрос студенческой молодежи Пензенского государственного университета «Гражданственность и патриотизм молодежи» (2013 г., n = 250); опрос молодежи Пензенской области «Гражданско-патриотический потенциал» (2020 г.; n = 660; в том числе студенческая молодежь n = 260); фокус-групповая дискуссия среди молодежи Пензенской области (2020 г.); интервью с преподавателями Пензенского государственного университета (ПГУ) (2022 г.). Авторские данные сопоставлялись с материалами других социологических исследований по проблеме развития патриотизма россиян и современной молодежи

¹ Об образовании в РФ: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 декабря 2012 г. № 53 (часть I). Ст. 7598

(ВЦИОМ, ФОМ, исследования, проведенные А. С. Нефедовой, М. Г. Ивченковым, Е. В. Сайгановой, О. В. Шиняевой, Е. Р. Ахметшиной, Т. В. Ключевой, Н. В. Корж, Г. Н. Тугускиной, В. Н. Супиковым). Для комплексного анализа патриотизма молодежи исследовались документы и материалы в области патриотического воспитания в Пензенском государственном университете.

Результаты

Тема патриотизма постоянно находится в поле внимания представителей гуманитарных и общественных направлений. С позиции социальной философии патриотизм рассматривается как ментальный концепт, определяемый объемом понятия «Отечество», в рамках социальной психологии патриотизм определяется как высшее социальное чувство (Окладникова, 2022. С. 121), в педагогике патриотизм определяется как нравственное качество личности.

В социологическом подходе патриотизм понимается как социальное чувство, нравственный принцип, в основе которых – любовь к Родине, привязанность к ней, преданность ей, готовность идти на жертвы ради нее (Иванов, 2003. С. 164). Ведущими направлениями исследований в социологии являются ценностное содержание патриотизма, его социокультурный анализ (Рожкова, Васильева, 2014. С. 125). Патриотизм лежит в основе патриотических ценностей, которые рассматриваются как положительно значимые представления о Родине, национальных интересах, общественных идеалах, которые выражаются в эмоциональном отношении к Отчизне и воплощаются в деятельности (Палаткина и др., 2018. С. 242). Патриотизм проявляется в чувствах и настроениях, образе жизни, нравственных идеалах, нормах поведения и поступках (Воскресенко и др., 2022. С. 50).

По данным исследования ВЦИОМ 2022 г., большинство россиян декларируют, что они являются патриотами своей страны (92 %), а безусловными патриотами себя считают 54 % граждан, что составляет максимальное значение с 2000 года. Сегодня доминирует понимание патриотизма и как деятельности на благо страны и как любви к родине¹.

По данным опроса ФОМ 2022 г., 85 % россиян считают себя патриотами. По мнению 74 % россиян, истинный патриот должен считать страну самой лучшей. Половина россиян (51 %) уверены в том, что патриотизм формируется на основе патриотического воспитания. Однако большая часть молодежи в возрасте 18–30 лет (56 %) считают, что в процессе формирования патриотизма патриотическое воспитание не играет

¹ ВЦИОМ. Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать. – 28 апреля. – 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat>

значительной роли. При этом 85 % представителей этой группы считают, что патриотизм – личное дело каждого¹.

В 2020 г. было проведено авторское социологическое исследование по патриотизму молодежи, где в числе опрошенных была и группа студенческой молодежи (n = 260). Данные показали, что безусловными патриотами считают себя 21,92 % студентов, еще 33,85 % скорее считают себя патриотами. Таким образом, самоидентификацию себя как патриота демонстрируют 55,77 % студенческой молодежи. Следует отметить, что этот показатель выше, чем по данным предыдущих исследований. Так, в 2013 г. доля безусловных патриотов среди студентов ПГУ составляла только 5 %, а 44 % скорее бы отнесли себя к патриотам (Рожкова, Васильева, 2014. С. 126). По данным исследования Н. В. Корж с соавторами, проведенного среди студентов ПГУ в 2020 г., более половины опрошенных респондентов считают себя патриотами (56 %) (Корж и др., 2021. С. 49).

Таким образом, уровень патриотизма студенческой молодежи можно охарактеризовать как средний. Исследование показало, что в целом по молодежной выборке больше число безусловных патриотов (30,45 %), чем по студенческой выборке – таблица 1.

Таблица 1. Самоидентификации в качестве патриота (в %)

Варианты ответов	В целом по выборке в %, n = 660	Студенческая молодежь в %, n = 260
Да, безусловно	30,45	21,92
Скорее да	31,21	33,85
Скорее нет	14,39	19,23
Безусловно, нет	8,18	8,85
Затрудняюсь ответить	15,76	16,15
ИТОГО	100	100

В рамках интервью с преподавателями ПГУ было предложено оценить молодежь, обучающуюся в университете, с позиции патриотизма, развития патриотических ценностей. Было выявлено, что некоторая часть студентов придерживается нейтральных позиций, не разделяя патриотические настроения. При этом у преподавателей старшего возраста более положительное мнение о развитии патриотических ценностей в студенческой среде.

¹ Опрос ФОМ. Патриотизм и патриоты. – 9 июня. – 2022. – URL: <https://fom.ru/TSennosti/14733>

Преподаватель, жен., 39 лет

«Студенты нашего вуза частично патриотически настроены, не у всех студентов проявляются патриотические ценности. Многие студенты моих групп придерживаются нейтральной позиции».

Преподаватель, жен., 44 года

«Кто-то очень настроен патриотично, есть студенты, которые горячо поддерживают Президента и СВО, противников нет, но много нейтрального мнения, студентов, которые не согласны с мнением патриотически настроенных студентов, но и не высказывают отрицательных оценок о стране».

Преподаватель, жен., 62 года

«Достаточно патриотичная молодежь, многие за Россию, поддерживают свою страну».

По результатам исследования 2020 г. для студентов быть патриотом значит: любить свою страну (56,54 %); знать и ценить культуру (35,77 %), гордиться своей страной (28,08 %) и работать на благо страны (28,08 %). Данные показывают, что любовь к своей стране, труд на ее благо и стремление к изменению положения дел в стране чаще характерны для студенческой выборки, что, возможно, обусловлено возрастными социально-психологическими особенностями – таблица 2.

Таблица 2. Основные компоненты патриотизма (в %, многовариантные ответы)

Варианты ответов	В целом по выборке в %, n = 660	Студенческая молодежь в %, n = 260
Любовь к стране	50,61	56,54
Знание и ценность культуры народов России	32,27	35,77
Сохранение русского языка и культурных традиций	26,67	26,92
Гордость за настоящее и прошлое страны	31,21	28,08
Работа на благо страны	20,76	28,08
Стремление к изменению положения дел в стране	14,24	22,31

Подобные данные были получены и по исследованию, проведенному среди молодежи Саратовской области (2020 г., n = 776, молодежь в возрасте от 14 до 30 лет). Так, наиболее выбираемым при характеристике патриотизма был ответ «любовь к Родине» (33,3 %). Вторым по популярности (17,3 %) следует понимание патриотизма как «уважение к своей Родине, гордость за свою страну» (Ивченков, Сайганова, 2020. С. 114).

В рамках исследования, проведенного среди студентов Пензенской, Ульяновской областей, Республики Татарстан (2021 г.), большинство студентов патриотизм связывают с несением ответственности за страну и ее будущее (58 %). Почти половина студентов (47 %) рассматривают патриотизм как гордость за достижения Родины (Шиняева и др., 2021. С. 69).

Материалы фокус-групповых дискуссий, проведенных в 2020 г. среди молодежи Пензенской области, показали, что наиболее часто молодые люди демонстрируют расширительное понимание патриотизма как любви к своей родине, в том числе и к малой родине, небезразличие к ее судьбе, уважение к истории и культуре, готовность трудиться на благо своей родины. Таким образом, молодежь, как и россияне в целом, рассматривают патриотизм как любовь к родине.

Важным направлением в повышении уровня развития патриотических ценностей молодежи является патриотическое воспитание. По данным авторского исследования 2020 г., наибольшее влияние на формирование патриотических ценностей молодежи оказали (в порядке убывания): семья; коллеги, друзья; образовательные учреждения и СМИ – таблица 3.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Кто в большей степени повлиял на формирование ваших патриотических ценностей?» (в %, многовариантные ответы)

Варианты ответов	В целом по выборке в %, n = 660	Студенческая молодежь в %, n = 260
Образовательные учреждения	35	34,23
Родители	49,39	45,77
Окружающие люди, коллеги, друзья	40,76	43,85
СМИ	35,61	35,77
Органы власти	16,21	13,46
Общественные организации	10,45	8,46
Затрудняюсь ответить	13,64	15,38

Интересными представляются данные, полученные А. С. Нефедовой, о факторах, оказывающих негативное влияние на формирование и развитие патриотизма молодежи. В их числе (в порядке убывания): нестабильная обстановка в стране (30 %); отсутствие национальной идеи (28 %); недостаточное внимание преподавателей к проводимой воспитательной деятельности (18 %); негативное влияние одноклассников, друзей (9 %) (Нефедова, 2018. С. 73). К этому списку необходимо и добавить

Интернет. Однако материалы интервью с преподавателями ПГУ подтверждают его двоякую роль в процессе формирования патриотизма.

Преподаватель, жен., 39 лет

«Интернет не способствует развитию патриотизма. У него отрицательное влияние, т. к. студенты читают иностранные источники антироссийской направленности».

Преподаватель, жен., 44 года

«Есть положительная роль Интернета, т. к. множество сайтов патриотической направленности, я рекомендую их студентам. Есть и отрицательная его роль».

Преподаватель, жен., 62 года

«Роль интернета весьма двойственная, масса информации и положительного и отрицательного характера, но сайты патриотической направленности стараются пробиться через негатив в Интернете».

По результатам исследования А. С. Нефедовой, среди источников информации, оказывающих влияние на понимание молодыми людьми патриотизма, выступают: знания, которые студенты получают от преподавателей (25 %); факты, которые сообщают близкие люди (15 %); примеры друзей (28 %); информация СМИ (20 %); художественная литература (12 %) и личное участие в деятельности патриотической направленности (10 %) (Нефедова, 2018. С. 73).

Вместе с тем, несмотря на то, что молодые люди не рассматривают высшие учебные заведения в числе приоритетных субъектов формирования патриотизма, все же их роль в этом процессе значительна. Как справедливо отмечают исследователи, вузы располагают широким спектром форм, методов, механизмов и технологий теоретико-методологического обоснования и практического внедрения основ служения Отечеству (Курилов и др., 2022. С. 38).

Воспитание патриотизма рассматривается как комплексный, целенаправленный процесс включения студенческой молодежи в различные виды образовательной и внеучебной деятельности, которая содержательно связана с формированием и развитием патриотического сознания, патриотических ценностей, направлена на стимулирование активности студентов в области патриотической деятельности. Таким образом, патриотизм студенческой молодежи формируется и развивается, как в процессе обучения, так и в процессе воспитания.

В Пензенском государственном университете планирование и организация воспитательной работы осуществляются в соответствии с «Концепцией воспитательной деятельности в ПГУ» от 11.02.2021 № 74;

Положением о кураторском часе, Положением о кураторской деятельности, а также Рабочей программой воспитания и календарным планом, разработанными для каждой образовательной программы бакалавриата.

Одной из целей воспитательной деятельности в университете является формирование у студентов патриотизма, гражданственности, уважения к подвигам героев и памяти защитников Отечества, бережного отношения к культурному наследию и традициям России. В числе ожидаемых результатов – знания и представления студентов о понятиях «патриотизм», «патриот», «Родина» и отношении студентов к Отечеству; ориентированность на патриотические ценности, развитие патриотического поведения. Это реализуется посредством участия студентов в различных мероприятиях и проектах патриотической направленности.

Рассматривая формы воспитательной работы в ПГУ, необходимо выделить проведение тематических кураторских часов по воспитанию патриотизма; посещение музеев, выставок для знакомства с национальной культурой, историей, ценностями; участие в конкурсах гражданско-патриотической направленности; участие в спортивных, физкультурно-оздоровительных мероприятиях, приуроченных к важным историческим датам; проведение конференций, форумов, дискуссий, круглых столов патриотической направленности; студенческий патриотический клуб «РУБЕЖ». В ПГУ есть методическое и информационное обеспечение для проведения кураторских часов и бесед патриотической направленности со студентами. Что касается включения в содержание учебных дисциплин разделов патриотической направленности, то это направление реализовано недостаточно.

Интересными представляются данные интервью с преподавателями ПГУ в отношении форм и методов патриотического воспитания в вузе и их эффективности. Следует отметить, что говоря об эффективности проводимых мероприятий, можно выделить только субъективное мнение, поскольку система оценки эффективности мероприятий не внедряется в полном объеме. Анализ проводится по числу участников, вовлеченных в них, однако он не может дать объективные данные о степени развития уровня патриотизма студенческой молодежи (до и после проведенных мероприятий).

Преподаватель, жен., 39 лет

«В нашем вузе проводятся беседы со студентами, общие кураторские часы в Институте, посвященные значимым историческим событиям. Я провожу беседы со студентами по современной ситуации в стране и в мире. Эти мероприятия достаточно эффективны с видимой стороны».

Преподаватель, жен., 44 года

«В университете проводятся различные мероприятия, связанные с памятливыми датами ВОВ, фестивали и дни национальных культур в Пензенской области. Я участвовала в митингах ко Дню Победы, Дню России. Это эффективно для воспитания патриотизма у молодежи».

Преподаватель, жен., 62 года

«Проводятся мероприятия, посвященные Дню Победы, связанные с поддержкой СВО, празднование Дня России... Очень трудно говорить об эффективности, но эффект они дают».

В числе субъектов патриотического воспитания в вузе могут быть названы кураторы учебных групп, ответственные по воспитательной работе на кафедрах, заместители директоров по воспитательной работе, управление о молодежной политике и воспитательной деятельности ПГУ, отдел по внеучебной работе и информационному обеспечению воспитательного процесса ПГУ, отдел культурно-проектной деятельности, центр культуры, центр студенческих общественных объединений. Необходимо отметить, что большую роль в организации студенческой жизни, вовлечение в проекты патриотической направленности играет Совет студенческого самоуправления ПГУ.

Важным направлением патриотической работы в вузе является деятельность кураторов учебных групп. Вместе с тем, по оценкам преподавателей, несмотря на кажущуюся большую роль куратора в этом процессе, его пример патриотического поведения может выступить как фактор некоторого влияния на изменение патриотического сознания молодежи. Вместе с тем студенты уже сформировавшиеся личности, и влияние на них с целью трансформации их ценностной системы не всегда эффективно.

Преподаватель, жен., 39 лет

«У куратора для формирования патриотизма только метод беседы, студенты не всегда высказывают свое мнение, поэтому кураторы не всегда видят ответную реакцию, чтобы судить о роли в воспитании патриотизма. Но студенты хорошо реагируют на запретительные просьбы, например, не писать запрещенные тексты в социальных сетях».

Преподаватель, жен., 44 года

«Роль не очень велика, т.к. студенты уже взрослые и у них на все свое мнение, которое сформировано, у них готовая гражданская позиция, и большее влияние на них имеют друзья и социальные сети».

Преподаватель, жен., 62 года

«Воспитание студента – это через собственный пример, можно показать студентам свои действия и это оказывает сильное влияние».

По результатам исследования 2020 г. студенты назвали наиболее эффективные формы гражданско-патриотического воспитания – таблица 4. По данным исследований мероприятиям патриотической направленности девушки отдают большее предпочтение, чем юноши.

Таблица 4. Наиболее эффективные формы гражданско-патриотического воспитания (в %, многовариантные ответы)

Варианты ответов	В целом по выборке в %, n = 660	Студенческая молодежь в %, n = 260
Деятельность гражданско-патриотических клубов, центров, в том числе молодежных	23,64	26,92
Литература гражданско-патриотической направленности	21,21	18,85
Выставки, музеи, фестивали, конкурсы патриотической направленности	28,94	27,69
Показ фильмов и встречи с ветеранами ВОВ	27,88	24,62
Парад Победы и Бессмертный полк	38,94	27,69
Затрудняюсь ответить	24,24	30,77

В свете последних произошедших социально-политических событий в образовательных учреждениях, в школах, в вузах растет число мероприятий патриотической направленности. По данным интервью с преподавателями в ПГУ их число значительно увеличилось.

Рассматривая оценку эффективности проводимых мероприятий по патриотизму в ПГУ, преподаватели ответили отрицательно в силу того, что они это не проводят или не имеют соответствующих знаний об этом.

Заключение

Материалы социологических исследований фиксируют средний уровень развития патриотических ценностей молодежи; некоторая часть студентов придерживается нейтральных позиций, не разделяя патриотические ориентации. Для студентов значимы ценностные и деятельностные составляющие патриотизма, но больший акцент смещен на понимание патриотизма как любви к стране, Родине. На формирование патриотических ценностей молодежи наиболее влияние оказывают семья, сокурсники, друзья. Вместе с тем роль высших учебных заведений в формировании патриотических ценностей значительна. В вузах сформирована институциональная система по формированию патриотизма молодежи, проводятся различные мероприятия патриотической направленности, однако система оценки их эффективности в полной мере не проводится.

В современных условиях повышению эффективности патриотического воспитания студенческой молодежи будет способствовать системный комплексный подход в отношении проводимых мероприятий патриотической направленности. Необходима разработка четкой системы показателей и критериев патриотического воспитания, а также оценка их эффективности. В целом патриотическое воспитание молодежи должно включать различные формы и методы работы, быть направлено на развитие как когнитивных и ценностных, так и деятельностных форм патриотизма. Кроме того, система патриотического воспитания должна корректироваться с учетом социологического мониторинга состояния и развития патриотических ценностей современной молодежи.

Литература

Асеев С. Ю. Факторы формирования патриотических ценностей и установок у старших школьников (на примере регионов Сибирского федерального округа) / С. Ю. Асеев, Я. Ю. Шашкова // Интеграция образования. – 2022. – Т. 26. – № 3(108). – С. 559–578. – DOI 10.15507/1991-9468.108.026.202203.559-578. – EDN ВНQHЕZ.

Багрецов Д. Н. Патриотизм: современные вызовы и перспективы / Д. Н. Багрецов, В. Д. Ширшов // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 5. – С. 63–70. – DOI 10.26170/po16-05-11. – EDN WKYDXH.

ВЦИОМ. Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать. – 28 апреля. – 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat> (дата обращения: 12.01.2023).

Диагностика патриотизма студенческой молодежи в системе профессионального воспитания в высшей школе / О. А. Воскрекасенко, В. В. Константинов, А. А. Пашин, К. Р. Тренгулов // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 5. – С. 47. – DOI 10.17513/spno.32096. – EDN WFQRDC.

Ивченков С. Г. Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодежи / С. Г. Ивченков, Е. В. Сайганова // Вестник Института социологии. –

References

Aseev S. Yu. (2022) Factors of formation of patriotic values and attitudes among senior schoolchildren (on the example of the regions of the Siberian Federal District) / S. Yu. Aseev, Ya. Yu. Shashkova // Integration of education. – Т. 26. – No 3(108). – Pp. 559-578. – DOI 10.15507/1991-9468.108.026.202203.559-578.

Bagretsov D. N. (2016) Patriotism: modern challenges and prospects / D. N. Bagretsov, V. D. Shirshov // Pedagogical education in Russia. – No. 5. – Pp. 63-70. – DOI 10.26170/po16-05-11.

ВТСИОМ. (2022) Patriotism today: to love, care and protect. – April 28. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat> (date of application: 12.01.2023).

Diagnostics of patriotism of student youth in the system of professional education in higher school (2022) / O. A. Voskrekasenko, V. V. Konstantinov, A. A. Pashin, K. R. Tregulov // Modern problems of science and education. – No. 5. – Pp. 47. – DOI 10.17513/spno.32096.

Ivchenkov S. G. (2020) Value orientations and their influence on the perception of patriotism among young people / S. G. Ivchenkov, E. V. Saiganova // Bulletin of the Institute of Sociology. – Vol. 11. – No. 2. – Pp. 106-125. – DOI 10.19181/vis.2020.11.2.643.

2020. – Т.11. – №2. – С.106-125. – DOI 10.19181/vis.2020.11.2.643. – EDN VJNDIM.

Корж Н. В. Патриотические ценности как основа нравственного воспитания студенческой молодежи / Н. В. Корж, Г. Н. Тугускина, В. Н. Супиков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2021. – № 4(60). – С. 47–57. – DOI 10.21685/2072-3016-2021-4-5. – EDN UAQXAO.

Курилов С. Н. Роль высших учебных заведений в патриотическом воспитании студентов / С. Н. Курилов, А. Б. Родин, Л. К. Рашитова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 6. – С. 36–38. – DOI 10.23672/i2846-7977-2164-г. – EDN EBHNDU.

Нефедова А. С. Патриотическое воспитание студентов в современном вузе / А. С. Нефедова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2018. – Т. 13. – № 5. – С. 71–76. – DOI 10.21209/2542-0089-2018-13-5-71-76. – EDN YNFXAD.

Окладникова Е. А. Методы патриотического воспитания в образовательной среде средней школы и вуза: сравнительный анализ / Е. А. Окладникова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2022. – № 206. – С. 120–132. – DOI 10.33910/1992-6464-2022-206-120-132. – EDN YVGARA.

Палаткина Г. В. Сущность и структура патриотических ценностей подростков / Г. В. Палаткина, А. А. Шаронов, А. С. Джангазиева // Вестник РМАТ. – 2019. – № 1. – С. 90–96. – EDN HLFCXJ.

Паспорт федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (2021–2024 гг.). – URL: http://www.lms.eduportal44.ru/NewKoiro/obrazov_det/SiteAssets/SitePages/VospitateInay%20rabota/ФП%20Патриотическое%20воспитание%20граждан_проект.pdf (дата обращения: 12.01.2023).

Опрос ФОМ. Патриотизм и патриоты. – 9 июня. – 2022. – URL: <https://fom.ru/TSennosti/14733> (дата обращения: 12.01.2023).

Korzh N. V. (2021) Patriotic values as the basis of moral education of student youth / N. V. Korzh, G. N. Tuguskina, V. N. Supikov // Izvestia of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. – No. 4(60). – Pp. 47-57. – DOI 10.21685/2072-3016-2021-4-5.

Kurilov S. N. (2022) The role of higher educational institutions in the patriotic education of students / S. N. Kurilov, A. B. Rodin, L. K. Rashitova // Humanities, socio-economic and social sciences. – No. 6. – Pp. 36-38. – DOI 10.23672/i2846-7977-2164- r.

Nefedova A. S. (2018) Patriotic education of students in a modern university / A. S. Nefedova // Scientific notes of the Trans-Baikal State University. – Vol. 13. – No. 5. – Pp. 71-76. – DOI 10.21209/2542-0089-2018-13-5-71-76.

Okladnikova E. A. (2022) Methods of patriotic education in the educational environment of secondary school and university: comparative analysis / E. A. Okladnikova // Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. – 2022. – No. 206. – Pp. 120-132. – DOI 10.33910/1992-6464-2022-206-120-132.

Palatkina G.V. (2019) The essence and structure of patriotic values of teenagers / G. V. Palatkina, A. A. Sharonov, A. S. Dzhangazieva // Bulletin of the RMAТ. – 2019. – No. 1. – Pp. 90-96.

Passport of the federal project «Patriotic education of citizens of the Russian Federation» (2021-2024). – URL: http://www.lms.eduportal44.ru/NewKoiro/obrazov_det/SiteAssets/SitePages/VospitateInay%20rabota/ФП%20Патриотическое%20воспитание%20граждан_проект.pdf (date of application: 12.01.2023).

Survey FOM (2022) Patriotism and patriots. – June 9th – URL: <https://fom.ru/TSennosti/14733> (date of application: 12.01.2023).

Rozhkova L. V. (2014) Citizenship and patriotism as the foundations of social consolidation of Russian society / L. V. Rozhkova, N. D. Vasilyeva // Monitoring of public opinion: economic and social changes. – No. 3(121). – Pp. 123-129. – DOI 10.14515/monitoring.2014.3.08.

Рожкова Л. В. Гражданственность и патриотизм как основания социальной консолидации российского общества / Л. В. Рожкова, Н. Д. Васильева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2014. – № 3(121). – С. 123–129. – DOI 10.14515/monitoring.2014.3.08. – EDN SIGFUH.

Федеральный закон «Об образовании в РФ» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 декабря 2012 г. № 53 (часть I). Ст. 7598

Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Нац. обществ. – науч. фонд; [Науч. ред. В. Н. Иванов (гл. ред.) и др.]. – Москва: Мысль, 2003 – (1-я Обр. тип.). – 164 с. – ISBN 5-244-01015-8.

Шиняева О. В. Патриотизм и гражданские позиции студентов высших учебных заведений в контексте социальной модернизации / О. В. Шиняева, Е. Р. Ахметшина, Т. В. Ключева // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 3. – С. 63–78. – DOI 10.24412/2071-6141-2021-3-63-78. – EDN QHKCSN.

Для цитирования: Рожкова Л. В., Сальникова О. В. Роль высших учебных заведений в развитии патриотических ценностей молодежи в современных условиях // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 109–123.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.9
EDN НКНОХW

Сведения об авторах

Рожкова Лилия Валерьевна

Доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Экономическая теория и международные отношения», Пензенский государственный университет

440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40,
e-mail: mamaeva_lv@mail.ru

Federal Law «On Education in the Russian Federation» (2012) dated 29.12.2012 No. 273-FZ (ed. dated 21.11.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation dated December 31, 2012 No. 53 (Part I). Article 7598.

The Sociological Encyclopedia: In 2 vols (2003) / National Society-Scientific Foundation; [Scientific ed. V. N. Ivanov (Chief Editor), etc.]. – Moscow: Mysl – (1st Obr. type.). – 164 p. – ISBN 5-244-01015-8.

Shinyaeva O. V. (2021) Patriotism and civic positions of students of higher educational institutions in the context of social modernization / O. V. Shinyaeva, E. R. Akhmetshina, T. V. Klyueva // Proceedings of Tula State University. Humanities. – No. 3. – Pp. 63–78. – DOI 10.24412/2071-6141-2021-3-63-78.

История статьи:

Поступила в редакцию – 01.12.2022

Получена в доработанном виде –
18.01.2023

Одобрена – 27.01.2023

Information about authors

Liliya V. Rozhkova

Doctor of Sociological Science, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University

440026, Penza, Krasnaya str., 40,
e-mail: mamaeva_lv@mail.ru

Сальникова Ольга Владимировна

Старший преподаватель кафедры
«Экономическая теория и международные
отношения», Пензенский государственный
университет

440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40,
e-mail: sova_newm@mail.ru

Olga V. Salnikova

Senior lecturer of the Department
of Economic Theory and International
Relations, Penza State University

440026, Penza, Krasnaya str., 40,
e-mail: sova_newm@mail.ru

УДК 316.422

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.10
EDN ICXZBS

Тип статьи в журнале – научная

**ИЗМЕНЯЮЩАЯСЯ
ЦЕННОСТЬ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
БЕЛАРУСИ, РОССИИ, КИТАЯ¹**

**THE CHANGING VALUE
OF HIGHER EDUCATION:
COMPARATIVE ANALYSIS
OF BELARUS, RUSSIA, CHINA²**

© 2023 г.

*Л. Г. Титаренко**

© 2023

*L. G. Titarenko**

* Белорусский государственный
университет,
г. Минск, Республика Беларусь

* Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus

Цель исследования – выявить изменения представлений о ценности высшего образования в массовом сознании молодых белорусов, россиян и китайцев, а также уточнить реальные возможности его получения в каждой из этих стран с учетом социального расслоения населения и других факторов. В статье показано, как в последнее десятилетие изменилось отношение молодежи к получению высшего образования в выбранных странах и какие факторы в этих странах обусловили данные изменения. Выявлены тренды дифференцированного отношения к получению высшего образования среди молодежи, представляющей разные социальные слои населения.

Objective of the study is to identify changes in perceptions of the value of higher education in the mass consciousness of young Belarusians, Russians and Chinese, as well as to clarify the real possibilities of obtaining it in each of these countries, taking into account the social stratification of the population and other factors. The article shows how the attitude of young people to higher education in selected countries has changed in the last decade, and what factors in these countries caused these changes. The trends of differentiated attitudes towards higher education among young people representing different social strata of the population are revealed.

Методологическая база исследования. Статья исходит из принципа социальной справедливости в его приложении к проблеме оценки возможностей разных групп молодежи

The methodological basis of the research. The article proceeds from the principle of social justice in its application to the problem of assessing the opportunities of different groups of

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (№ Г21АРМ-020).

² The research was supported by the grant of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (No. Г21АРМ-020).

получить равный доступ к высшему образованию. Социальная справедливость является одной из терминальных ценностей для населения постсоветских Беларуси и России, поскольку в Советском Союзе культивировалась идея социального равенства и обеспечения равного доступа к высшему образованию независимо от уровня дохода разных социальных групп. Ценность равного доступа к высшему образованию сохраняется в массовом сознании и сегодня. Однако по мере развития рыночной экономики в этих странах растет стоимость платного получения высшего образования, которое в нынешних сложных социально-экономических условиях делает его недостижимым для молодежи из малообеспеченных слоев населения и вынуждает эту молодежь искать иные стратегии успешного выхода на рынок труда. В Китае высокая конкуренция при поступлении на программы второй ступени высшего образования делает его недостижимым для большого количества молодежи, имеющей недостаточно высокие показатели в учебе, даже при наличии материальных возможностей для поступления на платное обучение. Этот фактор обусловил мобильность китайской молодежи в Россию и Беларусь для получения магистерского диплома, необходимого в будущем для трудоустройства.

В качестве эмпирической основы исследования взяты статистические данные об изменении числа студентов в системе высшего образования в России и Беларуси, среднего профессионального образования в России, а также доступные статистические данные по высшему образованию в Китае. Для углубленного изучения мнений китайской молодежи, приехавшей в Беларусь, использованы данные социологических опросов китайских студентов, обучавшихся на магистерских программах, в которых выяснялись причины, побудившие приехать на обучение в Беларусь, личные мотивы в учебе, ожидания от получаемого образования в аспекте будущего трудоустройства и повышения социального статуса. Аналогичные вопросы выяснялись в национальном опросе белорусского студенчества, проведенного в 2022 г. (n = 2666).

young people to get equal access to higher education. Social justice is one of the terminal values for the population of post-Soviet Belarus and Russia, since the Soviet Union cultivated the idea of social equality and ensuring equal access to higher education regardless of the income level of different social groups. The value of equal access to higher education remains in the mass consciousness today. However, as the market economy develops in these countries, the cost of paid higher education increases, which in the current difficult socio-economic conditions makes it unattainable for young people from low-income segments of the population and forces these young people to look for other strategies for successfully entering the labor market. In China, high competition for admission to the second-stage programs of higher education makes it unattainable for a large number of young people who have insufficiently high academic performance, even if there are material opportunities for admission to paid education. This factor has caused the mobility of Chinese youth to Russia and Belarus to obtain a master's degree, which is necessary in the future for employment. The empirical basis of the study is statistical data on changes in the number of students in the higher education system in Russia and Belarus, secondary vocational education in Russia, as well as available statistics on higher education in China. For an in-depth study of the opinions of Chinese youth who came to Belarus, data from sociological studies of Chinese students who studied at master's programs were used, which clarified the reasons that prompted them to come to study in Belarus, personal motives in studying, expectations from the education they receive in terms of future employment and improving social status. Similar questions were found out in the national survey of Belarusian students conducted in 2022 (n = 2666).

Результаты исследования. В статье с позиций сохраняющейся ценностной ориентации постсоветского российского и белорусского общества на равенство доступа молодежи к высшему образованию как терминальной ценности показано, что, во-первых, проблема социального неравенств в высшем образовании актуальна для обеих стран, но проявляется по-разному. В России молодежь с недостаточными финансовыми ресурсами начала переориентацию с высшего на среднее профессиональное образование; в Беларуси молодежь ограничивается бакалавриатом, не считая дальнейшее продолжение обучения практически ценным для выхода на рынок труда. В свою очередь, китайская молодежь, не имеющая возможности реализовать потребность в получении образования второй ступени дома, едет за рубеж, так как только высокий уровень образования гарантирует им трудоустройство и социальный статус в своей стране. Во-вторых, выявлена взаимосвязь между вопросами о доступе к высшему образованию, о доходах населения и о последующем доступе молодежи к рынку труда. При недостатке доходов малоресурсные группы предпочитают ориентацию на среднее профессиональное образование либо на бакалавриат, которые гарантируют молодежи более быстрый выход на рынок труда и обретение финансовой самостоятельности. Ресурсные китайские молодые люди готовы инвестировать в получение магистерской степени за рубежом, ибо без нее они могут вообще не найти работы в Китае. В-третьих, современная практика показывает, что, несмотря на стереотипные высокие оценки высшего образования молодежью, в конкретной жизненной ситуации она во всех трех странах ориентирована в отношении получения образования инструментально.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим анализом динамики установок молодежи на получение образования разного уровня в контексте изменения доходов населения и стратегиями выхода на рынок труда. По мнению автора, управленческим структурам необходимо отслеживать динамику изменения отношения молодежи к

Research results. In the article, from the standpoint of the continuing value orientation of post-Soviet Russian and Belarusian society on the equality of youth access to higher education as a terminal value, it is shown that, firstly, the problem of social inequalities in higher education is relevant for both countries, but manifests itself in different ways. In Russia, young people with insufficient financial resources have begun to reorient from higher to secondary vocational education; in Belarus, young people are limited to bachelor's degree, not considering further continuation of education practically valuable for entering the labor market. In turn, Chinese youth, who do not have the opportunity to realize the need for a second-level education at home, go abroad, since only a high level of education guarantees them employment and social status in their country. Secondly, the relationship between the issues of access to higher education, the income of the population and the subsequent access of young people to the labor market has been revealed. With a lack of income, low-resource groups prefer to focus on secondary vocational education or bachelor's degree, which guarantee young people a faster entry into the labor market and financial independence. Resourceful Chinese young people are ready to invest in obtaining a master's degree abroad, because without it they may not find a job in China at all. Thirdly, modern practice shows that, despite the stereotypical high ratings of higher education by young people, in a specific life situation, in all three countries, they are oriented towards obtaining education instrumentally.

Prospects of the study are related to further analysis of the dynamics of attitudes of young people to receive education at different levels in the context of changes in household incomes and strategies for entering the labor market. According to the author, management structures need to monitor the dynamics of changes in the attitude of young people to higher education,

высшему образованию, поскольку высокообразованные кадры являются драйвером развития любого общества. Социальное недовольство молодежной когорты представляет опасность для политической устойчивости общества.

since highly educated personnel are the driver of the development of any society. The social discontent of the youth cohort is a danger to the political stability of society.

Ключевые слова: высшее образование; среднее профессиональное образование; Беларусь; Россия; Китай; установки молодежи на образование; социальная справедливость в сфере образования; терминальные и инструментальные ценности молодежи в сфере образования; выход на рынок труда.

Keywords: higher education; secondary vocational education; Belarus; Russia; China; youth attitudes to education; social justice in education; terminal and instrumental values of youth in education; access to the labor market.

Введение

В современном экономически продвинутом обществе получение высшего образования рассматривается как терминальная ценность. В массовом сознании населения постсоветского общества равный доступ к достижению этой ценности по-прежнему считается показателем социальной справедливости. Молодежь традиционно рассматривает диплом о высшем образовании как необходимый для успешного трудоустройства и повышения своего социального статуса (Титаренко, 2015. С. 207). Такая установка распространена и в России, и в Беларуси; был даже создан миф о возможности всеобщего высшего образования (Бессуднов и др., 2017). Однако по мере роста социального расслоения населения и стоимости платного обучения поступление в вуз становится затруднительным для той части молодых людей, семьи которых не относятся к высокоресурсным, а полученный молодежью уровень знаний в средней школе не гарантирует получения бюджетного места в вузе. Если социальная политика государства чутко реагирует на подобные потенциальные угрозы социальной сплоченности и оказывает малоресурсной молодежи поддержку, как в Беларуси, установка на получение высшего образования сохраняется (Лашук, 2021). В иных случаях молодежи приходится менять стратегию выхода на рынок труда, исходя из имеющихся у нее ресурсов (Хавенсон, Чиркина, 2019). По этой причине в России среднее профессиональное образование становится более популярным среди молодежи, чем высшее (Константиновский, Попова, 2020).

Что касается Китая – страны с рыночной экономикой, приведшей к колоссальному социальному расслоению населения ¹, и властью

¹ Неравенство в Китае. – 2018. – URL: <https://www.rusmirror.ru/post/06112018> (дата обращения: 23.12.2022).

коммунистической партии, продвигающей курс на высшее образование для молодежи, недостаток национальных университетов и высокие требования к поступающим привели к тому, что на протяжении более десяти лет Китай является страной с максимальным уровнем образовательной миграции (Чжан Янь, 2022). Хотя большинство китайской молодежи едет учиться в США, имеется рост образовательной миграции и в Россию, и в Беларусь. Отсюда и наш интерес к потенциальным возможностям роста образовательной конкурентоспособности обеих стран в отношении Китая в условиях сокращения числа потенциальных студентов среди россиян и белорусов.

Кейс первый: Беларусь

Беларусь занимает пограничную территорию в регионе. Она соседствует с тремя странами Евросоюза и имеет довольно тесные исторические связи с Литвой и Польшей. Как правило, белорусы понимают польский язык, более 3 % населения – этнические поляки, многие из них имеют «карту поляка» – эквивалент вида на жительство в Польше. Поэтому в Польшу хотят поехать многие молодые люди – либо на учебу, либо с уже полученным дипломом о высшем образовании, чтобы там трудоустроиться (до начала пандемии это было нетрудно). Поскольку уровень жизни в Польше выше, чем в Беларуси, практически ориентированная молодежь рассматривала подобную миграцию как реальную возможность изменить траекторию своей жизни. После президентских выборов в августе 2020 г. и урегулирования идеолого-политической ситуации выезд за рубеж упростился для тех, кто мог доказать в посольстве свое участие в этих выступлениях. Даже когда страны Евросоюза практически перестали выдавать визы белорусам (после инцидента с посадкой литовского самолета в мае 2021 г.), оппозиционеры выезжали свободно. Желющие поехать в Польшу на обучение, особенно при наличии «карты поляка», также свободно могли эмигрировать из страны. Высшее образование высоко ценится в Польше: найти работу, имея диплом, и получить более высокую зарплату, чем в Беларуси, до 2022 г. было легко. Официальной статистики выездов в открытом доступе нет; предположительно, несколько десятков тысяч человек покинуло Беларусь, так как за 2021 г. население страны сократилось на 94 тыс. чел., что намного больше, чем естественная убыль¹. Поскольку значительная часть мигрантов состояла из молодых людей, этот фактор негативно сказался и на наполнении белорусских вузов новыми студентами. Чтобы компенсировать их нехватку,

¹ Беларусь продолжает терять население: минус 94 тысяч за 2021 год // Экономическая газета. – 2022. – № 24. – URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/chislennost-naselenija-belarusi-sokrashhaetsja-minus-94-tysyach-za-2021-god> (дата обращения: 10.06.2022).

правительство существенно расширило число бюджетных мест в вузах, открыло новые престижные специальности, а часть тех, на которые был постоянный недобор, закрыло. Учитывая последствия постсоветской «демографической ямы» и влияния «второго демографического перехода» (см. Вишневецкий, 2019), численность молодежи, получающей общее среднее образование и имеющей возможность поступить в вузы, постоянно снижается¹. Этот фактор оказывает негативное влияние на систему высшего образования в Беларуси.

Тем не менее действует и противоположная тенденция, связанная с тем, что еще 50 лет назад большинство населения было сельским и проживало в сельской местности. Для крестьянских семей отправить своих детей учиться в город, чтобы получить высшее образование, было большой ценностью. После распада СССР, когда в Беларуси появились негосударственные университеты в середине 1990-х гг. и когда общее количество вузов значительно выросло, осуществить мечту о получении высшего образования стало просто. Даже с учетом более низких знаний у выпускников сельских школ можно было поступить практически с любыми баллами на платное обучение. Стоимость обучения варьировалась в зависимости от спроса на специальности. Однако всегда можно было найти негосударственный вуз, где эта стоимость была посильной даже для малообеспеченных семей. На заочном обучении плата за учебу в 2–4 раза меньше, чем при дневном обучении², что сохраняет его актуальность. Поэтому до настоящего времени престиж высшего образования сохраняется на высоком уровне. При этом сама специальность является важной для немногих, так как поступление на престижный факультет требует знаний; остальные поступают просто «ради диплома». Достаточно посмотреть на результаты недавнего национального опроса студентов, где фиксировались их ответы о мотивах поступления в вуз, чтобы понять: вузовский диплом имеет символическую ценность, его получение – один из главных мотивов поступления в вуз. Интерес к специальности имеет место не всегда, т. к. не собираются работать по специальности до половины студентов. Учатся многие студенты плохо, поскольку им нужен диплом, а не знания. Молодые люди из провинции иногда просто хотят переехать в большой город, где находится вуз, чтобы поменять образ жизни и закрепиться в нем в будущем (см. табл. 1).

¹ Беларусь в цифрах. Статистический сборник. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2021. – 71 с.

² Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Образование в Республике Беларусь. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2021. – С. 40. – ISBN 978-985-7241-41-5.

Таблица 1. Мотивы поступления в вуз, республиканский опрос, март 2022 г., в % от числа ответивших

Варианты ответов	Студенты
Хочу стать квалифицированным специалистом в моей специальности	58
Хочу обеспечить себе стабильный материальный доход в будущем	57
Диплом о высшем образовании в любом случае пригодится в жизни	42
Вуз дает возможность стать культурным и высокообразованным человеком	35
Высшее образование обеспечивает интересный круг общения	32
Хочу повысить свой социальный статус	17
Хочу жить и учиться в большом городе	14
Хочу продлить годы учебы и беззаботного существования	13
Трудно сказать определенно	9

Из таблицы 1 следует, что хотя наиболее частый ответ касается получения квалификации, его выбрало менее 60 % респондентов. Практически столько же указали на чисто внешний, материальный мотив: желание обеспечить себе стабильный материальный достаток. Четыре из 10 студентов вообще рассматривают диплом в прагматичном плане, надеясь, что он пригодится в жизни в любом случае, а почти пятая часть имеют надежду повысить свой социальный статус, получив высшее образование. Фактически, те же студенты, которые выбрали содержательный мотив («стать квалифицированным специалистом»), могли выбрать и мотив обеспечения себе материальной стабильности посредством высшего образования, либо рассматривать диплом как артефакт, имеющий символическую значимость.

В подтверждение важности материальных факторов, связанных с получением высшего образования, в том же опросе были выявлены мнения студентов о том, насколько важны при выборе вуза его разные характеристики. Высокую важность выбора вуза (более 75 % выборов) получили только три характеристики (табл. 2).

Таблица 2. Самые важные характеристики при выборе вуза, республиканский опрос, март 2022 г., в % от числа ответивших

Характеристика вуза	Ответы студентов
Возможность найти хорошую работу с дипломом этого вуза	80
Подготовка по актуальным, востребованным, интересным специальностям	77
Современные подходы к обучению в вузе	76

Здесь имеет место соединение содержательных и чисто прагматических оценок вуза, приписываемых студентами тому или другому учебному заведению, на которые они ориентировались при поступлении на учебу. Поскольку эти характеристики не входят в справочники для абитуриентов, очевидно, что молодежь исходит из общих ценностей массового сознания и мнений, почерпнутых из СМИ или других источников, а не из своего опыта.

Можно предположить, что если бы среднее профессиональное образование оценивалось в общественном мнении так же высоко по критериям его материальных и статусных характеристик, то молодые люди охотнее бы выбирали эту образовательную траекторию. Она не требует материальных затрат (финансируется из госбюджета) и обеспечивает более широкие возможности в поиске работы. Однако такое образование не является в Беларуси престижным: оно намного менее популярно, чем высшее. По статистике за 2020/2021 учебный год, в Беларуси получали профессионально-техническое образование 80,8 тыс. чел., а среднее специальное – 110,4 тыс. чел., даже вместе взятые, они не достигали числа студентов вузов – 254,4 тыс. чел.¹ Самые высокие зарплаты по стране имели специалисты нескольких профессий, требующих высшего образования (финансовые работники, занятые в сфере информационных технологий, и т. п.).

Отметим, что большинство белорусских студентов считают первую степень высшего образования достаточной. В интервью, взятых у студентов 3–4-х курсов разных вузов г. Минска, студенты объясняли свое нежелание поступать в магистратуру тем, что вторая степень ничего не прибавляет ни в отношении их будущего статуса, ни зарплаты, ни получения более престижного места работы. Действительно, поскольку разницы в возможностях трудоустройства с обычным вузовским дипломом за 4 года обучения (выпускник по-прежнему называется «специалист», поскольку термин «бакалавр» в Беларуси отсутствует) и с дипломом магистра нет, и в действующем общегосударственном классификаторе отсутствует информация, которая бы жестко регулировала требования по уровню образования к специалистам разного уровня. Поэтому молодые люди не хотят продолжать учебу, так как в практическом плане еще один диплом им не дает никаких преимуществ на рынке труда и лишь отсрочивает выход на этот рынок. Поскольку магистратура не гарантирует более высокой зарплаты, желающих продолжать обучение в магистратуре практически нет,

¹ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Образование в Республике Беларусь. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2021. – С. 40. – ISBN 978-985-7241-41-5.

хотя она почти по всем специальностям годичная и, как правило, бесплатная. Численность магистрантов в 2020/2021 учебном году составляла 9 тыс. чел.

Итак, основной образовательной стратегией молодых белорусов остается высшее образование, которое прагматично оценивается по его возможностям обеспечить достойную зарплату на рынке труда. Общее число лиц с высшим образованием, по данным за 2021 год, составляет 33,6 % в возрастной группе 25–49 лет, причем женщин на 10 % больше¹.

Кейс второй: китайские магистранты в Беларуси

По состоянию на 2019/2020 уч. г. в Беларуси обучалось около 18 тыс. иностранных студентов, а в 2021/2022 уч. г. их было на 34 % больше. Доля иностранных студентов среди всех обучающихся превысила 8 %², причем доля Китая превысила одну треть. В мировом масштабе эти цифры практически не значимы, однако для Беларуси они означают, что страна успешно вышла на международный рынок образования. Так, если в 2022 г. было всего 9 тыс. белорусских магистрантов, то число китайских магистрантов превысило 3 тыс. чел. из 8 тыс. граждан Китая, обучающихся в 34 белорусских вузах³. Кейс Китая был взят нами, чтобы продемонстрировать, что при наличии сравнимой официальной государственной поддержки курса на получение молодежью высшего образования в обеих странах (в Беларуси и Китае), образовательные стратегии молодежи различаются (Гао, 2007). Эти различия определяются численностью молодежи, наличием вузов, ситуацией на рынке труда, а также ориентацией правительства на бюджетное или платное образование. В данном сравнении важны тренды, поскольку количественные различия между странами колоссальны, как и сохраняющееся в Китае весьма существенное социальное различие между городским и сельским населением и между западным (самым бедным), центральным и восточным (самым богатым) регионами. По разным оценкам, индекс Джини достигает в Китае 52–53 пунктов⁴, тогда как в Беларуси он чуть выше 25.

В Китае, несмотря на уменьшение рождаемости, численность молодежи остается значительной, и большинство выпускников средних школ

¹ Информационный портал города Гродно. Заработок, образование, здоровье... Что говорит о жителях Беларуси гендерная статистика? – 24.08.2021. – URL: <https://newgrodno.by/society/gender-statistika> (дата обращения: 24.01.2023).

² Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Образование в Республике Беларусь. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2021. – С. 40. – ISBN 978-985-7241-41-5.

⁴ Неравенство в Китае. – 2018. – URL: <https://www.rusmirror.ru/post/06112018> (дата обращения: 23.12.2022).

желают получить высшее образование, поскольку при наличии в стране безработицы именно образование дает молодым людям шанс на трудоустройство. Реализовать эти желания намного труднее, чем в Беларуси или России, несмотря на то, что прием в вузы растет очень быстро. Правительство не может финансировать из бюджета всех желающих, а стоимость обучения растет. В начале нынешнего века только 15 % выпускников поступали в вузы, а в 2019 году общий показатель поступивших в высшие учебные заведения Китая уже достиг 51,6 % (Чжан Янь, 2022. С. 97). По версии QS 2022 г. 8 лучших китайских университетов вошли в 100 лучших вузов мира¹. Однако поступить в такие университеты чрезвычайно сложно. Согласно китайской статистике, число выпускников школ в возрасте 18–22 лет в 2020 г. составило более 75 млн чел.² Даже с учетом роста числа поступлений в китайские вузы значительная часть молодежи остается за бортом: число студентов составляет около 40 млн чел. Китайская система высшего образования весьма селективна: поступать в вузы могут лишь те молодые люди, которые успешно сдали экзамены за среднюю школу и получили там высокие баллы. Остальные могут поступать в трехлетние колледжи – эквивалент российского среднего профессионального образования, однако это образование не гарантирует трудоустройства и даже средней зарплаты. Более того, поскольку китайская система университетов разбита по провинциям и регионам, только немногие университеты дают престижные дипломы, гарантирующие трудоустройство. Выпускники остальных вузов должны продолжить обучение в магистратуре, чтобы увеличить свои шансы на получение работы (по крайней мере, в городе, где зарплаты выше). Поэтому очень много молодежи выезжает за рубеж для получения степеней бакалавра или магистра. Согласно данным Министерства образования Китая, число китайских студентов, обучающихся за рубежом, является самым большим в мире на протяжении последних лет. Уже в 2017 г. оно достигло 600 тыс. чел. и постоянно растет более чем на 10 % в год (Брифинг, 2023). Естественно, большинство студентов ехало в США. Однако с 2017 г. США стали видеть в Китае своего главного стратегического противника и конкурента, вследствие чего был запрещен прием китайских студентов на престижные специальности, а цены на обучение выросли (Чжан Янь, 2022. С. 100).

¹ Рейтинг университетов мира в 2022 году: топ-100 по версии QS World University Rankings. – URL: <https://allterra.ru/articles/189576> (дата обращения: 20.11.2022).

² China Statistical Yearbook. – URL: <https://www.chinayearbooks.com/china-statistical-yearbook-2022.html#:~:text=China%20Statistical%20Yearbook%202022%20is,levels%20of%20province%20autonomous%20region> (дата обращения: 20.11.2022).

Поскольку обучение в белорусской магистратуре ограничивается одним годом и этот диплом признается Министерством образования Китая, выпускники бакалавриата, не имеющие шансов на продолжение обучения дома или в США, с удовольствием едут в Беларусь. Большинство программ для них открыты на английском языке, вступительных экзаменов нет, и даже минимальное знание английского языка не мешает китайцам поступить в вуз, а затем – хотя и не без усилий – получить магистерский диплом. Такой подход частично обусловлен желанием Министерства образования Беларуси компенсировать отсутствие в условиях санкций молодежи из стран Запада, а также принятым решением поднять рост конкурентоспособности высшего образования в Беларуси и его привлекательность для иностранцев¹. Иностранные магистранты приветствуются: как правило, принимают всех желающих, а отчисляют только за пропуски. Несмотря на разный уровень знания языка, большинство старается учиться, т. к. им нужен магистерский диплом, и это понимание помогает китайским студентам проявлять упорство в учебе. За период пандемии число китайских студентов, получающих образование в Беларуси, увеличилось. Судя по статистике, такие же процессы имели место и в российской системе высшего образования.

В июне 2021 г. нами были проведены серия глубинных интервью и онлайн-опрос китайских студентов, обучавшихся в разных вузах Минска. Анкета предлагалась на китайском и английском языках. Выяснилось, что китайские студенты, обучающиеся в Беларуси, очень высоко оценивают белорусское образование, а также проявляют определенную симпатию к жизни в Беларуси. Однако это не значит, что они хотели бы остаться здесь после учебы. По данным опроса, 60 % респондентов не хотят оставаться, и лишь 14 % ответили, что могли бы остаться в Беларуси, остальные не определились. Причина желания вернуться не только в культурных различиях, но и в том, что, поскольку белорусское образование получило полное признание в Китае, студентам выгоднее вернуться на родину и получить престижную работу там. Было выявлено, что получение магистерской квалификации – главная цель студенческой образовательной миграции, но даже такой диплом рассматривается в Китае как «необходимое условие трудоустройства, но не его гарантия». Тем не менее, по мнению респондентов, в случае успеха их доход будет намного выше, чем доход

¹ Правительство Беларуси утвердило концепцию развития образования: основные тезисы. – URL: <https://news.mail.ru/politics/49039384/?frommail=1> (дата обращения: 05.12.2022).

тех, кто закончил только бакалавриат¹. По данным опроса, выше всего китайские студенты ценят рейтинги белорусских университетов, которые повышают их шансы найти хорошее место на рынке труда в Китае. Так, 47 % респондентов уверены, что повышение рейтинга университета может помочь им найти хорошую работу и/или улучшить перспективы дальнейшего обучения. 35 % считают, что увеличение числа иностранных студентов помогло белорусским университетам подняться в международных рейтингах. 67 % полагают, что за последние годы положение белорусских университетов в мире улучшилось.

Важный фактор, выявленный исследованиями, – ожидания китайских студентов, что обучение не будет сложным (хотя 24 % жаловались на большую учебную нагрузку). При этом его стоимость значительно ниже, чем в Китае. Согласно опросам, студенты бакалавриата, обучающиеся в Беларуси, тратят на жизнь до 30 тыс. бел. рублей в год (менее 10 тыс. долл.), а оплата за обучение не достигает и половины этой суммы. Магистранты тратят больше, но их учеба короче. Поскольку в Китае ежегодно обучается более 1 млн магистрантов², конкуренция за места на рынке труда очень высокая. Этим и определяется высокая тяга китайцев к получению диплома магистра.

Кейс третий: Россия

Россия отличается от Беларуси более высоким уровнем социального неравенства, который проявляется и в сфере высшего образования. Во-первых, как и в Китае, здесь имеется социальное неравенство между регионами, в рамках которых отдельно выделяются города-миллионники, в которых расположены лучшие вузы страны, и где возможности получения высшего образования выше, чем в провинции. Важно подчеркнуть, что массовое сознание россиян оценивает образовательное неравенство как социальную несправедливость (Горшков, 2022). Во-вторых, за последнее десятилетие ощутимо проявляется социальная дифференциация между населением, относящимся к разным доходным группам населения (Общество неравных возможностей... 2022). При выделении пяти 20-процентных групп по уровню доходов, согласно исследованиям, в условиях ухудшения общей социально-экономической ситуации, только дети из семей, принадлежащих к верхним двум стратам, могут позволить при необходимости оплатить высшее образование. Дети из остальных социальных страт вряд ли могут это сделать и поэтому вынуждены перестроиться на

¹ Социологический опрос иностранных студентов // Опрос иностранных граждан, обучающихся в БГУ в 2021/2022 учебном году. – 11 августа. – 2021. – Минск: БГУ.

² National Education Development Statistical Bulletin. – 2021. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_fztjgb (дата обращения: 26.12.2022).

более низкий уровень образования – средний профессиональный. По этой причине в «бедных» регионах России и среди детей из «бедных» (или малоресурсных) страт населения снизилась ориентация на поступление в вуз. Как пишут В. Мальцева и А. Шабалин, переориентация с высшего на среднее профессиональное образование связана, прежде всего, с социально-экономическим положением семей, поэтому «изменение паттернов образовательных переходов может быть индикатором как перемен в системе образования, так и сдвигов в социально-экономической ситуации в стране в целом» (Мальцева, Шабалин, 2021. С. 16).

Данная тенденция отмечалась в литературе и раньше, поскольку она нарастала достаточно долго. Судя по результатам российских опросов, две основных причины смены образовательных стратегий – это «возможность раньше начать работать и недостаток средств для обучения в вузе» (Клячко и др., 2019). В результате указанных социально-экономических изменений в доходах населения, стимулирующих сдвиг от высшего образования к среднему профессиональному у молодого поколения, подтверждается значимость уровня доходов и территориальных различий при выборе молодыми людьми стратегии послешкольного образования. Более того, по данным микропереписи населения России 2015 г., уже тогда число лиц, имеющих диплом о среднем профессиональном образовании, составило около 45 % в возрастных группах от 25 до 64 лет, тогда как в тех же возрастных группах немногим более 30 % имели высшее образование (Бессуднов и др., 2017). Поэтому 2015 год считается переломным в образовательных установках молодежи: количество обучающихся молодых людей по программам среднего профессионального образования превысило число молодежи, обучавшейся в вузах (Мальцева, Шабалин, 2021. С. 17). Согласно статистике Росстата, если в 2015 г. было принято в вузы всего 1 049,6 тыс. чел., то в 2020 г. – 983,1 тыс. чел.¹ Экспансия высшего образования завершилась, поскольку более эффективным стал выход на рынок труда при получении среднего профессионального образования, тем более что доходы многих россиян уже не позволяют большего (Малиновский, Шибанова, 2022).

Что касается общего числа китайских студентов в России, эта численность постоянно растет: в 2010 г. их было 9,8 тыс. чел., что составляло 2,2 % от всей численности студентов России, а в 2020 г. китайских граждан обучалось 29,6 тыс. чел., или 7,3 % от общей численности студентов². Количественные данные на порядок выше, чем в Беларуси, однако они показывают ту же тенденцию роста конкурентоспособности российского

¹ Российский статистический ежегодник. – М.: Стат. сб. / Росстат, 2021. – С. 201.

² Там же. – С. 205.

образования на китайском рынке и сохраняют потенциал дальнейшего наращивания. И в этом случае прагматичная установка на рынок труда оказалась преобладающей.

Заключение

Подведем итоги рассмотрения трех кейсов.

Во всех трех странах современная молодежь ориентируется главным образом на рынок труда в выборе своей образовательной траектории. Падение доходов семей в условиях социально-экономической стагнации приводит к росту дифференциации доступа к высшему образованию для молодежи из малоимущих и среднеимущих семей, и чем сильнее разница в доходах, тем сильнее дифференциация в доступе к высшему образованию. Поскольку в Российской Федерации этот процесс нарастания дифференциации доходов имеет длительный характер, в последние 10 лет произошел сдвиг образовательных установок в сторону выбора среднего профессионального образования, которое гарантирует трудоустройство. Терминальная ценность высшего образования уступила место инструментальной ценности среднего профессионального обучения.

В Китае процесс замедления социально-экономического роста оказывает влияние на рост конкуренции молодежи за места на рынке труда в городах. Этот процесс происходит при наличии огромного количества выпускников школ, чьи семьи (представители средних и высших классов) могут платить за высшее образование детей и дома, и за рубежом. Данный факт повышает потенциальную международную конкурентоспособность России и Беларуси, поскольку дает шанс на постоянный приток китайских студентов. Китайские студенты существенно пополняют численность обучающихся в белорусской магистратуре, так как только магистерский диплом повышает их шансы на рынке труда.

В Беларуси равномерное падение доходов населения при устойчивости стереотипа о символической ценности высшего образования обуславливает отсутствие в нынешних условиях тренда, имеющего место в России. Однако в случае дальнейшей дифференциации доходов или уменьшения государственной поддержки высшего образования этот тренд тоже может появиться. Пока еще белорусская молодежь едет учиться в большие города, где легче найти работу после окончания вуза, а жизнь представляется более интересной.

Таким образом, при сохранении символической терминальной ценности для молодежи высшего образования, на практике эта ценность сводится к прагматичным возможностям, открывающимся при выходе на рынок труда. Остальные аспекты ценности высшего образования уходят на второй план, подменяются инструментальным подходом к нему.

При дальнейшем росте дифференциации доходов между «верхними» и «нижними» социальными слоями и при росте стоимости высшего образования без возможности обеспечить более или менее равный доступ молодежи на рынок труда, ситуация может вызвать социальное недовольство населения и снизить социальную интеграцию в любом обществе.

Литература

Бессуднов А. Р. Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании / А. Р. Бессуднов, Д. Ю. Куракин, В. М. Малик // Вопросы образования. – 2017. – № 3. – С. 83–109. – DOI 10.17323/1814-9545-2017-3-83-109. – EDN ZHRDRF.

Брифинг о тенденциях обучения за рубежом на 2019–2020 годы // URL: <https://www.163.com/dy/article/FLUQDK9P0514A1HE.html> (дата обращения: 27.01.2023).

Вишневский А. Г. Демографический переход и проблема демографического саморегулирования. Ответ А. Б. Синельникову / А. Г. Вишневский // Социологический журнал. – 2019. – Т. 25. – № 4. – С. 93–104. – DOI 10.19181/socjour.2019.25.4.6820. – EDN ZTXAYA.

Гао Шугуо. Эпоха пост-всеобщего образования – национальная стратегия общества знаний / Ш. Гао. – Пекин: Издательство высшего образования, 2007. – С. 54–74.

Горшков М. К. Социальная справедливость в массовом восприятии и ценностных ориентациях россиян / М. К. Горшков // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11. – № 6. – С. 32–47. – DOI 10.18522/2227-8656.2022.6.1. – EDN BZZAGS.

Зеркало. Неравенство в Китае. Что известно о неравенстве в крупнейшей экономике мира // доклады Альберта Пака и Михаила Коростикова на конференции Russian Economic Challenge. – 2018. – URL: <https://www.rusmirror.ru/post/06112018> (дата обращения: 23.12.2022).

Информационный портал города Гродно. Заработок, образование, здоровье... Что говорит о жителях Беларуси гендерная статистика? – 24.08.2021. – URL:

References

Bessudnov A. R. (2017) How the myth of universal higher education arose and what hides / A. R. Bessudnov, D. Y. Kurakin, V. M. Malik // Questions of education. – No. 3. – Pp. 83-109. – DOI 10.17323/1814-9545-2017-3-83-109.

Briefing on the trends of studying abroad for 2019-2020 (2021) // URL: <https://www.163.com/dy/article/FLUQDK9P0514A1HE.html> (date of application: 27.01.2023).

Vishnevsky A. G. (2019) Demographic transition and the problem of demographic self-regulation. Answer to A. B. Sinelnikov / A. G. Vishnevsky // Sociological Journal. – Vol. 25. – No. 4. – Pp. 93-104. – DOI 10.19181/socjour.2019.25.4.6820.

Gao Shuguo. (2007) The era of post-universal education – the national strategy of the knowledge society / Sh. Gao. – Beijing: Higher Education Publishing House. – Pp. 54-74.

Gorshkov M. K. (2022) Social justice in the mass perception and value orientations of Russians / M. K. Gorshkov // Humanities of the South of Russia. – Vol. 11. – No. 6. – Pp. 32-47. – DOI 10.18522/2227-8656.2022.6.1.

Mirror (2018) Inequality in China. What is known about inequality in the world's largest economy // reports by Albert Pak and Mikhail Korostikov at the Russian Economic Challenge conference. – URL: <https://www.rusmirror.ru/post/06112018> (date of application: 23.12.2023).

Information portal of the city of Grodno (2021) Earnings, education, health... What does gender statistics say about the residents of Belarus? – August 24. – URL: <https://new-grodno.by/society/gender-statistika> (date of application: 24.01.2023).

<https://newgrodno.by/society/gender-statistika> (дата обращения: 24.01.2023).

Константиновский Д. Л. Среднее vs высшее / Д. Л. Константиновский, Е. С. Попова // Мир России. Социология. Этнология. – 2020. – Т. 29. – № 2. – С. 6–26. – DOI 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26. – EDN MТХВUУ.

Лашук И. В. Ценностная трансформация современного белорусского общества (по результатам социологических исследований) / И. В. Лашук // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2021. – № 1. – С. 90–99. – DOI 10.33581/2521-6821-2021-1-90-99. – EDN МОКIHХ.

Малиновский С. С. Причины и факторы завершения экспансии высшего образования в России / С. С. Малиновский, Е. Ю. Шибанова // Социологический журнал. – 2022. – Т. 28. – № 3. – С. 8–37. – DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9149. – EDN AQUFFI.

Мальцева В. А. Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России / В. А. Мальцева, А. И. Шабалин // Вопросы образования. – 2021. – № 2. – С. 10–42. – DOI 10.17323/1814-9545-2021-2-10-42. – EDN VFPIСХ.

Наривончик Д. Беларусь продолжает терять население: минус 94 тысяч за 2021 год // Экономическая газета. – Вып. 24 (2521). – 1 апреля 2022. – URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/chislennost-naselenija-belarusi-sokrashhaetsja-minus-94-tysyach-za-2021-god> (дата обращения: 10.06.2022).

Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Белстат) // Беларусь в цифрах. Статист. сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 29 апреля 2021. – 71 с.

Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Образование в Республике Беларусь. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2021. – С. 40. – ISBN 978-985-7241-41-5.

Konstantinovsky D. L. (2020) Secondary vs higher / D. L. Konstantinovsky, E. S. Popova // The world of Russia. Sociology. Ethnology. – Vol. 29. – No. 2. – Pp. 6-26. – DOI 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26.

Lashuk I. V. (2021) Value transformation of modern Belarusian society (based on the results of sociological research) / I. V. Lashuk // Journal of the Belarusian State University. Sociology. – No. 1. – Pp. 90-99. – DOI 10.33581/2521-6821-2021-1-90-99.

Malinovsky S. S. (2022) Reasons and factors for the completion of the expansion of higher education in Russia / S. S. Malinovsky, E. Y. Shibanova // Sociological Journal. – Vol. 28. – No. 3. – Pp. 8–37. – DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9149.

Maltseva V. A. (2021) Non-bypass maneuver, or the boom in demand for secondary vocational education in Russia / V. A. Maltseva, A. I. Shabalin // Questions of education. – No. 2. – Pp. 10-42. – DOI 10.17323/1814-9545-2021-2-10-42.

Narivonchik D. (2022) Belarus continues to lose population: minus 94 thousand in 2021 // Economic newspaper. – Issue 24 (2521) – April 1. – URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/chislennost-naselenija-belarusi-sokrashhaetsja-minus-94-tysyach-za-2021-god> (date of application: 10.06.2022).

National Statistical Committee of the Republic of Belarus (Belstat) (2021) // Belarus in numbers. Statistician. collection. – Minsk: National Statistical Committee of the Republic of Belarus – April 29. – 71 p.

National Statistical Committee of the Republic of Belarus. (2021) Education in the Republic of Belarus. – Minsk: National Statistical Committee of the Republic of Belarus. – P. 40. – ISBN 978-985-7241-41-5.

Society of unequal opportunities: the Social Structure of Modern Russia (2022) / N. E. Tikhonova, S. V. Mareeva, V. A. Anikin [et al.]. – Moscow: The Whole World Publishing House LLC. – 422 p. – ISBN 978-5-7777-0873-1. – DOI 10.55604/9785777708731.

Office Life. The Government of Belarus has approved the concept of education development: main theses (2021) – December 2. –

Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева, В. А. Аникин [и др.]. – Москва: ООО «Издательство “Весь Мир”», 2022. – 422 с. – ISBN 978-5-7777-0873-1. – DOI 10.55604/9785777708731. – EDN XJGBFE.

Office Life. Правительство Беларуси утвердило концепцию развития образования: основные тезисы – 2 декабря 2021. – URL: <https://news.mail.ru/politics/49039384/?frommail=1> (дата обращения: 05.12.2022).

QS World University Rankings. Рейтинг университетов мира в 2022 году: топ-100. – URL: <https://allterra.ru/articles/189576> (дата обращения: 20.12.2022).

Пресс-центр Министерства образования // Беларусь – Китай: образование – фундамент для сотрудничества во всех сферах. – 26 июля 2022. – URL: <https://edu.gov.by/by-be/news/belaruskitay-obrazovanie--fundament-dlya-sotrudnichestva-vo-vsekh-sferakh> (дата обращения: 01.02.2023).

Российский статистический ежегодник. – Москва: Стат. сб. / Росстат, 2021. – С. 186–486.

Социологический опрос иностранных студентов // Опрос иностранных граждан, обучающихся в БГУ в 2021/2022 учебном году. – 11 августа 2021. – Минск: БГУ.

Титаренко Л. Г. Ценностные ориентации населения и профессиональные стратегии на современном белорусском рынке труда / Л. Г. Титаренко // Петербургская социология сегодня. – 2015. – № 6. – С. 189–215. – EDN VHOGGF.

Трудоустройство молодежи: выбор в пользу СПО / Т. Л. Клячко, Е. М. Аврамова, Д. М. Логинов [и др.]. – Москва: ЦЭНО ИПЭИ РАНХиГС, 2019. – 17 с. – EDN BEPMSCQ.

Хавенсон Т. Е. Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи / Т. Е. Хавенсон, Т. А. Чиркина // Журнал исследований социальной политики. – 2019. – Т. 17. – № 4. – С. 539–554. – DOI 10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554. – EDN ZVTCLN.

URL: <https://news.mail.ru/politics/49039384/?frommail=1> (date of application: 05.12.2022).

QS World University Rankings. Ranking of world universities in 2022: top 100 (2022) – URL: <https://allterra.ru/articles/189576> (date of application: 20.12.2022).

Press Center of the Ministry of Education / Belarus – China: education is the foundation for cooperation in all spheres (2022). – July 26. – URL: <https://edu.gov.by/by-be/news/belaruskitay-obrazovanie--fundament-dlya-sotrudnichestva-vo-vsekh-sferakh> (date of application: 01.02.2023).

Russian Statistical Yearbook (2021) – Moscow: Stat. sat. / Rosstat. – Pp. 186-486.

Sociological survey of foreign students (2021) // Survey of foreign citizens studying at BSU in the 2021/2022 academic year. – August 11. – Minsk: BSU.

Titarenko L. G. (2015) Value orientations of the population and professional strategies in the modern Belarusian labor market / L. G. Titarenko // Petersburg Sociology today. – No. 6. – Pp. 189-215.

Youth employment: a choice in favor of SPO (2019) / T. L. Klyachko, E. M. Avraamova, D. M. Loginov [et al.]. – Moscow: TSENO IPEI RANEPА. – 17 p.

Havenson T. E. (2019) Educational choice of students after 9th and 11th grades: comparison of primary and secondary effects of the socio-economic situation of the family / T. E. Havenson, T. A. Chirkina // Journal of Social Policy Research. – Vol. 17. – No. 4. – Pp. 539-554. – DOI 10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554.

Zhang Ya. (2022) The influence of the political process on the modernization of China's higher education system / Ya. Zhang // Socio-humanitarian knowledge. – No. 7. – Pp. 97-102.

Central government level. China Statistical Yearbook (2022). – 16 november. – URL: <https://www.chinayearbooks.com/china-statistical-yearbook-2022.html#:~:text=China%20Statistical%20Yearbook%202022%20is,levels%20of%20province%20autonomous%20region> (date of application: 17.01.2023).

Чжан Я. Влияние политического процесса на модернизацию системы высшего образования Китая / Я. Чжан // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 7. – С. 97–102. – EDN LNMCNQ.

Central government level. China Statistical Yearbook. – 16 november 2022. – URL: <https://www.chinayearbooks.com/china-statistical-yearbook-2022.html#:~:text=China%20Statistical%20Yearbook%202022%20is,levels%20of%20province%20autonomous%20region> (дата обращения: 17.01.2023).

National Education Development Statistical Bulletin – 2021. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_fztjgb (дата обращения: 26.12.2022).

Для цитирования: Титаренко Л. Г. Изменяющаяся ценность высшего образования: сравнительный анализ Беларуси, России, Китая // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 124–141.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.10
EDN ICXZBS

Сведения об авторе

Титаренко Лариса Григорьевна

Доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, Белорусский государственный университет

220030, Республика Беларусь,
г. Минск, пр. Независимости, д. 4,
e-mail: larisa166@mail.ru

National Education Development Statistical Bulletin (2021). – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_fztjgb (date of application: 26.12.2022).

История статьи:

Поступила в редакцию – 28.01.2023

Получена в доработанном виде –
03.02.2023

Одобрена – 07.02.2023

Information about author

Larissa G. Titarenko

Doctor of Science in Sociology, Professor, Department of Sociology, Belarusian State University

220030, Republic of Belarus,
Minsk, Independence Ave., 4,
e-mail: larisa166@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 316.4

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.11
EDN KBVBXI

Тип статьи в журнале – научная

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ
СОЦИАЛЬНО-
ИНВЕСТИЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ РЕГИОНА:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ,
ПРАКТИКА¹

GENDER ASPECT OF SOCIAL
AND INVESTMENT
DEVELOPMENT OF THE
REGION: THEORY,
METHODOLOGY, PRACTICE²

© 2023 г.

К. В. Воденко*
В. Н. Гурба**

© 2023

K. V. Vodenko*
V. N. Gurba**

* Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
им. М. И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия

** Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия

* Platov South-Russian State
Polytechnic University (NPI),
Novocherkassk, Russia

** Institute of Sociology and Regional
Studies of the Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Целью исследования является гендерный аспект социально-инвестиционного развития в регионе как модальной социально-территориальной культурной структуры российского общества.

Objective of the study is the gender aspect of social and investment development in the region as a modal socio-territorial cultural structure of Russian society.

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-239.2022.2) «Академическое лидерство в пространстве развития транспрофессиональной идентичности и формирования рынка новой экономики в условиях дигитализации и регионализации высшего образования».

² The article was carried out as part of the implementation of the grant of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation (NSH-239.2022.2) “Academic leadership in the development of transprofessional identity and the formation of a new economy market in the context of digitalization and regionalization of higher education”.

Методологическая база исследования базируется на интеграции принципов междисциплинарных социально-гуманитарных исследований и интенций системного анализа, который позволяет интегрировать возможности аналитики в различных сторонах социально-инвестиционной деятельности.

Результаты исследования. Делается вывод о том, что социально-инвестиционное развитие региона является наиболее оптимальным конструктом в обеспечении стратегии стабильности и перспектив регионального социума. Отмечается, во-первых, необходимость устранения диспропорций в гендерных отношениях как базовое условие социально-инвестиционного развития в регионе. Во-вторых, отмечается, что сомнения по поводу способов и целей социально-инвестиционного развития снижаются, если гендерный аспект социально-инвестиционного развития определяется в реальных показателях равноправия мужчин и женщин в допуске к социально-инвестиционным ресурсам.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем осмыслении способов и механизмов развития социально-инвестиционной модели регионального управления в современных российских условиях.

Ключевые слова: гендерный аспект; социально-инвестиционное развитие; регион; готовность к социально-инвестиционному развитию; субъекты регионального социума.

The methodological basis of the research is based on the integration of the principles of interdisciplinary social and humanitarian research and the intentions of system analysis, which allows integrating the capabilities of analytics in various aspects of social and investment activities.

Research results. It is concluded that the socio-investment development of the region is the most optimal construct in ensuring the strategy of stability and prospects of the regional society. Firstly, it is noted that there is a need to eliminate imbalances in gender relations as a basic condition for social and investment development in the region. Secondly, it is noted that doubts about the methods and goals of social and investment development are reduced if the gender aspect of social and investment development is determined in real indicators of equality of men and women in access to social and investment resources.

Prospects of the study are to further comprehend the ways and mechanisms of the development of the socio-investment model of regional management in modern Russian conditions.

Keywords: gender aspect; social and investment development; region; readiness for social and investment development; subjects of regional society.

Постановка проблемы

Российские регионы в своем развитии формируют запрос на социальные инвестиции, которые ориентированы на рост человеческого капитала, выступающего в нынешних условиях главным фактором межрегиональных отношений, стратегий взаимодействия между регионами и федеральным центром, а также решения внутрирегиональных проблем. Это выражается в том, что становится очевидной лимитность сырьевой модели развития, на которой построена действующая иерархия региональных отношений. Тенденцию роста фиксируют регионы, созданные с формируемыми сегментами постиндустриальной и позднеиндустриальной экономики. Успехи политики «кластеризации» в Калужской и

Ленинградской областях, где созданы современные структуры логистики и производства, убеждают в том, что для развития российских регионов требуется, как минимум, выполнение двух условий. Первое состоит в том, что на региональном и межрегиональном уровнях заявка на реиндустриализацию является явно недостаточной. Второе, как следствие первого, связано с социально-инвестиционным фактором, с вложением средств в развитие субъектов регионального пространства, социально активных и самодетельных групп населения, способных в условиях дефицита финансовых ресурсов определять стратегию устойчивого развития, влиять на жизнь регионального социума на уровне соучастия в решении проблем регионального развития, быть инициаторами социальных инвестиций и работать на будущее региона.

В рамках исследуемой темы важно понять, что российские регионы испытывают влияние долгосрочного демографического кризиса, что возникающие социально-возрастные диспропорции становятся фактором стагнации, что нельзя надеяться на возрождение притока новых молодых кадров в ближайшем будущем. Это очевидно из того, что, во-первых, Россия вступила в фазу старения населения, а попытки возмещения убыли трудовых ресурсов путем привлечения мигрантов из ближнего, а в будущем и дальнего зарубежья, являются «анестезическими» и содержат реальные проблемы мигрантов, специфически воспринимающих общество, рационализацию политики в использовании потенциала мигрантов, профилактику предотвращения межэтнических конфликтов. Таким образом, выбор внешнего привлечения человеческого капитала является не приносящим социальные дивиденды, а региональные финансовые ресурсы обращены на использование, обеспечение деятельности властных институтов и региональных структур, работающих с мигрантскими потоками.

В этом контексте социально-инвестиционное развитие региона определяется с учетом гендерной динамики, опыта участия женщин в общественно-экономической жизни советского общества и возросшей роли женщин в социальной и экономической жизни, готовностью к мобилизации актуального человеческого капитала концентрироваться на вопросах межгендерных отношений и, не повторяя ошибки тотального привлечения женщины к трудовой деятельности, ориентироваться на социальный статус современной российской женщины, которая добилась немалых успехов в профессиональных нишах, традиционно относящихся к мужским. В России, несмотря на тренд «неотрадиционализации», реальной становится трансформация как сферы семейных и социально-бытовых отношений, так и роли и участия женщин в общественно-политическом

пространстве, особенно в социально-экономической жизни (Силласте, 2012; 2019).

Эта тенденция затронула российские мегаполисы, в которых женщины занимают до половины мест в руководстве крупных корпораций, определяют политику деловых структур, признаны профессионалами в сфере коммуникаций, организации инновационных процессов, формировании кадровой политики, являются первопроходцами в освоении новых сфер бизнеса (ретайпмент, туризм, сфера сервиса и медицинских услуг). В то же время за пределами Садового кольца проявляется тенденция доместикации женского труда, продолжается политика использования женщин в сфере непрестижных, малооплачиваемых работ, перенаправленность на занятие бюджетной сферы. Это не соответствует как запросам современной женщины, так и интересам регионального развития с установкой на устранение гендерных диспропорций, выступающих объективным фактором «напряженности» и сужения коридора возможностей в контексте регионального развития.

Таким образом, межгендерные отношения в региональном социуме определяют потенциал социально-инновационного развития в том смысле, что гендерная асимметрия, как убеждает мировой опыт, может (хотя и не в качестве решающего фактора) влиять на скорость социально-экономического развития и, что не менее важно, делать вероятной или маловероятной социально-инвестиционную траекторию. Данный вывод содержится в исследованиях российских ученых, задавшихся целью выявить социально-инвестиционный потенциал в контексте социально-демографического портрета. Следует подчеркнуть, что актуальность проблемы требует системного анализа факторов и условий, способствующих или препятствующих включению межгендерных отношений в социально-инвестиционное развитие.

Теоретические основания

Понятие «социально-инвестиционное развитие» прочно вошло в российскую исследовательскую мысль только на рубеже 2000-х годов, когда стало очевидно, что с одной стороны, сырьевая модель экономики, несмотря на высокую прибыль, «запаздывает» с включением механизмов социально-экономического обновления, с другой – тренды регионального развития сигнализируют о необходимости поиска альтернатив, связанных с оптимизацией человеческого капитала (Бурдые, 2002), с повышением эффективности кадровой, профессиональной, образовательной политики, с тем, что можно охарактеризовать как определение не только понятия социально-инвестиционного развития в регионе, но и специфику актуализации ресурсов социально-инвестиционного развития, стартовую

площадку, необходимую для того, чтобы были задействованы объективные и субъективные факторы, определяющие результаты социально-инвестиционных действий (Кривоусов, Месхи, 2020).

Тем более, стоит учитывать, что гендерный аспект социально-инвестиционного развития не выражается только в активности женских организаций, заявивших о себе в региональном пространстве. Важно исходить из того, что интересы женщин в различных сферах региональной жизни определяются тем, в каком состоянии социального развития находится конкретный регион. Очевидно, что динамика регионального пространства России характеризуется разнонаправленными тенденциями, что, если в российских мегаполисах в начале 2000-х годов в пике реиндустриализации определили поворот к новой экономике и гендер стал предметом размышления о постиндустриальных ценностях, то регионы с сильным традиционализмом в сфере семейно-бытовых отношений и модальностью патриархальной семьи реально не готовы к принятию социально-инвестиционного развития как содержащего высокую степень рискогенности для сложившихся социально-экономических и социально-бытовых условий. Таким образом, можно говорить о том, что для исследования актуализируемой проблемы правильной является реализация принципов социологического воображения (Дугин, 2010), связанных с историзмом, признанием взаимосвязи всех явлений социальной жизни, структурных и культурных условий и предпосылок. Это позволяет обосновать динамику происходящих процессов, изменение и в самой модели социально-инвестиционного развития региона, и в роли и влиянии гендерного аспекта на данные процессы.

Исходя из этих общих положений, важно признать, что, следуя логике дифференциации регионов по типу и способам социально-инвестиционного развития, а также диапазону влияния гендерного аспекта как совокупности объективных и субъективных факторов, определяющих характер межгендерных отношений в инвестиционном развитии, мы можем говорить о понимании социально-инвестиционного развития как траектории движения региона к реализации человеческого капитала, к тому чтобы социальные инвестиции не просто окупались вкладом в собственное социальное и профессиональное развитие, но и были стимулом в определенных случаях катализатором в развитии регионов (Региональная социология... 2015).

Если попытаться определить методологию исследования монолочно, это вряд ли приведет к выработке плодотворных методологических ориентиров, так как гендерный аспект социально-регионального развития требует соединения разных по теоретическим основаниям, но

согласующихся по предмету исследования подходов. Очевидно, что анализ и оценка гендерного аспекта по политико-идеологическим или культурологическим критериям не являются полезными для исследования межгендерных отношений в социально-инвестиционном развитии, так как замыкают исследователя в рамках требований общественно-политического дискурса и не позволяют выявить проблему гендерного аспекта социально-инвестиционного развития региона по критерию социальной мобилизации, готовности представлять интересы не только женщины в организации, но и массовых слоев, определить свое место в формировании и реализации социальных инноваций, содержащих структурные, институциональные, субъектно-деятельностные изменения.

Данное замечание определяется тем, что женщина в современном российском обществе в основном делает выбор в пользу семейной, профессиональной карьеры или в силу сложившихся обстоятельств занята поиском приемлемого для нее вида профессиональной деятельности. Следует учитывать, что уже в предшествующий период стала наблюдаться напряженность с трудовыми ресурсами, что практически аннулирует деятельность по привлечению женщин к общественному производству, девальвации общественной полезности труда и привыкание женщин к рутинной работе. Российские исследователи М. А. Кашина (2019), С. В. Рязанцев (2019), Т. К. Ростовская (2019), С. Н. Перемышлин (2019) рассматривают гендерные отношения в контексте государственной социальной политики или практических эффектов трудовой активности и трудовой миграции, что содержит стимулирующий материал для размышления о том, в какой степени гендерные отношения включены в социально-инвестиционное развитие региона.

Следует подчеркнуть, что требования к методологии исследования определяются тем, в какой степени мы можем выявить функциональность или дисфункциональность гендерного аспекта в социально-инвестиционном развитии, но ограничиваться только функционалом, несмотря на «обкатанность» данного подхода, означало бы находиться в рамках статичности социальной реальности в региональном пространстве. Так как социально-инвестиционное развитие определяется институциональными и субъектно-деятельностными факторами, оно является полем возможностей институциональных акторов действовать, опираясь на рациональность и информированность участников социальной деятельности. Необходимо следовать применению системного анализа, который позволяет интегрировать возможности аналитики в различных сторонах социально-инвестиционной деятельности.

Повторяя, что социально-инвестиционная деятельность является массовой, хотя инициатива запуска изменений может принадлежать активному меньшинству, мы полагаем, что гендерный аспект социально-инвестиционного развития регионов связан с регулярностью, массовостью, с тем, что мы можем назвать институционализацией гендерных отношений, включающих формальные и неформальные нормы и регуляторы. Крайне важно, что современная гендерная теория регионализируется, то есть включает исследования гендера как социального конструкта регионального пространства, а это в свою очередь определяет тренд к пониманию действующих гендерных отношений в зависимости от специфики регионального социума.

В силу того, что социально-инвестиционное развитие региона нуждается в определении общего контура действий участников региональных процессов, общих целей и понимания, какой социальный эффект могут принести реализуемые изменения, а также сделать социально-инвестиционное развитие устойчивым, для нас важно рассматривать методологические основания исследования с анализом критериев реализации социально-инвестиционных проектов. Используя еще один инструмент количественного анализа – степень артикулированности гендерных отношений в социально-инвестиционном развитии, мы можем надеяться описать гендерный аспект в культурно-поведенческом и культурно-символическом кодах (Тополева, 2019).

Констатируя актуализацию гендера в социально-инвестиционном развитии, в том, что в конкретном контексте гендерные отношения выходят за рамки осмысления гендерных диспропорций – пропорций, мы признаем, что включенность гендерного аспекта в социально-инвестиционное развитие региона определяется не положениями в политике «равенства полов», а поворотом к пониманию синхронизации изменений в гендерных отношениях и различных сферах социальной жизни региона.

В какой степени гендерный аспект стимулирует или ставит пределы социально-инвестиционным изменениям, то есть какие сферы социальной жизни региона наиболее «чутки» к влиянию гендерного аспекта, как гендерный аспект может повысить или закрепить спад к социально-инвестиционному развитию в региональном пространстве? Современная социально-инвестиционная политика включает два уровня: общенациональные проекты и локальные проекты, которые в зависимости от конкретной социально-экономической ситуации мобилизованности управленческих кадров и состава социально-активного населения дифференцируются по количественным показателям. Очевидно, что регионы с низким демографическим потенциалом, с ликвидацией «женских» производств и

отсутствием продуманной политики репрофессионализации женщин, а также инициативами в духе «консервативной волны» не определяют гендер в качестве вектора социально-инвестиционного развития. Другими словами, есть определенный разрыв между общенациональным уровнем, направленным на изменения, способствующие устойчивому развитию, и локальными проектами, часто имеющими конъюнктурный характер, что само по себе не означает ничего плохого, исходя из степени востребованности изменений в конкретных сферах профессиональной жизни (Матюнина, 2015).

Методология исследования

Для анализа концептуальных подходов в рамках анализируемой проблематики важно подчеркнуть, что в целом просматривается переход от феминистских, культурологических описаний к социологическому дискурсу, к совокупности представлений, понятий и процедур, определяемых логикой исследования социального в гендерных отношениях. Новационным в этом смысле можно считать включение схемы субъектно-деятельностной ориентированности, которая, являясь по методологическим основаниям интегративной, особое внимание акцентирует на деятельности, социальных поступках определенных общественных групп в региональном пространстве. Действительно, в настоящий момент обращение к гендерному аспекту социально-инвестиционного развития региона востребовано в контексте запуска механизмов социальной мобилизации, которая характеризуется как созданием адекватных институциональных условий, так и готовностью к мобилизации для регионального развития субъектов регионального социума.

Сложности исследовательского плана возникают в рамках эмпирического анализа, необходимости сформировать социологический конструкт гендера, свободный от идеологических и культурно-исторических наслоений. Имеется в виду, что есть определенные «нюансы» между традиционной интерпретацией роли женщины на производстве в предшествующий период и актуальными гендерными отношениями, в которых базовыми параметрами выступает соотношение мужчин и женщин по социально-статусным и социально-ролевым позициям в региональном социуме, набор ценностей, характеризующих гендерные коммуникации, социально-диспозиционные установки, определяющие понимание и оценку гендерных отношений.

Таким образом, регионализация проблематики требует корректировки, связанной с тем, что субъекты регионального социума характеризуются не только конкретными социальными позициями, обладают определенным ресурсным потенциалом, но и основываются в деятельности на

конкретных запросах и потребностях, связанных со спецификой регионального развития. Если мы будем исходить только из того, что для формирования гендерных отношений, оптимальных для социально-инвестиционного развития региона, значимой является привлекательность проектов, направленных на «всеобщее благо» регионального социума, вероятным является упущение того факта, что существуют потребности, связанные с гендерными различиями. Несколько упрощая ситуацию, можно говорить о том, что исследование гендерного аспекта приносит не самые лучшие результаты, если становится неопределенным отношение женщин к социальным инвестициям, концентрированным на традиционно мужских для российского общества социально-профессиональных нишах.

Хотя следует отметить, что социально-инвестиционное развитие региона является переходом от фактора «рабочей силы» к модели формирования социально-активных групп, нельзя безоговорочно утверждать, что в рамках реализуемых социально-инвестиционных инициатив финансово-экономический аспект становится второстепенным. Внедренные в России способы социально-инвестиционного развития прогрессивны по сравнению с химерическими планами реиндустриализации, но не являются социально-инвестиционными проектами, которые не нуждаются ни в уточнении, ни в дополнении. Таким образом, есть необходимость определять методологический выбор, исходя из доминантности субъектно-деятельностных параметров, и с целью повышения социологической достоверности результатов реализовать возможности неинституционального анализа, важного по той причине, что в региональном социуме высок уровень договорных, неформальных отношений, которые являются одним из условий доступа к ресурсам власти и богатства. Неформальные и формальные нормы, являясь регуляторами гендерных отношений, лимитируют структурные и культурные границы активности субъектов регионального социума.

Для выявления роли женщин в социально-инвестиционном развитии региона требуется исходить из того, что анализ не будет носить комплексный характер, если не проследить, не обозначить основные параметры вектора отношений между мужчиной и женщиной в региональном социуме, диспропорций и пропорций в социально-профессиональной сфере, доступа к образовательным, профессиональным, карьерным, медицинским ресурсам. Очевидно, что гендерный аспект в региональном социуме российского общества в определенной степени отличается от утвердившихся зарубежных стандартов тем, что для гендерных отношений и на современном этапе свойственно определенное представление о

женщине как «хранительнице семейных ценностей, матери», что актуально для решения вопросов восстановления социально-демографического потенциала регионального социума. Программы, направленные на сокращение масштабов депопуляции и в перспективе роста социально-активного населения, не срабатывают, как мы можем увидеть, по причине дефицита установок женщин на среднюю деторождаемость, на пребывание вне активной социально-профессиональной деятельности в рамках ухода за детьми. Важно понимать, что в современном российском обществе женщины, настроенные на карьеру и самостоятельность, являются актуально действующим фактором. Таким образом, если в гендерном аспекте социально-инвестиционной деятельности сосредоточиться на формировании коридора возможностей для социальной самореализации женщин, способствуя нейтрализации традиционных гендерных стереотипов, ожидаемый результат зафиксирует возникновение новых гендерных перекосов, связанных с лимитностью мужского участия в социально-инвестиционной деятельности.

Следовательно, речь идет о методологических основаниях социологического анализа, направленного на выявление гендерного аспекта социально-инвестиционного развития региона, когда под регионом понимается конкретное социально-территориальное пространство со структурными, функциональными, культурно-историческими параметрами.

Результаты исследования

Промежуточные итоги социально-инвестиционного развития российских регионов 2012–2020 гг. показывают, что, хотя и достигнута ситуация поворота к новой модели социального развития региона, которая прошла «испытание» на уровне попыток реализации проектов «социокультурной модернизации», «реиндустриализации», существуют реальные сложности принятия данной модели в качестве референтной для регионального развития. По совокупности причин на первое место выходят социально-экономические показатели, когда «сырьевые» регионы воспроизводят ресурсопотребляющую экономику, в которой роль женщины в контексте преобладания традиционных мужских профессий не является приоритетной. Кроме того, необходимо говорить о трудностях с запуском модели социально-инвестиционного развития в российских этнорегионах. Ярким примером является Ингушетия, где инновационные проекты по созданию «кластера» вокруг новой столицы Магаса фактически прекратились в связи с неподготовленностью социально-профессиональных ресурсов, с тем, что мужское население региона не готово работать в сфере новых технологий, направленных на выпуск конкурентной продукции, также реальностью является традиционный уклад жизни, в котором

роль женщины нормирована исламским правом и адатом. И, наконец, третий осложняющий момент заключается в том, что в социально-инвестиционном развитии региона ориентируются на инициативу сверху, на стратегию обеспечения финансовыми, организационными и информационными ресурсами со стороны федерального центра. Но поскольку усилия федерального центра в настоящий момент сосредоточены на межбюджетных отношениях, на сокращении объемов финансовых трансферов и реализации общенациональных программ развития, регионам отводится больше самостоятельности в социально-инвестиционном развитии (Столицы и регионы... 2015).

Однако сложившаяся система в отношении между федеральным центром и регионами, а также состояние региональных элит показывают низкий уровень готовности к реализации социально-инвестиционного развития конкретных регионов. Вероятно, региональные элиты, настроенные на воспроизводство в сфере власти и богатства, не заинтересованы в социально-инвестиционном развитии, которое может представлять реальную альтернативу сложившейся ситуации и привести если не к потрясениям, то к расколу внутриэлитного пространства, делению на «новаторов и консерваторов». Правда, данное деление условно, так как доминируют прагматический и адаптивный факторы, многое зависит от позиции федерального центра, что, конечно, имеет издержки социально-инвестиционной деятельности.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что гендерный аспект является противоречивым в понимании целей и способов социально-инвестиционной деятельности со стороны региональных элит. В этом моменте проявляется воспроизводимая в российском обществе система гендерных диспропорций, которая выражается в том, что женщины представлены по «квоте» в общественно-политической жизни региона, но это существенно не меняет региональный политический рисунок. Большинство социально активных женщин относится к бюджетной сфере (учителя, врачи, работники культуры, чиновники низшего и среднего уровней), их позиции слабы, так как определяются конъюнктурой в управлении региона. Приход новой «команды» в регион может означать смену лиц в руководстве, но не определяется логикой системного социально-политического обновления, в которой развитие гендерных отношений является мощным фактором обновления кадрового, инвестиционного аспектов региональной жизни.

Здесь встает вопрос о том, в какой степени социально-инвестиционное развитие может определять перестройку жизни региона и его различных сфер. На первый взгляд, женщины являются лидерами в

образовательной и культурной сферах регионального социума, а также представляют массовую базу преобразований в сфере здравоохранения. Однако не будем спешить с выводами, учитывая уровень забюрократизированности, заорганизованности данных сфер и доминирующее положение мужчин в социальном управлении. Перспективы социально-инвестиционного развития не могут быть predetermined, фиксировать устойчивый тренд системного обновления.

Скорее, этот процесс «зигзагообразен», испытывает взлеты и падения, что связано с объективными (финансовыми) ресурсами и субъективными (нацеленность на социально-инвестиционное развитие со стороны региональных элит и социально активного населения). В нынешних условиях, когда господствует утверждение, что система высшего образования нуждается в расширении финансирования и радикальном обновлении научно-технической и научно-производственной баз, можно говорить о том, что социально-инвестиционное развитие является выбором внутри-регионального социума, основывается на развитии и закреплении инициатив групп «энтузиастов», тех, кто ориентирован и способен через практику «малых дел» повышать перспективы регионального развития. Гендерные отношения в этом смысле являются значимыми в зависимости от того, насколько женщины вовлечены в данный процесс (Воденко, 2020).

Учитывая, что большинство работающих женщин в регионах относятся к среднему и пожилому возрастам, обременены семейными заботами и придерживаются традиционного образа жизни, речь может идти о 10–15 % активного меньшинства и, следовательно, коррекции гендерных отношений в пользу установления равенства возможностей. Если в системе управления человеческий капитал рассматривается в качестве главного ресурса организации, важно найти системный эффект социально-инвестиционной деятельности, позволяющий повысить инвестиционность региональных элит руководителей крупных и средних организаций через повышение социальной ресурсности женщин. Вероятно, в региональном социуме необходимо учитывать социально-демографический ресурс, более высокую продолжительность жизни женщин, ее меньшую подверженность таким социальным болезням, как наркомания и алкоголизм, когда рассчитываются перспективы социального развития регионов. Невнимание к негативным факторам, как это мы видим на уровне нефтегазовых регионов, определяет частичность результатов социально-инвестиционного развития (Public Administration and Regional Management in Russia... 2020).

Кроме того, следует обратить внимание на критерии «оседлости» и «проточности», которые являются актуальными в оценке перспектив

социально-инвестиционного развития регионов, так как гендерные отношения характеризуются большим уровнем оседлости у женщин и высоким уровнем «проточности» у мужчин. Поясняя это положение, необходимо говорить о том, что гендерные отношения нуждаются не в достижении равенства критериев, а в том, чтобы установка на «оседлость» не закрепляла позиции консерватизма, не ассоциировалась с рецидивами «домостроя», а критерии «проточности», действующие в большинстве регионов российского Севера и Дальнего Востока, определяли готовность жителей регионального социума переменить место жительства по причинам поиска высоких заработков, самореализации.

Действительно, с одной стороны, россияне испытывают потребность в более благоприятных природно-климатических условиях, развитой социальной и логистической инфраструктурах, и это является причиной эффекта «магадана», то есть желаний внутренней миграции, даже если человек остается региональным патриотом. Но наш анализ являлся бы ошибочным, если не понимать, что социально-инвестиционное развитие региона в настоящий момент связывается с созданием здоровой социально-экологической среды, с использованием региональных ресурсов (лесные угодья, озера, реки, горы). Это важный момент, который является обещающим в формировании пропорциональных гендерных отношений: сложилась ситуация, в которой женщины являются лидерами экологизации региональной жизни и на уровне участия в общественных организациях, и как специалисты и эксперты.

Гендерные ресурсы НКО определяются условиями и инфраструктурой поддержки гражданского делового участия женщин (Милованова, 2019). Это обстоятельство, несомненно, относится к социально-инвестиционному развитию, так как от вектора развития и конкретного состояния социально-инвестиционной активности регионального социума зависит масштаб и характер деятельности женских движений. В российских регионах, где актуализируется модель социально-инвестиционного развития, приоритетами регионального социума становятся не только внутренние вызовы, определяемые социально-экономической динамикой, но и формирование механизмов конвертации социального и экономического капиталов в человеческий, что означает выстраивание гендерных отношений с перспективой на будущее. Мы считаем, что дискуссии о месте женщины в российском обществе, часто копирующие зарубежный опыт феминизма и ультрафеминизма, можно свести к вопросу о том, чтобы российские женщины, взаимодействуя в гендерных отношениях, ориентировались на социально-инвестиционные проекты как реально содержащие возможности для развития тех слоев и групп регионального социума,

которые выражают запрос на повышение социальной ресурсности через человеческий капитал.

На наш взгляд, гендерный аспект социально-инвестиционного развития в регионах фиксирует факт включения женщин в социально-активную жизнь не только посредством использования традиционных механизмов делегирования интересов женским движениям и выстраивания карьерных стратегий женщин в условиях реально действующих регуляторов равноправия мужчин и женщин. Ясно, что для России не совсем пригоден опыт позитивной дискриминации, обязательной квотности женщин в различных сферах общественной жизни. Гендерные отношения в России, несмотря на отмечаемые недостатки диспропорций в управленческой сфере и на уровне крупного бизнеса, являются переходными от построенных на мобилизационной экономике предшествующего периода к развитию рыночной модели по российскому варианту. Это означает, что гендерный аспект социально-инвестиционного развития в регионе выражает динамику изменений в этой сфере и одновременно ориентирует на формирование нового гендерного конструкта, отражающего противоречия и достижения современного российского общества на региональном уровне.

Заключение

Рассматривая гендерный аспект социально-инвестиционного развития в регионе, выявляем, что в социально-инвестиционном развитии часто ставится формула «безличностного участия», того, что речь идет о модальной личности, но реально, как мы видим, есть определенные пропорции и диспропорции в готовности к социально-инвестиционному развитию, что в гендерном аспекте может быть определено как различия в потенциале мужчины и женщины и на уровне социально-инвестиционного развития в различных сферах общественной жизни (наука, культура, экономика), и в целях, которые преследуются в процессе стимулирования роста социальных инвестиций.

Соглашаясь с тем, что социально-инвестиционное развитие региона является наиболее оптимальным конструктом в обеспечении стратегии стабильности и перспектив регионального социума по сравнению с привлекательными, но имеющими высокий риск нереализованности концептами, мы полагаем, что результаты исследования фиксируют, во-первых, необходимость устранения диспропорций в гендерных отношениях как базовое условие социально-инвестиционного развития в регионе. Во-вторых, сомнения по поводу способов и целей социально-инвестиционного развития снижаются, если гендерный аспект социально-инвестиционного развития определяется в реальных показателях равноправия мужчин и женщин в допуске к социально-инвестиционным ресурсам. Чтобы не

получилось обратного, когда социально-инвестиционная активность усиливает разрывы или закрепляет разделение деятельности по гендерному признаку, для регионального социума важным становится определение индикаторов гендерных отношений через восприятие в региональном социуме идей всеобщего блага, означающих паритет общественных и личных интересов и гендерных конструктов как содержащих движение к общему контуру действий и к общим целям.

Литература

Бурдые П. Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60–74. – EDN OYUVRD.

Воденко К. В. Система высшего образования и социально-инвестиционная модель регионального развития в контексте обеспечения безопасности Юга России / К. В. Воденко // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2020. – № 11. – С. 12–19. – DOI 10.20339/AM.11-20.012. – EDN IYZWJB.

Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 040200 (Социология) / А. Г. Дугин. – Москва: Трикта: Акад. проект, 2010. – 562 с. – ISBN 978-5-904954-03-1.

Кашина М. А. Постсоветская государственная политика в отношении женщин: внутренние противоречия / М. А. Кашина // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 4. – С. 3–13. – DOI 10.21064/WinRS.2019.4.1. – EDN CBDQGY.

Кривопусков В. В. Социально-инвестиционная модель регионального управления как инструмент социально-экономического развития территории / В. В. Кривопусков, Б. Б. Месхи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2020. – Т. 13. – № 5. – С. 106–111. – DOI 10.17213/2075-2067-2020-5-106-111. – EDN OIAAHJ.

Матюнин Л. В. Инвестиционные проекты: содержание, структура / Л. В. Матюнин // Вестник университета. – 2015. – № 9. – С. 88–91. – EDN XHNSGH.

References

Bourdieu P. (2002) Forms of capital / P. Bourdieu // Economic sociology. – Vol. 3. – No. 5. – Pp. 60-74.

Vodenko K. V. (2020) The system of higher education and the socio-investment model of regional development in the context of ensuring the security of the South of Russia / K. V. Vodenko // Alma Mater (Bulletin of the Higher School). – No. 11. – Pp. 12-19. – DOI 10.20339/AM.11-20.012.

Dugin A. G. (2010) Sociology of imagination. Introduction to structural sociology: a textbook for students of higher educational institutions studying in the direction 040200 (Sociology) / A. G. Dugin. – Moscow: Trixta: Akad. project. – 562 p. – ISBN 978-5-904954-03-1.

Kashina M. A. (2019) Post-Soviet state policy towards women: internal contradictions / M. A. Kashina // Woman in Russian society. – No. 4. – Pp. 3-13. – DOI 10.21064/WinRS.2019.4.1.

Krivopuskov V. V. (2020) Socio-investment model of regional management as a tool of socio-economic development of the territory / V. V. Krivopuskov, B.B. Meskhi // Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences. – Vol. 13. – No. 5. – Pp. 106-111. – DOI 10.17213/2075-2067-2020-5-106-111.

Matyunin L. V. (2015) Investment projects: content, structure / L. V. Matyunin // Bulletin of the University. – No. 9. – Pp. 88-91.

Milovanova M. Yu. (2019) Socially oriented NGOs through the prism of gender: a sociological analysis / M. Yu. Milovanova // Woman in Russian society. – No. 4. – Pp. 66-79. – DOI 10.21064/WinRS.2019.4.6.

Милованова М. Ю. Социально ориентированные НКО сквозь призму гендера: социологический анализ / М. Ю. Милованова // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 4. – С. 66–79. – DOI 10.21064/WinRS.2019.4.6. – EDN TMXVWM.

Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / М. К. Горшков, А. Г. Гусейнов, А. В. Дмитриев [и др.]. – Москва: Новый хронограф, 2015. – 624 с. – ISBN 978-5-94881-290-8. – EDN UCNWMF.

Рязанцев С. В. Гендерные аспекты трудовой миграции в России: тренды, последствия, регулирование / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, С. Н. Перемышлин // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 4. – С. 53–65. – DOI 10.21064/WinRS.2019.4.5. – EDN HRVZXP.

Силласте Г. Г. Гендерная социология и российская реальность: монография / Г. Г. Силласте. – Москва: Альфа-М, 2012. – 638 с. – ISBN 978-5-98281-243-8. – EDN QONQAZ.

Силласте Г. Г. Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка, его социальные риски / Г. Г. Силласте // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 3. – С. 4–13. – DOI 10.21064/WinRS.2019.3.1. – EDN TPOAAI.

Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя: Информационно-аналитическое резюме научного издания / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, В. А. Аникин [и др.]. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2018. – 44 с. – EDN XYGTCH.

Тополева Т. Н. Региональное развитие: новые теории / Т. Н. Тополева // *Juvenis Scientia*. – 2019. – № 6. – С. 14–17. – DOI 10.32415/jscientia.2019.06.03. – EDN ZUWKSL.

Public Administration and Regional Management in Russia – Challenges and Prospects in a Multicultural Region / E. G. Popkova and K. V. Vodenko (eds.). Cham: Springer International Publishing AG, 2010. – 567 p.

Regional sociology: Problems of consolidation of the social space of Russia (2015) / M. K. Gorshkov, A. G. Huseynov, A. V. Dmitriev [et al.]. – Moscow: Novy Chronograph. – 624 p. – ISBN 978-5-94881-290-8.

Ryazantsev S. V. (2019) Gender aspects of labor migration in Russia: trends, consequences, regulation / S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya, S. N. Peremyshlin // *Woman in Russian society*. – No. 4. – Pp. 53–65. – DOI 10.21064/WinRS.2019.4.5.

Sillaste G. G. (2012) Gender sociology and Russian reality: monograph / G. G. Sillaste. – Moscow: Alfa-M. – 638 p. – ISBN 978-5-98281-243-8.

Sillaste G. G. (2019) The country gender landscape as a factor in the formation of a new gender order, its social risks / G. G. Sillaste // *Woman in Russian society*. – No. 3. – Pp. 4–13. – DOI 10.21064/WinRS.2019.3.1.

Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later: An Information and analytical summary of a scientific publication (2018) / M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova, V. A. Anikin [et al.]. – Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. – 44 p.

Topoleva T. N. (2019) Regional development: new theories / T. N. Topoleva // *Juvenis Scientia*. – No. 6. – Pp. 14–17. – DOI 10.32415/jscientia.2019.06.03.

Public Administration and Regional Management in Russia – Challenges and Prospects in a Multicultural Region / E. G. Popkova and K. V. Vodenko (eds.). Cham: Springer International Publishing AG, 2010. – 567 p.

Для цитирования: Воденко К. В., Гурба В. Н.
Гендерный аспект социально-инвестиционного развития региона: теория, методология, практика // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 142–158.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.11
EDN KBVBXI

Сведения об авторе

Воденко Константин Викторович

Доктор философских наук, профессор,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова

346428, г. Новочеркасск Ростовской
области, ул. Просвещения, д. 132,
e-mail: vodenkok@mail.ru

Гурба Владимир Николаевич

Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой конфликтологии
и национальной безопасности,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 160,
e-mail: desp@ufo.gov.ru

История статьи:

Поступила в редакцию – 30.01.2023

Получена в доработанном виде –
10.02.2023

Одобрена – 14.02.2023

Information about author

Konstantin V. Vodenko

Doctor of Philosophical Science, Professor,
Platov South-Russian State
Polytechnic University (NPI)

346428, Novocherkassk, Rostov region,
Prosveshcheniya str., 132,
e-mail: vodenkok@mail.ru

Vladimir N. Gurba

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Head of the Department of Conflictology
and National Security, Institute of Sociology
and Regional Studies of the Southern
Federal University

344006, Rostov-on-Don,
Pushkinskaya str., 160,
e-mail: desp@ufo.gov.ru

УДК 316.4

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.12
EDN IXWOFT

Тип статьи в журнале – научная

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
МОБИЛЬНОСТЬ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
КЛЮЧЕВЫЕ РИСКИ**

**PROFESSIONAL
MOBILITY OF RUSSIAN
YOUTH: KEY RISKS**

© 2023 г.

Д. Н. Мищенко*
С. А. Дюжиков*

* *Институт социологии
и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

© 2023

D. N. Mishchenko*
S. A. Dyuzhikov*

* *Institute of Sociology
and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования: раскрыть риски профессиональной мобильности российской молодежи в условиях современной реальности российских регионов.

Objective of the study is: to reveal the risks of professional mobility of Russian youth in the conditions of modern reality of Russian regions.

Методологическая база исследования базируется на данных социологических исследований, проведенных в Республике Крым и Ростовской области среди студенческой и рабочей молодежи: 1) опрос студенческой молодежи в возрасте от 17–24 лет (N = 337 – в Ростовской области; N = 652 – в Республике Крым). В опросе принимали участие бакалавры, магистры и аспиранты очной формы обучения; 2) опрос работающей молодежи в возрасте от 18 до 35 лет (N = 536 – в Ростовской области; N = 548 – в Республике Крым). Выборка исследования – многоступенчатая районированная с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени в разбивке по типу поселения, возрасту, полу, профессиональному статусу.

The methodological basis of the research is based on the data of sociological studies conducted in the Republic of Crimea and the Rostov region among students and working youth. 1) survey of students aged 17-24 years (N = 337 – in the Rostov region; N = 652 – in the Republic of Crimea). Bachelors, masters and postgraduates of full-time education took part in the survey; 2) survey of working youth aged 18 to 35 years (N = 536 – in the Rostov region; N = 548 – in the Republic of Crimea). The sample of the study is a multi-stage zoned with quota selection of observation units (respondents) at the last stage, broken down by type of settlement, age, gender, professional status.

Результаты исследования. Социальные последствия выявленных рисков связаны с нисходящей профессиональной мобильностью,

Research results. The social consequences of the identified risks are associated with downward professional mobility, which manifests

которая проявляется в высокой динамике трудоустроенных молодых работников с высшим образованием в сферах деятельности, далеких от полученной в вузе специальности и не предполагающих полученный уровень профессионального образования. При этом профессиональная несостоятельность не расценивается молодежью как показатель нисходящей социальной мобильности, поскольку доминирующие индикаторы жизненного успеха в молодежной среде не содержат в качестве важнейшего профессиональный компонент.

Перспективы исследования связаны с дальнейшими исследованиями профессионально-трудовых потребностей и мотиваций молодежи в соотношении с процессом профессионального самоопределения и профессионализации на этапе обучения в вузе.

Ключевые слова: профессиональная мобильность; молодежь; профессионализация; профессия; выбор профессии; рынок труда; риск.

itself in the high dynamics of employed young workers with higher education in fields of activity that are far from the specialty received at the university and do not assume the received level of professional education. At the same time, professional insolvency is not regarded by young people as an indicator of downward social mobility, since the dominant indicators of life success in the youth environment do not contain a professional component as the most important.

Prospects of the study are connected with further research of professional and labor needs and motivations of young people in relation to the process of professional self-determination and professionalization at the stage of study at the university.

Keywords: professional mobility; youth; professionalization; profession; choice of profession; labor market; risk.

Введение

Переход мира в стадию «информационного общества», ознаменовавший кардинальную реформу в самой системе общественного производства и институциональной динамики, стал источником порождения множества новых форм общественной жизни и самореализации на рынке труда. Технически сконструированная социальная среда определяет теперь алгоритм организации социальных отношений в сферах образования, воспитания, труда, что порождает множество вопросов, и основной из них заставляет понять: какими качествами должен обладать современный человек в условиях глобализации (Яницкий, 2019).

Для нас принципиально важно ответить на вопрос: какой должна быть российская молодежь, чтобы в условиях глобального мобильного мира с его рисками и угрозами суметь состояться в профессиональном плане и добиться жизненного успеха, поскольку последний тесно связан с профессиональной деятельностью. Какие риски в профессиональном становлении и развитии угрожают в наибольшей степени современной российской молодежи? Какие риски для российской молодежи таит в себе сам процесс профессиональной мобильности, репрезентация которого находит выражение в трех ключевых этапах: выбора профессии,

получения профессионального образования и адаптации на профессиональном рынке труда?

Риски профессионального самоопределения

Риск как сущностное свойство современной молодежи включен в систему ее жизненной самореализации, которая осуществляется в условиях социальной неопределенности и слабой прогнозируемости последствий тех или иных решений, действий, но страх перед неопределенностью и слабой прогнозируемостью совершенного выбора у молодежи выражен в меньшей степени, нежели у взрослых поколений. Молодежь в большей степени стремится ко всему новому и в меньшей степени боится всего нового, несмотря на риски, которые таит в себе новое. Более того, молодежь буквально жаждет всего нового, стремится к экспериментированию в самых различных сферах общественной жизни, в том числе и в профессиональной. И если в советское время, как отмечает В. В. Радаев, выбор жизненной колеи был незначителен (две-три жизненные колеи), причем можно было всю оставшуюся жизнь идти по одной из выбранных, то молодые люди в современную эпоху уже не хотят вставать только в одну определенную колею, с которой ассоциируется постоянная работа, сфера деятельности, организация, один и тот же коллектив, – молодежь стремится к вечно новому, к экспериментам (Радаев, 2019. С. 163).

Безусловно, не вся молодежь стремится к риску, к экспериментам, но сама реальность в информационную эпоху с ее нестабильностью и динамичными изменениями есть пространство постоянного риска. В профессионально-трудовой сфере риск занимает особое место, поскольку само вхождение в профессиональное поле представляет собой в современной ситуации массу рисков, но закладываются они задолго до наступления периода профессионально-трудовой деятельности, на этапе выбора профессии из числа имеющихся вариантов. И в этой связи мы выделяем риски первого этапа – этапа профессионального самоопределения, которые являются производными от процесса выбора профессии. Ключевым здесь, с нашей точки зрения, является средовый фактор, несмотря на то, что сам выбор осуществляется субъектом профессионализации – молодежью. Но сама среда, в которой осуществляется выбор профессии молодежью, определяет этот выбор как далеко несвободный.

Выбор профессии, включенный в систему профессионального самоопределения наряду с профессиональной ориентацией и реализацией профессионального выбора, – это, как пишет Л. А. Семенова, «разрешение противоречия между субъективными предпочтениями индивида и внешней по отношению к нему социальной ситуацией», а потому свободный выбор профессии и учебного заведения значительно сужается (Семенова, 2009).

С самого начала – выбора профессии и получения профессионального образования, еще задолго до выхода на рынок труда, молодежь не имеет четких представлений о том, где и как она будет реализовывать свои профессионально-трудовые потребности, в какой сфере профессиональной деятельности она сможет самореализоваться и сможет ли, в принципе, устроиться на работу по получаемой в образовательном учреждении специальности. А для некоторых это и вовсе не имеет значения – на первом месте стоит задача хорошего трудоустройства, а само направление профессиональной деятельности не является приоритетной установкой. Об этом говорят данные социологических исследований, в том числе регионального характера. Так, интервью с нижегородской молодежью, как следует из работы Т. К. Ростовской и З. Х. Саралиевой, зафиксировали следующие лексемы факторов успеха у молодежи: «образование, любовь, деньги, дом» (Ростовская, Саралиева, 2018. С. 93). Эти атрибуты успешного человека, как видим, не включают профессиональный компонент, а само образование, что также следует из опросов молодежи в исследовании данных ученых, необходимо ей для достижения карьерного успеха и материального благополучия.

Образование входит в число приоритетных ценностей современной российской молодежи во всех регионах страны, но оно не наполняется профессиональным смысловым содержанием. Так, согласно социологическому опросу, проведенному в столице Дагестана (Стофарандова, 2018), для 50 % дагестанской молодежи наличие диплома расценивается как атрибут высокого жизненного статуса, но при этом фиксируется низкий, не соответствующий требованиям работодателей уровень образования выпускников дагестанских вузов, перед которыми, согласно мнению профессорско-преподавательского состава этих вузов, стоит большая проблема, связанная со значительным оттоком абитуриентов в ведущие учебные заведения страны, в результате чего вузы республики вынуждены ориентироваться, для реализации набора, на оставшихся – без учета их интеллектуального уровня. Такая ситуация порождает проблемы на рынке труда, когда уровень образования выпускников вузов является крайне недостаточным для работодателей, а в качестве причины опрошенные работники вузов отмечают также, помимо изначально невысокого уровня контингента, поступающего в дагестанские вузы, сам образовательный процесс. Отмечается, в частности, проблема преподаваемых согласно учебному плану дисциплин, не имеющих конкретный, практико-ориентированный характер при отсутствии должного количества часов практики. В итоге выпускник вуза не имеет никакого практического опыта, востребованного работодателями (Стофарандова, 2018. С. 148).

Вузы, поставленные в условия выживания и при наборе абитуриентов ориентирующиеся на востребованные у родителей и выпускников школ профессии, становятся логической цепочкой искаженной системы профессионального выбора, когда за основу берутся престижность и прибыльность профессии без учета способностей самих субъектов профессионального выбора и особенностей рынка труда, то есть востребованности тех или иных специальностей. В итоге снижается спрос на труд молодежи. Данная ситуация характерна не только для Республики Дагестан. Такие же тенденции, связанные со снижением спроса на труд молодежи, на сложности ее трудоустройства, в том числе сразу после окончания периода профессионального образования, фиксируются во всех субрегионах Северного Кавказа (Омарова и др., 2018), в Крыму (Омарова и др., 2018), в Забайкальском крае (Лаврикова, 2017), в Ивановской, Свердловской и Новосибирской областях (Аврамова, 2018).

Безусловно, каждый регион отличается своей спецификой в области молодежного рынка труда и профессионализации молодежи, и в этом плане ситуация может значительно меняться от региона к региону. Так, в Томской области не столь остро стоит, к примеру, проблема профессиональной самореализации и трудоустройства молодежи, особенно в г. Томске, что ученые связывают с мощным научно-образовательным комплексом и его соответствием современным реалиям, требованиям социальных и экономических вызовов. Более сложная обстановка – в сельских поселениях Томской области. В целом же для данного региона характерна проблема старения населения, и учеными актуализируется проблема притока молодежи в производственно-трудовую сферу (Далибожко, 2017). А согласно данным по всему Сибирскому федеральному округу, что следует из подсчетов специалистов, треть выпускников вузов данного округа вынуждена осуществлять трудовую деятельность вне полученной специальности и на местах, не требующих высшего образования, а каждый восьмой из числа выпускников вузов данного региона занят в неформальном секторе (Стукен, 2017). Согласно данным нашего социологического опроса, более половины (55,8 % – Ростовская область, 53,1 % – Крым) работали в этом секторе без официального оформления (см. табл. 1), при этом более негативно к такой форме работы относится крымская трудящаяся молодежь (10,2 %) против 9,7 % в Ростовской области, соглашающиеся с тем, что фриланс препятствует профессиональному становлению личности, не включенной в пространство профессиональных отношений, профессионального общения и коллективной профессиональной ответственности.

Таблица 1. Опыт работы без официального оформления / регион, в % (работающая молодежь)

Опыт работы без официального оформления	Крым	РО
1. Да, случилось	53,1	55,8
2. Нет, не случилось	43,4	40,9
3. Я и сейчас работаю без официального оформления	3,5	3,4
ВСЕГО	100,0	100,0

В проведенном нами опросе молодежи Крыма и Ростовской области было выявлено, что, по мнению самой молодежи, современный работодатель при приеме молодежи на работу прежде всего ориентируется на опыт и стаж работы (20,2 % – РО и 20,0 % – Крым). Значимыми также молодые люди определили коммуникативные навыки, умение работать с современными информационными технологиями и наличие высшего образования. Примечательно, что для крымской молодежи, с точки зрения восприятия ею требований со стороны работодателей, «трудовая история» со всеми профессиональными передвижениями оказалась даже важнее наличия высшего образования. Для молодежи РО этот фактор также значим, но чуть в меньшей степени (см. табл. 2).

Таблица 2. Значимые факторы при приеме на работу для современного работодателя глазами молодежи / регион, в % (работающая молодежь)

Значимые факторы при приеме на работу для современного работодателя	Результаты	
	Крым	РО
Наличие высшего образования по конкретной специальности	11,1	11,5
Наличие высшего образования в целом (специальность не имеет значения)	8,8	9,2
Опыт и стаж работы	20,0	20,2
«Трудовая история» (частота смены места работы, профессиональной деятельности и т.д.)	11,4	11,1
Коммуникативные навыки; умение общаться и выстраивать коммуникацию	15,4	15,2
Навыки работы с современными информационными и компьютерными технологиями	14,	13,9
Семейный статус (женат/замужем; количество и возраст детей)	6,0	5,9
Место проживания (город/село; отдаленность от места работы)	3,1	3,2
Рекомендации со стороны прежних работодателей, неформальных лиц	7,1	6,9
Пол работника (мужчина/женщина)	3,1	2,9
ВСЕГО	100,0	100,0

Итак, этот период – период профессиональной адаптации, третий в нашей схеме профессиональной мобильности, также, по мнению ученых, связан в большей степени с влиянием внешних (средовых), а не индивидуальных факторов, т. е. характеристик и свойств личности, ее устремлений (Ростовская, 2018). Силы, регулирующие рынок труда, не подконтрольные молодежи, вынуждают ее адаптироваться к условиям рыночных отношений зачастую в формате нестандартной занятости, лишаящей их социальной защиты и перспектив карьерного роста, а потому такая занятость не может рассматриваться как добровольный и эффективный выбор профессиональной траектории. А. М. Панов на данном основании делает вывод о вынужденной профессиональной мобильности как доминантной тенденции в профессиональном развитии российского населения, и молодого прежде всего, а причину этого он усматривает в нерациональности выбора профессии (Панов, 2014. С. 80), в то время как Л. А. Семенова говорит о вынужденном выборе профессии, подчиненном факторам внешней социальной среды (Семенова, 2009), а в результате – низкая мотивация к познавательной активности, получению профессиональных знаний и навыков, невысокий уровень профессиональной компетентности, слабая ориентация на работу по специальности и, как следствие, проблемы на этапе профессиональной адаптации, то есть в период вхождения в профессионально-трудовое поле на рынке труда.

Иными словами, у молодежи не формируются четкие ориентации и установки на профессиональную самореализацию. И масштабы этих данных не могут не внушать опасений за сферу общественного воспроизводства, где молодежи, как и профессиональной компоненте, отводится доминантная позиция (Зубок, Чупров, 2014).

Мы полагаем, что имеет смысл говорить о вынужденном характере и профессионального выбора, и профессиональной мобильности. Последняя выражается в вынужденном уходе из профессии по причине сложностей трудоустройства по специальности, низкой оплате труда. Однако «корень зла» связан с выбором профессии, что также подтверждают данные социологических исследований. Так, опрос молодежи в Тюменской области показал, что высокий уровень оценки ими своей конкурентоспособности на рынке труда напрямую связан с отношением к выбранной профессии: самый высокий уровень самооценки в плане конкурентоспособности был выявлен у той молодежи, которой нравится профессия (88 %), а самый низкий – отметившей, что им не нравится профессия (47 %) (Шафранов-Куцев, Ефимова, 2018).

Отношение к профессии напрямую связано с профессиональным выбором, что подтвердилось в нашем исследовании: полностью

удовлетворенных своей профессией (29,7 %), согласно результатам опроса молодежи Ростовской области, значительно больше среди тех, чей выбор профессии был однозначно самостоятельным. Примерно такие же результаты были получены и при опросе крымской молодежи, что лишний раз подчеркивает и актуализирует значимость профессионального выбора и подготовки молодежи к нему.

Важная зависимость выявлена также между профвыбором и восприятием социального статуса: удовлетворенность им в большей степени свойственна тем, у кого выбор профессии был самостоятельным, хотя при этом, что интересно, большая часть респондентов ростовского сегмента из группы самостоятельно выбравших профессию (30,2 %) сменило профессию за период своей трудовой деятельности. В крымском сегменте опрошенных ситуация примерно такая же (27,9 %), что позволяет предположить, что смена профессии – это характерная черта профессионального поведения современной молодежи в создавшихся условиях, но отношение к этому, отношение к профессии (первой или второй) во многом детерминируется самостоятельностью в профессиональном самоопределении.

Стоит согласиться с выводом специалистов, что одной из причин катастрофического дисбаланса между российским рынком труда и системой образования, а также негативными последствиями профессиональной адаптации является свертывание системы профориентации школьников (Семенова, 2009). Риски профессиональной адаптации, связанные с неясными перспективами трудоустройства, с недовольством собственным образованием, поскольку оно зачастую выбирается стихийно и с целью преодоления риска остаться без образования (потому выбирается доступное, удобное образовательное учреждение), становятся причиной пролонгации периода обучения, получения более качественного и/или соответствующего собственным предпочтениям образования. В этом случае первый цикл в системе профессиональной мобильности, который должен логично завершаться периодом профессиональной адаптации, прерывается и возвращается на первый этап – выбора профессии.

Страхи профессиональной адаптации у молодежи формируются неслучайно, поскольку первое трудоустройство как важнейший этап в профессионализации молодежи и ее последующей профессиональной мобильности проходит достаточно сложно в условиях российских реалий рынка труда. Об этом говорит и низкий уровень оплаты труда молодых работников, и частая смена занятости как по причинам оплаты труда, так и сложностям трудоустройства по специальности. Так, опросы молодежи в Ивановской, Свердловской и Новосибирской областях зафиксировали,

что основной способ трудоустройства – использование связей и знакомств, что намного эффективнее поиска работы по объявлениям, рассылке резюме, обращению в службу занятости и в службу по трудоустройству учебного заведения, а устойчивой занятости способствуют качественное профессиональное образование, эффективная и успешная работа предприятия (организации), социальный капитал молодого работника, однако комплексом этих ресурсов обладают очень немногие – менее 10 % молодежи (Авраамова, 2018). В исследовании Е. Я. Варшавской среди способов поиска работы молодыми выпускниками в качестве распространенных выделяются неформальные: через сеть Интернет, просмотр объявлений о вакансиях, социальные связи, знакомства (друзья, родственники) (Варшавская, 2019. С. 63). Популярной является также комбинированная стратегия поиска работы, синтезирующая формальные и неформальные способы поиска работы. В нашем исследовании приоритет в поиске работы студенческая молодежь отдала интернет-ресурсам (38,8 % – РО и 42,7 % – Крым), что означает: фактор информатизации в эпоху развития цифровых технологий становится значимым при формировании и проявлении самостоятельности молодежи в деле трудоустройства, в процессе поиска своей ниши профессиональной самореализации. При этом она очень хорошо осознает все трудности, с которыми ей придется столкнуться при поиске работы по специальности – остро это осознает студенческая молодежь как Ростовской области, так и Крыма, слабо верящая в то, что удастся найти работу по специальности (табл. 3).

Таблица 3. Оценка сложности трудоустройства по полученной в вузе специальности / регион, в % (студенческая молодежь)

Оценка сложности трудоустройства по полученной в вузе специальности	Крым	РО
1. Думаю, что очень сложно – придется приложить большие усилия, чтобы найти работу по специальности	7,6	6,5
2. Предполагаю, что очень сложно – работу по специальности вряд ли удастся найти	61,3	62,6
3. Думаю, что поиск работы по специальности будет не очень сложным и мне удастся трудоустроиться по специальности	15,1	11,3
4. Уверен, что я легко найду работу по специальности	8,9	8,0
5. Не собираюсь устраиваться на работу по специальности	6,7	8,3
6. Уже работаю по специальности (совмещаю учебу и профессиональную деятельность)	0,4	3,3
ВСЕГО	100,0	100,0

Наш опрос студенческой молодежи в целом подтверждает подобные настроения в молодежной среде России: более 50 % опрошенных как в Крыму, так и в Ростовской области готовы уехать из страны (табл. 4).

Таблица 4. Миграционные установки студенческой молодежи / регион, в % (студенческая молодежь)

Миграционные установки молодежи (если поступило бы предложение уехать работать за границу)	РО	Крым
1. Принял бы предложение уехать работать за границу не раздумывая	20,2	24,9
2. Принял бы предложение уехать работать за границу при гарантии более благоприятных условий трудовой деятельности и перспектив профессионального роста	35,6	25,3
3. Вероятно, принял бы предложение уехать работать за границу при условии, что не навсегда	8,6	5,8
4. Скорее всего не принял предложение уехать работать за границу	27,6	36,4
5. Нет, ни при каких обстоятельствах не принял бы предложение уехать работать за границу	7,1	6,2
6. Затрудняюсь ответить	0,9	1,3
ВСЕГО	100,0	100,0

Как видим, основные риски формируются на этапе профессиональной адаптации, профессионализации на рынке труда. Именно на этапе трудоустройства происходят такие важные процессы, как профессиональное становление, восприятие себя как профессионала, осознание своих профессиональных перспектив и установок, формирование профессиональной траектории.

С этим, видимо, следует связывать достаточно значительное распространение в молодежной среде пессимистических настроений относительно своего профессионального развития. Так, в ходе нашего исследования было выявлено, что 32,6 % работающей молодежи Ростовской области не видят особых перспектив в своем дальнейшем профессиональном развитии (в Крыму – 25,5 %), хотя при этом и оптимистические настроения достаточно распространены (уровень оптимистичных выше по совокупности). Однако и треть пессимистически настроенных молодых респондентов (табл. 5) внушает серьезные опасения. Примечательно, что уровень пессимизма значительно ниже в студенческой среде опрошенной нами молодежи – чуть более 10 % в Ростовской области и менее 10 % – в Крыму, но такая ситуация объясняется скорее всего тем, что студенческая молодежь еще не столкнулась в полной мере со всеми проблемами и рисками рынка труда современной России.

Таблица 5. Самооценка перспектив профессионального развития / регион, в % (работающая молодежь)

Самооценка перспектив профессионального развития	Крым	РО
1. Перспективы довольно большие, связанные с карьерным ростом, повышением социального и материального статуса	29,9	26,9
2. Перспективы своего профессионального развития связываю с дальнейшим профессиональным совершенствованием, профессиональным ростом, но без особого изменения социального статуса и материального положения	37,0	33,8
3. Не вижу особых перспектив в своем дальнейшем профессиональном развитии в сложившихся условиях рынка труда и в рамках осуществляемой на данный момент профессиональной деятельности. Вероятно, все останется на прежнем уровне	25,5	32,6
4. Перспектив профессионального развития в сложившихся условиях рынка труда совсем не вижу. Вероятно, мое социальное и материальное положение только ухудшится со временем	7,5	6,7
ВСЕГО	100,0	100,0

Наш опрос показывает, что молодежь в качестве одной из стратегий адаптации к профессиональному рынку труда и достижения профессионального успеха видит смену профессии: среди молодежи ростовского сегмента такая тактика характерна для 22,6 %, в то время как для крымского – 12,8 % (табл. 6).

Таблица 6. Действия, предпринимаемые в тех случаях, когда не хватает квалификации, профессиональных знаний и навыков, чтобы добиться успеха в профессиональной деятельности / регион, в % (работающая молодежь)

Действия, предпринимаемые в тех случаях, когда не хватает квалификации, профессиональных знаний и навыков, чтобы добиться успеха в профессиональной деятельности	Крым	РО
1. Занимаюсь самообразованием	55,5	48,7
2. Проходил курсы повышения квалификации (компьютерные курсы, курсы иностранных языков и др.)	19,7	18,3
3. Получал дополнительное профессиональное образование	12,0	10,4
4. Осваивал новую профессию	12,8	22,6
ВСЕГО	100,0	100,0

Выводы

Риски профессиональной мобильности российской молодежи представляют собой следствие комплексного влияния средовых и деятельностных факторов. Наибольшее влияние средовые факторы оказывают на

этапе выбора профессии, порождая риски несвободного профессионального самоопределения в логике диктуемых рынком труда и сложившихся стереотипов престижности, прибыльности и востребованности профессий.

Не менее значимы средовые факторы, связанные с увеличивающимся разрывом между системой образования и рынком труда, снижением качества образования, но риски депрофессионализации (неготовность и нежелание работать по специальности, низкий уровень профессиональной подготовки), закладываемые на этом этапе, являются следствием вынужденного выбора профессии.

Риски профессиональной адаптации связаны с реализацией профессиональной траектории по типу транспрофессионализма или множественной профессионализации (деятельностный фактор), и также характеризуются как риски депрофессионализации. Они связаны со стратегией смены профессии, зачастую вынужденной по причине невозможности устроиться на работу по специальности, низкой оплаты и т. д. Опасность рисков данного типа заключается в возможности трансформации профессиональной маргинализации (как следствие ухода из профессиональной деятельности) при несформированности ценности профессии в профессиональную индифферентность – безразличие к какому-либо виду профессиональной деятельности.

Социальные последствия указанных рисков – нисходящая профессиональная мобильность. О ее высокой динамике среди российской молодежи свидетельствует снижение численности трудоустроенных по специальности молодых работников с высшим образованием в сферах деятельности, не предполагающих такой уровень профессионального образования. Однако доминирующие индикаторы жизненного успеха в молодежной среде не содержат профессионального компонента, а потому профессиональная несостоятельность не расценивается молодежью как показатель нисходящей социальной мобильности.

Литература

Аврамова Е. М. Тенденции занятости российской молодежи в регионах / Е. М. Аврамова // Социологические исследования. – 2018. – № 9(413). – С. 130–134. – DOI 10.31857/S013216250001969-8. – EDN YMRIPB.

Варшавская Е. Я. Стратегии поиска работы выпускниками вузов: распространенность и эффективность / Е. Я. Варшавская // Социологические исследования. – 2019. –

References

Avraamova E. M. (2018) Trends in the employment of Russian youth in the regions / E. M. Avraamova // Sociological research. – No. 9(413). – Pp. 130-134. – DOI 10.31857/S013216250001969-8.

Varshavskaya E. Ya. (2019) Strategies of job search by university graduates: prevalence and effectiveness / E. Ya. Varshavskaya // Sociological research. – No. 7. – Pp. 56-66. – DOI 10.31857/S013216250005793-5.

№ 7. – С. 56–66. – DOI 10.31857/S013216250005793-5. – EDN KMCSDS.

Далибожко А. И. Молодежный рынок труда Томской области: основные характеристики / А. И. Далибожко // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 6(142). – С. 344–356. – DOI 10.14515/monitoring.2017.6.18. – EDN KWQRZJ.

Ефимова Г. З. Конкурентоспособность работающей молодежи на основе самооценок (по данным исследования в Тюменской области) / Г. З. Ефимова, Г. Ф. Шафранов-Куцев // Социологические исследования. – 2018. – № 8(412). – С. 102–107. – DOI 10.31857/S013216250000765-4. – EDN YCNEOL.

Зубок Ю. А. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2008. – № 2(86). – С. 142–155. – EDN NRBHSN.

Колотовкина А. Вадим Радаев. Миллениалы: как меняется российское общество. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019 / А. Колотовкина // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2021. – № 1. – С. 132–136. – DOI 10.25285/2078-1938-2021-13-1-132-136. – EDN SDQAJB.

Лаврикова В. Н. Региональные особенности молодежного рынка труда (на материалах Забайкальского края) / В. Н. Лаврикова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2017. – Т. 8. – № 6-1. – С. 150–167. – DOI 10.12731/2218-7405-2017-6-150-167. – EDN YTVEGP.

Омарова К. А. Рынок труда Северо-Кавказского федерального округа: анализ ситуации и содействие региональной занятости / К. А. Омарова, Д. С. Куценко, Р. К. Нурмагомедова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2018. – № 12(98). – С. 260–267. – DOI 10.26726/1812-7096-2018-11-260-267. – EDN ZMDVUX.

Панов А. М. Выбор профессии и эффективность распределения трудовых ресурсов

Dalibozhko A. I. (2017) The youth labor market of the Tomsk region: main characteristics / A. I. Dalibozhko // Monitoring of public opinion: economic and social changes. – No. 6(142). – Pp. 344-356. – DOI 10.14515/monitoring.2017.6.18.

Efimova G. Z. (2018) Competitiveness of working youth based on self-assessments (according to research in the Tyumen region) / G. Z. Efimova, G. F. Shafranov-Kutsev // Sociological research. – No. 8(412). – Pp. 102-107. – DOI 10.31857/S013216250000765-4.

Zubok Yu. A. (2008) Social regulation in conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in the study of youth / Yu. A. Zubok, V. I. Chuprov // Monitoring of public opinion: economic and social changes. – No. 2(86). – Pp. 142-155.

Kolotovkina A. (2021) Vadim Radaev. Millennials: how Russian society is changing. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019 / A. Kolotovkina // Laboratory: Journal of Social Research. – No. 1. – Pp. 132-136. – DOI 10.25285/2078-1938-2021-13-1-132-136.

Lavrikova V. N. (2017) Regional features of the youth labor market (based on the materials of the Trans-Baikal Territory) / V. N. Lavrikova // Modern studies of social problems (electronic scientific journal). – Vol. 8. – No. 6-1. – Pp. 150-167. – DOI 10.12731/2218-7405-2017-6-150-167.

Omarova K. A. (2018) Labor market of the North Caucasus Federal District: analysis of the situation and promotion of regional employment / K. A. Omarova, D. S. Kutsenko, R. K. Nurmagomedova // Regional problems of economic transformation. – No. 12(98). – Pp. 260-267. – DOI 10.26726/1812-7096-2018-11-260-267.

Panov A. M. (2014) The choice of profession and the efficiency of the distribution of labor resources in the labor market (on the example of the Vologda region) / A. M. Panov // Professional orientation. – No. 1. – Pp. 77-84.

Rostovskaya T. K. (2018) Employment is a significant factor of personal self-determination of Russian youth / T. K. Rostovskaya // Socio-economic management: theory and practice. – No. 3(34). – Pp. 108-110.

на рынке труда (на примере Вологодской области) / А. М. Панов // Профессиональная ориентация. – 2014. – № 1. – С. 77–84. – EDN TOBWJT.

Ростовская Т. К. Занятость – значимый фактор личностного самоопределения российской молодежи / Т. К. Ростовская // Социально-экономическое управление: теория и практика. – 2018. – № 3(34). – С. 108–110. – EDN МАКРPF.

Ростовская Т. К. Ценностные ориентации молодежи Нижегородской области (результаты регионального социологического исследования) / Т. К. Ростовская, З. Х. М. Саралиева // Вестник ВЭГУ. – 2018. – № 3(95). – С. 89–96. – EDN XRECGL.

Семенова Л. А. Вхождение в профессию и некоторые социально-профессиональные ориентации молодежи / Л. А. Семенова // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: Политология и социология. – 2009. – № 1. – С. 41–49. – EDN MUWOCT.

Стофарандова В. В. Проблемы взаимодействия системы образования, рынка труда и предпочтений молодежи в вопросах профессионального выбора (на примере г. Махачкалы) // РППЭ. – 2018. – № 9(95). – С. 146–154.

Стукен Т. Ю. Качество занятости выпускников на региональных рынках труда / Т. Ю. Стукен // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2018. – № 2. – С. 33–39. – DOI 10.21603/2500-3372-2018-2-33-39. – EDN YWEFAS.

Цехла С. Ю. Влияние государственной и негосударственной подсистем инфраструктуры рынка труда на развитие молодежного сегмента Республики Крым / С. Ю. Цехла, Е. А. Полищук // Российское предпринимательство. – 2016. – Т. 17. – № 20. – С. 2721–2734. – DOI 10.18334/gr.17.20.36644. – EDN WYKBQV.

Чупров В. И. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок,

Rostovskaya T. K. (2018) Value orientations of goods of the Nizhny Novgorod region (results of a regional sociological study) / T. K. Rostovskaya, Z. H. M. Saraliev // Bulletin of the VEG. – No. 3(95). – Pp 89-96.

Semenova L. A. (2009) Entering the profession and some socio-professional orientations of youth / L. A. Semenova // Scientific Bulletin of the Volgograd Academy of Public Service. Series: Political Science and Sociology. – No. 1. – Pp. 41-49.

Stofarandova V. V. (2018) Problems of interaction of the education system, the labor market and youth preferences in matters of professional choice (on the example of Makhachkala) // RPE. – No. 9 (95). – Pp. 146-154.

Stuken T. Yu. (2018) The quality of graduates' employment in regional labor markets / T. Yu. Stuken // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. – No. 2. – Pp. 33-39. – DOI 10.21603/2500-3372-2018-2-33-39.

Tsehla S. Yu. (2016) The influence of state and non-state subsystems of the labor market infrastructure on the development of the youth segment of the Republic of Crimea / S. Yu. Tsehla, E. A. Polishchuk // Russian Entrepreneurship. – Vol. 17. – No. 20. – Pp. 2721-2734. – DOI 10.18334/rp.17.20.36644.

Chuprov V. I. (2014) Attitude to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction / V. I. Chuprov, Yu. A. Zubok, N. A. Romanovich. – Moscow: Norma Law Publishing House. – 352 p. – ISBN 978-5-91768-444-4.

Yanitsky O. N. (2019) Is social forecasting of the dynamics of the mobile world possible today? / O. N. Yanitsky // Bulletin of the Institute of Sociology. – Vol. 10. – No. 1. – Pp. 11-28. – DOI 10.19181/vis.2019.28.1.554.

Н. А. Романович. – Москва: Юридическое издательство «Норма», 2014. – 352 с. – ISBN 978-5-91768-444-4.

Яницкий О. Н. Возможно ли сегодня социальное прогнозирование динамики мобильного мира? / О. Н. Яницкий // Вестник Института социологии. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 11–28. – DOI 10.19181/vis.2019.28.1.554. – EDN RRCYNA.

Для цитирования: *Мищенко Д. Н., Дюзжиков С. А.* Профессиональная мобильность российской молодежи: ключевые риски // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 159–173.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.12
EDN IXWOFT

Сведения об авторах

Мищенко Дмитрий Николаевич

Соискатель Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 160,
e-mail: svet_crimea@list.ru

Дюзжиков Сергей Александрович

Доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой прикладной
конфликтологии и медиации
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 160,
e-mail: duzhikov@sfedu.ru

История статьи:

Поступила в редакцию – 26.12.2022

Получена в доработанном виде –
23.01.2023

Одобрена – 27.01.2023

Information about authors

Dmitry N. Mishchenko

Competitor of the Institute of Sociology
and Regional Studies,
Southern Federal University

344006, Rostov-on-Don,
Pushkinskaya str., 160,
e-mail: svet_crimea@list.ru

Sergey A. Dyuzhikov

Doctor of Philosophical Sciences, Associate
Professor, Head of the Department of Applied
Conflictology and Mediation,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University

344006, Rostov-on-Don,
Pushkinskaya str, 160,
e-mail: duzhikov@sfedu.ru

УДК 316.4

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.13
EDN IJTJAI

Тип статьи в журнале – научная

**СОЦИАЛЬНАЯ
КОНСОЛИДАЦИЯ
КАК ФАКТОР
ИННОВАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ЮГА
РОССИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)**

**SOCIAL CONSOLIDATION
AS A FACTOR
OF INNOVATIVE
DEVELOPMENT OF THE
REGIONS OF THE SOUTH
OF RUSSIA (ACCORDING
TO THE RESULTS OF
AN EXPERT SURVEY)**

© 2023 г.

В. В. Узунов* **

© 2023

V. V. Uzunov* **

* Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
** Южный федеральный университет,
г. Симферополь, Россия

* Crimean Branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
** South Federal University,
Simferopol, Russia

Цель исследования: выявить типы инновационной консолидации на Юге России (на материалах Крыма и Ростовской области).

Objective of the study: to identify the types of innovative consolidation in the South of Russia (based on the materials of the Crimea and the Rostov Region).

Методологическую базу исследования представляет экспертный опрос по стандартизированной анкете, проведенный на территории Республики Крым (апрель 2019 г., N = 43) и Ростовской области (март 2022 г., N = 57). В опросе приняли участие представители органов региональной и местной власти; научных и образовательных учреждений; общественных организаций и НКО; бизнес-сообщества, предпринимательства; религиозных организаций и СМИ.

The methodological basis of the research is an expert survey on a standardized questionnaire conducted on the territory of the Republic of Crimea (April 2019, N = 43) and the Rostov Region (March 2022, N = 57). The survey was attended by representatives of regional and local authorities; scientific and educational institutions; public organizations and NGOs; business community, entrepreneurship; religious organizations and the media.

Результаты исследования. Эмпирически апробирована и верифицирована модель инновационной консолидации (на примере Республики Крым и Ростовской области),

Research results. The model of innovative consolidation was empirically tested and verified (on the example of the Republic of Crimea and the Rostov Region), which allowed to

позволившая выявить структуру смыслов инновационного развития и консолидации регионального социума и доминантный тип инновационной консолидации, детерминирующий ход и результат инновационного развития данных регионов.

Перспективы исследования связаны с выявлением типов инновационной консолидации в каждом из регионов Юге России с целью формирования общих идейно-смысловых контуров инновационного развития данного макрорегиона и консолидации его полиэтничного населения.

Ключевые слова: регион; консолидация; инновационное развитие; инновационная консолидация; Крым; Ростовская область.

identify the structure of the meanings of innovative development and consolidation of regional society and the dominant type of innovative consolidation that determines the course and result of innovative development of these regions.

Prospects of the study are related to the identification of types of innovative consolidation in each of the regions of Southern Russia in order to form common ideological and semantic contours of the innovative development of this macroregion and the consolidation of its multi-ethnic population.

Keywords: region; consolidation; innovative development; innovative consolidation; Crimea; Rostov Region.

Введение

Юг России характеризуется тем, что при наличии значительного потенциала – и природно-климатического, и демографического, и социокультурного, здесь фиксируются и значительные проблемы с инновационным развитием. Облик инновационных регионов России, согласно данным Ассоциации инновационных регионов России, значительно дифференцируется (одни обладают мощным научным потенциалом, другие – производственным и т. д.), но все их отличает запрос на инновации. Согласно данным 2021 года АИРР, в десятку инновационных регионов, помимо Москвы, Санкт-Петербурга, вошли Томская область, Республики Башкортостан и Татарстан, Новосибирская, Ульяновская, Нижегородская области. Ростовская область заняла 11-ю позицию, Крым – 28-ю, Краснодарский край – 32-ю. Северокавказские республики традиционно замыкают рейтинговую таблицу инновационного развития регионов страны¹. Собственно, рейтинги НИУ ВШЭ, разделяющие все регионы России на четыре категории по уровню социально-экономического и инновационного развития, тоже отражают эту картину – республики Северного Кавказа входят в число самых слабых с указанных позиций регионов².

В данных условиях актуализируется поиск эффективных стратегий регионального развития в инновационном формате. Мы исходим из того,

¹ Ассоциация инновационных регионов России. Рейтинг регионов SMART – 2022. – URL: <https://i-regions.org/reiting/rejting-regionov-smart> (дата обращения: 14.01.2023).

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Рейтинги регионального развития. – 2022. – URL: <https://region.hse.ru/rankingid19> (дата обращения: 14.01.2023).

что основой инновационного развития регионального пространства Юга России выступает инновационная консолидация как процесс, характеризующийся сплочением социальных групп, общества в целом вокруг идеи инновационного развития на основе единого понимания и согласия по поводу целей и способов ее реализации. Инновационная консолидация не означает априори эффективного инновационного развития. Речь идет о том, что эта консолидация в своей основе имеет идею инновационного развития, которую разделяет большинство общества, но эта идея необязательно должна принести эффективный результат, так как может стать следствием широкой пропаганды и манипуляции массовым сознанием, инерционности массового сознания.

Мы полагаем, что одной из причин низкой эффективности инновационного развития Юга России является расхождение на уровне идейных оснований социальной консолидации и инновационного развития регионального социума. Это, в свою очередь, задает инерционный вектор региональным процессам, в том числе и в области инновационного развития.

Итак, инновационный прорыв Юга России, с точки зрения наших концептуальных представлений, видится в выявлении тех идей консолидации и инновационного развития, заложенных в структуре смыслов регионального пространства, которые, будучи непротиворечивыми и соотносимыми с интересами и потребностями регионального социума, смогут сплотить его и реализовать имеющийся ресурсный потенциал для перехода на инновационный путь развития. Такая стратегия позволит объединить региональный социум в формате адекватной социальным проблемам региона инновационной консолидации и спрогнозировать оптимальный сценарий его инновационного развития.

Для эмпирической верификации этой идеи, связанной с инновационной консолидацией, были выбраны два региона Юга России – Ростовская область и Крым. Экспертный опрос в формате анкетирования на территории Республики Крым был проведен в апреле 2019 года. Всего в опросе приняло участие 43 эксперта – представители органов региональной и местной власти; научных и образовательных учреждений; общественных организаций и НКО; бизнес-сообщества, предпринимательства; религиозных организаций и СМИ. В Ростовской области в 2022 году было опрошено по идентичной методике 57 экспертов, представляющих те же сферы общественной и профессиональной деятельности.

Результаты исследования и обсуждение

Прежде всего, исходя из значимости ресурсной составляющей региона в инновационном развитии, мы выяснили мнение экспертов относительно степени ресурсной обеспеченности и социальной обустроенности

региона. Большинство экспертов считает, что Крым относится к категории «высокоресурсный с точки зрения ресурсного потенциала, но социально необустроенный, слабо освоенный» регион, что определяет его в границах потенциально ресурсного с точки зрения того, что неиспользуемые ресурсы таковыми не являются, если отталкиваться от ресурсного подхода, сложившегося в социологии. Та же позиция характерна и для экспертов Ростовской области.

Анализируя данные относительно ключевых проблем, влияющих на качество жизни населения регионов (см. табл. 1), можно сказать, что эксперты Крыма и Ростовской области почти единодушно на первое место поставили проблемы в здравоохранении. В Крыму на второй позиции оказалась проблема социальной защиты, на третьем – занятости. В Ростовской области на второй позиции эксперты указали проблемы в сфере образования, а на третье место поставили проблемы в области экологии. Проблема занятости также вошла в число значимых после проблем с обеспечением жильем. Эта конфигурация в целом соответствует восприятию проблем в области качества жизни всего российского общества, и именно об этом говорится в исследованиях ФНИСЦ РАН (Горшков и др., 2022) и других социологических центров¹.

Таблица 1. Наиболее важные проблемы качества жизни населения Крыма и Ростовской области, % (множественный выбор – до трех вариантов ответа)

Варианты ответа	Эксперты, Республика Крым, %	Эксперты, Ростовская обл., %
Проблемы в сфере социальной защиты	44,2	26,3
Проблемы в здравоохранении	74,4	64,9
Проблемы в сфере занятости	41,9	28,1
Проблемы в сфере обеспечения жильем	32,6	29,8
Проблемы в области экологии	25,6	33,3
Проблемы в сфере духовного развития, духовной культуры	9,3	10,5
Проблемы в сфере образования	18,6	38,6
Проблемы в сфере безопасности (угроза терроризма, межэтнических и иных конфликтов)	7,0	12,3
Проблемы в сфере обеспечения досуга, отдыха	14,0	8,8
Другие мнения	–	3,5

¹ Левада-Центр. Проблемы общества. – 09.03.2021. – URL: <https://www.levada.ru/2021/03/09/problemny-obshhestva> (дата обращения: 14.01.2023).

Одной из проблем низкой эффективности реализации инновационных проектов в регионах России является кризис субъектности и доминирование патерналистских установок, когда на государство возлагаются все надежды в области решения социальных проблем. В исследовании по Крыму также было выявлено, что основным субъектом инноваций в регионе является государство; на второй позиции, правда, почти рядом, оказались предприниматели, бизнес-сообщества и на третьей позиции оказались органы региональной и местной власти, а образовательные и научные учреждения заняли четвертую строчку в этом перечне. В Ростовской области мнения экспертов распределились несколько иначе: основным субъектом инноваций были определены бизнес-сообщества, но опередили государство в этом плане они весьма незначительно. Остальные позиции совпали с мнением экспертов Крыма, но образовательные и научные организации также вошли в число значимых субъектов инноваций наравне с органами региональной и местной власти.

В распределениях по сфере деятельности крымских экспертов наметилась ситуация, когда выбор основного субъекта инноваций совпадал со сферой деятельности экспертов для ряда категорий, т.е. представители региональной и местной власти на первое место поставили государство, представители научных и образовательных организаций, соответственно, эти организации, а государство – на вторую позицию. Та же ситуация характерна и для представителей предпринимательства, и только работники СМИ совершенно никак не оценили себя в качестве субъекта инноваций (0 %), отдав первенство государству и бизнес-сообществу, а последние поставили государство лишь на третью позицию после органов региональной и местной власти, оставив за собой первенство в инновационной деятельности. И такая ситуация, видимо, объяснима, так как бизнес-сообщества в своей деятельности, прежде всего, ориентируются на региональную и местную власть, которая «здесь» и к которой они обращаются в случае необходимости. В Ростовской области ситуация несколько иная: представители образовательных и научных учреждений в качестве главного субъекта инновационной деятельности определили указанные учреждения и организации, а также бизнес-сообщества. Последние стали приоритетными для органов региональной и местной власти (себя определили только на четвертую позицию). Весьма невысоко себя как субъектов инновационной деятельности определили представители общественных организаций и НКО, отдав первенство государству, что сделали и представители бизнес-сообществ в нашем опросе. Очевидно, в Ростовской области уровень субъектности в инновационной деятельности представителей выделенных сфер значительно ниже, нежели в Крыму. Возможно,

имеет место феномен перекалывания ответственности на «плечи» других акторов в условиях низкой возможности повлиять на инновационное развитие региона.

Мы в своей концепции исходим из необходимости выявления смыслов консолидации и инновационного развития с целью конструирования модели инновационной консолидации как базовой в формировании общей стратегии инновационного развития региона с позиций единения регионального социума и эффективного решения актуальных для него проблем, а потому задали экспертам вопрос о том, какова основная идея инновационного развития региона (допускалось до трех вариантов ответа), на что получили следующие распределения ответов, идентичные для двух изучаемых регионов Юга России: идея экономического прорыва возглавила рейтинг основных идей инновационного развития региона в Крыму и ростовской области (58,1 % и 63,2 % соответственно), на втором месте оказалась идея социальной справедливости (34,9 % и 54,4 % соответственно) и на третьем – идея социального доверия (30,2 % и 24,6 % соответственно). Вот тройка основных идей инновационного развития Крыма и Ростовской области в глазах экспертного сообщества.

Если мы посмотрим на характер ответов в разрезе профессиональной принадлежности экспертов, то увидим, что основные субъекты инноваций, указанные в ответах крымских экспертов (региональная и местная власть, а также предприниматели и бизнес-сообщества), выбрали в качестве основной идеи инновационного развития идею экономического прорыва, в то время как представители научных и образовательных учреждений остановили свой выбор, прежде всего, на идее социальной справедливости, что более соответствует академической среде и осмыслению в ней проблем российского общества, а также коррелирует с общероссийским трендом запроса на перемены. Представители общественных организаций и НКО на первое место поставили идею доверия, что также объясняется их родом деятельности, в которой дефицит доверия проявляется ярче всего.

Практически идентичная ситуация наблюдается в ответах экспертов Ростовской области, если рассматривать эти ответы по роду их деятельности. Различие фиксируется только в том, что общественные организации и НКО так же, как и представители научно-образовательных учреждений, на первое место поставили идею социальной справедливости, но все остальные группы экспертов приоритетной в инновационном развитии региона поставили идею экономического прорыва.

Свой регион инновационным эксперты Крыма не считают, адекватно оценивая протекающие в нем процессы, но и к традиционным, не

воспринимающим инновации, тоже его не относят: большая часть экспертов охарактеризовала его как регион, ориентированный на инновации (53,5 %), и только представители СМИ, если рассматривать в профессиональном разрезе ответы экспертов, оценила его как инновационный (60 %). Ростовская область также не воспринимается большинством экспертов как инновационный регион (даже в разрезе профессиональной деятельности), хотя тех, кто такой позиции придерживается, все же больше, чем в Крыму (17,5 % и 11,6 % соответственно). Следует подчеркнуть, меньшая половина экспертов, но значимая (23,2 % в Крыму и 33,3 % в РО), квалифицируют свои регионы как традиционные, не воспринимающие инновации и не готовые к ним.

Ответы на вопрос об уровне консолидированности жителей Крыма, в принципе, были прогнозируемы, если учесть события «крымской весны», когда все население Крыма проявило высший уровень солидарности и консолидации в вопросе о присоединении к России, и, тем не менее, отметим, что не столь высокие цифры мы получили, чем ожидали. Вероятно, еще два-три года назад они были бы выше, но эффект «крымской весны» постепенно сошел на «нет», пришло осознание массы нерешенных проблем и сложности их решения в ближайшей исторической перспективе, что не могло не вызвать общественной реакции, и мы полагаем, что в этом ответе она проявилась. Итак, 60,5 % экспертов считает Крым регионом с высоким уровнем консолидации населения против 32,6 % считающих иначе, и это немалая цифра. Ростовскую же область, по мнению большинства экспертов, характеризует средний уровень консолидации населения (50 %). 33 % экспертов отнесли данный регион к низкокосолидированным, т. е., как нетрудно заметить, по шкале консолидированности населения Ростовская область значительно уступает Крыму.

Для нас крайне важным вопросом, выводящим на идею инновационной консолидации, выступал вопрос о той идее, которая может сплотить население региона во имя общих целей. Полученные результаты привели нас к пониманию того, что крымское население четко соответствует выявленной учеными модели государственно-либерального или гибридного типа, когда установки на державность, патернализм, сильную власть сочетаются с либеральными установками на демократические права и свободы, не играющие центральной роли, но и не отбрасываемые вовсе (Ментальные программы... 2017). Большая часть экспертов в качестве основной идеи единения, сплочения крымского населения определили идею единения народов региона с другими народами России в целях ее возрождения как великой державы; на второй позиции оказались варианты, набравшие одинаковое количество ответов – «идея

объединения народов региона для решения внутренних проблем, стоящих перед населением данного региона» и «идея единения народов региона с другими народами России в целях решения острых социальных проблем», в то время как на третьей оказалась идея укрепления региона с позиций развития демократических прав и свобод. Для экспертов Ростовской области конфигурация тех же идей сплочения населения, что определили и крымские эксперты, выстроилась несколько иначе: 1) идея укрепления региона с позиций развития демократических прав и свобод; 2) идея единения народов региона с другими народами России в целях ее возрождения как великой державы; 3) идея объединения народов региона для решения внутренних (социальных, экономических, политических, социокультурных) проблем, стоящих перед населением данного региона. Однако разрыв между первой и второй идеями весьма невелик, что говорит о серьезной конкуренции идей державности России и ее демократического развития. Идея единения народов региона с другими народами России в целях решения острых социальных проблем и повышения качества жизни жителей страны также оказалась значимой, немного уступив третьей позиции о важности решения внутрирегиональных проблем.

О чем нам говорят полученные данные? Соотнесем позиции относительно основной идеи консолидации Крыма с выбором основной идеи инновационного развития: идея экономического прорыва, идея социальной справедливости и идея доверия. В целом, они соотносятся друг с другом. Идея экономического прорыва всецело увязывается с сильным государством и сильной властью, с державностью России, и эта стратегия традиционна для российского общества, можно сказать, ментально вписана в его траекторию развития. Идея справедливости сочетается с идеей укрепления региона с позиций развития демократических прав и свобод, а идея доверия – с необходимостью объединения народов региона для решения внутренних проблем, стоящих перед населением данного региона и острых социальных проблем всего российского общества, так как такое объединение без доверия невозможно, а его критически низкий уровень в России далеко не секрет и фиксируется данными социологических исследований, в том числе и в международных рейтингах по индексу межличностного доверия, в которых Россия занимает самые низкие места (Российское общество... 2017. С. 218).

Относительно Ростовской области, в которой, судя по мнению экспертов, те же три основные идеи инновационного развития (идея экономического прорыва, идея социальной справедливости и идея доверия) сочетаются с идентичными, но в ином порядке, идеями консолидации, можно предположить, что идея экономического прорыва в значительной

степени связывается с развитием демократических прав и свобод, которые определены экспертами как идейное основание сплочения регионального социума.

Итак, с точки зрения крымских экспертов, у России есть две основные идеи консолидации – это возрождение великой державы и укрепление демократических основ, т.е. те самые слабо сочетаемые установки, которые и отражают государственно-либеральную модель социального поведения в современном российском обществе. Совершенно очевидно, что эксперты не считают российское государство демократическим, но убеждены в том, что сворачивать с этого демократического пути нельзя, однако и без державности, имперской мощи Россию тоже представить экспертам сложно, что и формирует подобное гибридное состояние и России, и путей ее развития. Для экспертов Ростовской области в отношении идеи консолидации населения России ничего не изменилось в отношении первых двух позиций – они такие же, какие и для регионального социума: «идея укрепления региона с позиций развития демократических прав и свобод» и «идея единения народов региона с другими народами России в целях ее возрождения как великой державы», а вот третью позицию разделили две идеи: «идея объединения народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством» и «идея индивидуальной свободы, приоритета интересов личности над интересами государства». Как видим, демократический идейный уклон в отношении возможностей консолидации еще в более значительной степени проявил себя в отношении всего российского общества, так как идея индивидуальной свободы, приоритета интересов личности не может быть реализована вне демократических ценностей.

Ресурсная база демократической консолидации России (назовем ее так) достаточно представительна, и в нее входят в Крыму, как показали данные по профессиональному срезу, работники сферы образования и науки, бизнес-сообществ, СМИ. В Ростовской области поддерживают эту консолидационную для России идею также работники сферы образования и науки, бизнес-сообществ и общественных организаций. Именно они выбрали идею укрепления России как демократического и правового государства как главную, а это значит, что при грамотной политике по расстановке акцентов в пространстве выбора субъектов консолидации с точки зрения выбора демократического пути развития при решении задач инновационного развития есть возможность достичь определенного положительного результата, так как есть ресурсная база в виде человеческого потенциала. Так, если взять за основу идею инновационного прорыва и сделать ставку в регионе на образование, науку и бизнес-сообщества,

ориентированные демократически, то инновационный процесс пойдет по совершенно иной – не инерционной, а эволюционной (по направлению демократизации) траектории. Эти идеи мы будем развивать далее, говоря о сценариях инновационного развития регионального пространства Юга России.

Среди экспертов Крыма сложилось понимание того, что в основе инновационного развития должна находиться сама идея развития – этот вариант ответа был выбран в качестве важного, хотя идея развития и уступила позиции идее эффективного управления: в основе должно находиться эффективное управление. Эксперты Ростовской области убеждены, что инновационное развитие должно базироваться на самой идее развития, а потом на эффективном управлении и ресурсной базе.

Важность идеи развития как основы инновационного развития была уже осознана социологами ФНИСЦ РАН, которые в свете анализа инновационных механизмов развития современной России определили, что эффективность этого процесса зависит от того, насколько выявлены и учтены в ходе разработки национальной стратегии инновационного развития внутренние механизмы развития в России, обладающие значительным потенциалом, поскольку исторически закрепились в культурных практиках и традициях (Аксенова, Халий, 2018. С. 14). В противном случае взятые за основу методы и механизмы инноватизации общества, не соответствующие институциональным условиям, но внедряемые на уровне реализации инновационной политики, не приведут к значимым результатам, т.е. инновационному эффекту.

Иными словами, идея развития должна вытекать из социокультурных и институциональных оснований функционирования социума, его внутренней логики развития, особенной в каждом обществе.

Относительно консолидации регионального социума эксперты высказались более определенно, уверенно и консолидированно – 90,6 % крымских экспертов и 78,8 % ростовских считают, что в основе консолидации регионального социума должна находиться единая идея. На вопрос о том, есть ли такая единая идея консолидации в Крымском регионе, эксперты в большинстве своем ответили, что есть (53,5 %) против 25,6 % считающих наоборот – что такой идеи нет, в то время как эксперты в Ростовской области в подавляющем большинстве придерживаются позиции относительно отсутствия единой идеи консолидации регионального социума. Но данные ответа на открытый вопрос, в чем состоит эта идея консолидации, показали широкий спектр вариантов, которые можно сгруппировать следующим образом. В Крыму: идея быть в составе России, в том числе на правах равноправного субъекта; идея демократического

развития Крыма, идея развития Крыма как сильного региона, как прогрессивного региона; идея единения народов Крыма с другими народами России, идея интеграции Крыма в социокультурное пространство России, в том числе в «русский мир».

Как видим, разброс мнений достаточно большой, что говорит о несформированности единой идеи консолидации регионального сообщества в Крыму. В Ростовской области многие эксперты полагают, что такой идеи консолидации в регионе нет. Среди тех, кто считает иначе, были высказаны идеи социальной справедливости, развития туристического потенциала, объединения общества. Нет такой единой идеи, собственно, и на всем пространстве российского государства, при всем том, что, как считают эксперты, идея консолидации региона должна быть идентичной консолидационной идее всей России – так считают 60,4 % экспертов Крыма и 59,7 % экспертов Ростовской области. Примерно столько же экспертов Крыма (65,1 %) и Ростовской области (64,9 %) согласились с мыслью о том, что идея консолидации и идея инновационного развития должна быть единой для эффективного развития региона.

Основные выводы

По итогам проведенного эмпирического эксперимента основные смыслы-идеи инновационного развития данного региона представляют собой структуру, включающую идею экономического прорыва (первая позиция), идею социальной справедливости (вторая позиция) и идею доверия (третья позиция).

В структуре смыслов, составляющих идейную конфигурацию в отношении целей социальной консолидации регионального социума, на первом месте значится идея возрождения России как великой державы. Второе место заняла идея решения остро стоящих социальных проблем в России и в регионе, а на третьем – идея укрепления демократических прав и свобод в регионе.

Такая конфигурация смыслов позволяет условно сформулировать основную идею инновационной консолидации региона как «Россия – экономическая держава» в соотношении смыслов экономического прорыва и величия российской державы. Этот тип инновационной консолидации, реализующийся на современном этапе, носит инерционный характер (в перспективе способный трансформироваться в революционный при продолжительной стагнации кризисной ситуации), поскольку в своей основе отсылает к имевшим в истории России схемам инновационного развития. В этом видится причина низкой эффективности инновационного развития и данного региона, и Юга России в целом, – данная стратегия уже неадекватна ни современным вызовам, ни задачам, которые ставит

само государство в рамках инновационной политики. В большей степени для реализации целей инновационной политики подходит второй тип инновационной консолидации, сочетающий в себе идею социальной справедливости (как базовой идеи инновационного развития) и идеи демократических свобод и прав (как базовой идеи консолидации).

Данный тип инновационной консолидации, как показал экспертный опрос, имеет определенный ресурсный потенциал в регионе в виде представителей научных и образовательных учреждений, бизнес-сообществ и СМИ, но он не является доминантным и, соответственно, определяющим ситуацию развития в региональном пространстве Крыма. Более того, «демократическая» модель инновационной консолидации в большей степени позиционируется как приоритетная для российского государства в целом, а на уровне регионального пространства приоритет отдается, даже носителями ценностей этого типа инновационной консолидации, задачам не столь глобального и долгосрочного уровня – в приоритете оказывается решение социальных проблем на основе доминантной роли государства и сильной власти.

Анализ экспертного мнения показал также, что инновационное развитие Республики Крым на данный момент не имеет под собой единых идейных оснований с точки зрения самой идеи развития. Разброс позиций – от величия России, укрепления демократических основ региона до интеграции в православный мир – говорит о том, что на уровне массового сознания и поведения сформировалась гибридная, называемая учеными еще государственно-либеральная модель социального поведения, в которой причудливым образом переплелись ценности государственного патернализма и либерализма.

По итогам экспертного опроса в Ростовской области можно сделать следующие выводы.

Основные смыслы-идеи инновационного развития Ростовской области выстраиваются в той же конфигурации, что и в Крыму: 1) идея экономического прорыва, 2) идея социальной справедливости, 3) идея доверия. Однако структура смыслов в отношении целей социальной консолидации регионального социума несколько иная в Ростовской области, хотя сам набор смыслов идентичен крымскому. На первую позицию эксперты поставили идею укрепления демократических прав и свобод в регионе. На вторую – идею возрождения России как великой державы, а на третью, соответственно, идею решения остро стоящих социальных проблем в регионе, а также в России, так как третью и четвертую позиции разделяет почти равное количество экспертов, причем, как и первую со второй.

В целом, можно сказать, что такая конфигурация смыслов, не сильно различающаяся по двум изучаемым регионам, позволяет охарактеризовать идею инновационной консолидации Ростовской области на стыке двух смысловых координат консолидации (демократической и державной) при приоритете идеи экономического прорыва. Условно ее назвать можно так – «Россия – экономическая демократическая держава». Этот тип инновационной консолидации, выявленный в соотношении смыслов-идей инновационного развития и социальной консолидации, отражает особенности массового сознания российского общества, которое мировоззренчески разделилось на сторонников демократических устоев и ценностей и прогосударственных, связанных с усилением роли государства, укреплением власти. Очевидно, данный тип инновационной консолидации также не является оптимальным, как и тот, что сложился в Крыму, поскольку в его основе исключают друг друга идеи – державные и демократические. Последние в условиях современных реалий, связанных с обострением международных отношений, специальной военной операцией, а потому их следует рассматривать, скорее, в варианте сохранившихся и желаемых установок. Но, вместе с тем, эти установки подпитываются определенным ресурсным потенциалом в виде четко выраженной ориентации на бизнес и предпринимательство как основных субъектов инновационного развития Ростовской области (в Крыму первенство было отдано государству).

Анализ экспертного мнения показал, что инновационное развитие Ростовской области, как и Республики Крым, не имеет под собой единых идейных оснований с точки зрения самой идеи развития. Она не сформирована на уровне экспертного мнения. Есть основания полагать, что таковой нет и на уровне общественного сознания в регионе. В условиях доминирования государственно-либеральной модели массового сознания и поведения в сочетании ценностей государственного патернализма и либерализма формирование единой идеи развития, в принципе, невозможно.

В силу того, что демократическое будущее уже не видится столь отчетливо, как в 90-е гг., а кризисы на пути демократического транзита все явнее и явнее дают о себе знать, доминантный выбор апробированной (державной) схемы общественного развития вполне объясним, но он тупиковый, поскольку либеральные (демократические) ценности уже тоже достаточно серьезно прижились в массовом сознании и отказаться от них население Юга России не готово (Гражданский патриотизм... 2019). Раскол в массовом сознании на уровне смыслов-идей (державных, демократических) не дает возможность выработать адекватные запросы на перемены, на инновационное развитие стратегии развития.

Литература

Аксенова О. В. Современное развитие. К постановке темы исследования / О. В. Аксенова, И. А. Халий // Вестник Института социологии. – 2018. – Т. 9. – № 1(24). – С. 13–26. – DOI 10.19181/vis.2018.24.1.492. – EDN YUXDGL.

Ассоциация инновационных регионов России. Рейтинг регионов SMART – 2022. – URL: <https://i-regions.org/reiting/reiting-regionov-smart> (дата обращения: 14.01.2023).

Горшков М. К. На переломе веков: социодинамика российской культуры / М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров, О. И. Карпукхин. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. – 703 с. – ISBN 978-5-89697-390-4. – EDN ZNLAIZ.

Гражданский патриотизм и солидаристские практики в локальных сообществах на Юге России / Ю. Г. Волков, А. В. Лубский, Н. К. Бинева [и др.]. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2019. – 392 с. – ISBN 978-5-907231-55-9. – EDN KKTIPC.

Левада-Центр. Проблемы общества – 09 марта. – 2021. – URL: <https://www.levada.ru/2021/03/09/problemu-obshhestva/> (дата обращения: 14.01.2023).

Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России / Н. А. Вялых, А. В. Лубский, Л. Ш. Крупенникова [и др.]. – Ростов-на-Дону: Редакция журнала «Социально-гуманитарные знания», 2017. – 452 с. – ISBN 978-5-91604-026-5. – EDN YVLKGJ.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Рейтинги регионального развития. – 2022. – URL: <https://region.hse.ru/rankingid19> (дата обращения: 14.01.2023).

Российское общество и вызовы времени / М. К. Горшков, В. А. Аникин, Л. Г. Бызов [и др.]. Том Книга 3. – Москва: ООО «Издательство “Весь Мир”», 2016. – 424 с. – ISBN 978-5-7777-0630-0. – EDN WEWCVD.

References

Aksenova O. V. (2018) Modern development. To the formulation of the research topic / O. V. Aksenova, I. A. Khaliy // Bulletin of the Institute of Sociology. – Vol. 9. – № 1(24). – Pp. 13-26. – DOI 10.19181/vis.2018.24.1.492.

Association of Innovative Regions of Russia (2022) Rating of regions SMART. – URL: <https://i-regions.org/reiting/reiting-regionov-smart> (date of application: 14.01.2023).

Gorshkov M. K. (2022) At the turn of the century: sociodynamics of Russian culture / M. K. Gorshkov, S. N. Komissarov, O. I. Karpukhin. – Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. – 703 p. – ISBN 978-5-89697-390-4.

Civic patriotism and solidaristic practices in local communities in the South of Russia (2019) / Yu. G. Volkov, A. V. Lubsky, N. K. Bineeva [et al.] – Rostov-on-Don: Limited Liability Company “Foundation for Science and Education”. – 392 p. – ISBN 978-5-907231-55-9.

Levada Center. Problems of society (2021) – March 09. – URL: <https://www.levada.ru/2021/03/09/problemu-obshhestva> (date of application: 14.01.2023).

Mental programs and modal models of social behavior in the South of Russia (2017) / N. A. Vyalykh, A. V. Lubsky, L. Sh. Krupenikova [et al.]. – Rostov-on-Don: Editorial Office of the journal “Social and Humanitarian Knowledge”. – 452 p. – ISBN 978-5-91604-026-5.

National Research University “Higher School of Economics”. (2022) Regional Development Ratings. – URL: <https://region.hse.ru/rankingid19> (date of application: 14.01.2023).

Russian Society and the challenges of time (2016) / M. K. Gorshkov, V. A. Anikin, L. G. Byzov [et al.]. Volume Book 3. – Moscow: LLC “Publishing House “The Whole World”. – 424 p. – ISBN 978-5-7777-0630-0.

Для цитирования: Узунов В. В. Социальная консолидация как фактор инновационного развития регионов Юга России (по результатам экспертного опроса) // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 174–188.

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.13

EDN ПТJAI

Сведения об авторе

Узунов Владимир Владимирович

Директор, Крымский филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН;
докторант Южного федерального
университета

295021, г. Симферополь,
ул. им. газеты Крымская правда, д. 4,
e-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

История статьи:

Поступила в редакцию – 26.12.2022

Получена в доработанном виде –
18.01.2023

Одобрена – 27.01.2023

Information about author

Vladimir V. Uzunov

Director, Crimean Branch
of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences;
Doctoral student of the Southern Federal
University

295021, Simferopol,
ul. named after the newspaper
Krymskaya Pravda, 4,
e-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ

УДК 316.4

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.14

EDN MRQGFU

Тип статьи в журнале – научная

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ИДЕНТИЧНОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ
И КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТОДОМ
ФОКУС-ГРУППЫ)¹**

**REGIONAL IDENTITY
POLICY IN THE REPUBLIC
OF ADYGEA AND KRASNODAR
REGION (BASED ON FOCUS-
GROUP DISCUSSION)²**

© 2023 г.

*И. В. Киреева**

*Е. С. Куква**

*С. А. Ляушева**

© 2023

*I. V. Kireeva**

*E. S. Kukva**

*S. A. Lyausheva**

** Адыгейский государственный
университет, г. Майкоп, Россия*

** Adyghe State University,
Maikop, Russia*

Цель исследования – показать представление интеллектуальной и политической элиты Республики Адыгея и Краснодарского края о региональной политике идентичности, ее специфике и основных акторах, совместимости различных идентичностей в поликультурном обществе. Приведены результаты исследования, проведенного методом фокус-группы, участниками которой стали ученые и политики обоих регионов.

Objective of the study is to show the ideas of the intellectual and political elite of the Republic of Adyghea and Krasnodar Krai about the regional identity policy, its specifics and main actors, the compatibility of different identities in a multicultural society. The results of the focus group, which was attended by scientists and politicians from both regions, are presented.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2022-0001 «Региональная политика идентичности в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов (на примере Республики Адыгея и Краснодарского края)».

² The research was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation within the framework of the state assignment for ASU research under the project No. FENZ-2022-0001 “Regional identity policy in the context of modern geopolitical and socio-cultural challenges (on the example of the Republic of Adyghea and Krasnodar Krai)”.

Методологическая база исследования. Проведенное исследование основывается на положениях о многоуровневости идентичностей, междисциплинарности и системном подходе. Качественный анализ текстов группового интервью позволил проанализировать шесть групп эмпирических индикаторов: 1) роль власти в политике идентичности, 2) специфику региональной политики идентичности, 3) развитие национально-гражданской идентичности, 4) совместимость идентичностей, 5) практики региональной политики идентичности, 6) перспективы региональной политики идентичности.

Результаты исследования. Специфика политики идентичности в Республике Адыгея и Краснодарском крае обусловлена полиэтничным составом регионов; ролью национально-культурных организаций, которые являются и акторами, участвующими в ее формировании и реализации, и объектами воздействия; личным участием главы региона в выстраивании позитивной идентичности; сочетанием, с одной стороны, конструктивизма, когда осуществляется целенаправленная, системная деятельность власти по формированию той или иной идентичности, с другой – стихийности протекающих процессов. Также формирование ценностей, реализация практик, направленных на совместимость идентичностей в регионе, является важной характеристикой региональной политики идентичности. В обоих регионах в целом есть понимание развития национально-государственной, гражданской идентичностей, при этом оно происходит как через прямое воздействие на формирование идентичности, так и через другие социальные институты, такие как семья, образование, СМИ и т. д.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим научным осмыслением потенциала политики идентичности в целом и региональной политики идентичности в частности, векторов ее развития, идентификационных процессов на Юге России в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов.

The methodological basis of the research. The conducted research is based on the provisions on multilevel identities, interdisciplinarity and a systematic approach. A qualitative analysis of the texts of the group interview allowed us to analyze six groups of empirical indicators: 1) the role of government in identity policy, 2) the specifics of regional identity policy, 3) the development of national and civic identity, 4) compatibility of identities, 5) practices of regional identity policy, 6) prospects of regional identity policy.

Research results. The specifics of identity policy in the Republic of Adygea and the Krasnodar Territory are due to the polyethnic composition of the regions; the role of national cultural organizations, which are both actors involved in its formation and implementation, and objects of influence; the personal participation of the head of the region in building a positive identity; a combination, on the one hand, of constructivism, when purposeful, systemic activities of the authorities are carried out on the formation of one or another identity, on the other hand, the spontaneity of the ongoing processes. Also, the formation of values, the implementation of practices aimed at the compatibility of identities in the region is an important characteristic of the regional identity policy. In both regions, in general, there is an understanding of the development of national-state, civic identities, while it occurs both through direct influence on the formation of identity, and through other social institutions, such as family, education, media, etc.

Prospects of the study are connected with further scientific understanding of the potential of identity politics in general and regional identity politics, in particular, the vectors of its development, identification processes in the South of Russia in the context of modern geopolitical and socio-cultural challenges.

Ключевые слова: региональная политика идентичности; уровни идентичности; полиэтничное общество; совместимость идентичностей; национально-гражданская идентичность; практики; фокус-группа; Республика Адыгея; Краснодарский край.

Keywords: regional identity policy; identity levels; multiethnic society; compatibility of identities; national-civil identity; practices; focus group; Republic of Adygea; Krasnodar Region.

Введение

В настоящее время наблюдается активизация региональной политики идентичности, что является, с одной стороны, ответом на те стратегические цели и ориентиры, которые определяются федеральной властью, а с другой – стремлением сохранить этническое, культурное, религиозное разнообразие в условиях нестабильности и глобальных вызовов. Сегодня Россия находится в состоянии самоопределения своего пути и места в мировом сообществе. В этой связи выстраивается новое ценностно-нормативное, коммуникационное пространство, которое выходит за пределы отдельных видов идентичностей и предполагает их комбинацию с целью консолидации российского социума. Значимую роль в этом процессе играют регионы, активно формирующие политику идентичности с учетом социокультурных особенностей и в соответствии с общегосударственными задачами. Республика Адыгея и Краснодарский край, представляющие сложные полиэтнические общества, являются социокультурным пространством, где остро стоят вопросы сосуществования разных уровней идентичности. Особенно актуализируется данный вопрос в связи ростом потока мигрантов и лиц, получивших временное убежище, прежде всего на территорию Краснодарского края, из новых субъектов Российской Федерации. По данным Росстата, за первое полугодие 2022 г. общий миграционный прирост в Краснодарском крае составил 3401 человек; число лиц, получивших временное убежище – 4167 человек¹. Поэтому исследование потенциала региональной политики идентичности приобретает особую научную и практическую значимость.

Методы

Актуальность изучения региональной политики идентичности обуславливает необходимость введения новых эмпирических данных, позволяющих проследить текущие изменения в рассматриваемых регионах. К настоящему времени накоплен большой опыт в исследовании проблем идентичности, в том числе в Республике Адыгея и Краснодарском крае, в частности особенностей этнополитических отношений (Баранов, 2019;

¹ Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Доклад Росстата «Социально-экономическое положение России (январь-июль 2022 г.). – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-07-2022.pdf> (дата обращения: 12.01.2023).

Юрченко, 2019), вопросов российской идентичности на Юге России (Информационно-аналитический бюллетень, 2021; Общероссийская гражданская идентичность, 2020), идентификационных маркеров российского федерализма и регионализма (Идентификационные маркеры... 2022) и др.

С опорой на имеющиеся исследования в ноябре 2022 года нами проводилось социологическое исследование состояния, специфики и перспектив политики идентичности в Республике Адыгея и Краснодарском крае. Применялся метод фокус-группы. Целевую группу составили эксперты в области межнациональных отношений и политики идентичности (ученые, исследующие проблему идентичности, и представители органов власти, отвечающие за формирование и реализацию региональной политики идентичности). Количество участников фокус-группы – 11 человек, из них доля ученых – 72,7 %, доля представителей власти – 27,3 %.

При составлении путеводителя фокус-группы проведена операционализация понятия «региональная политика идентичности» на основании следующих эмпирических индикаторов, установлена взаимосвязь между ними: региональная власть; политика идентичности; вызовы современности; специфика региональной политики идентичности; система региональной политики идентичности; национально-гражданская идентичность; совместимость идентичностей; практики региональной политики идентичности; ресурсы региональной политики идентичности; перспективы региональной политики идентичности; инструменты региональной политики идентичности. Выбранные индикаторы были объединены в группы, позволяющие проследить взаимосвязь между разными эмпирическими понятиями: 1) Роль власти в политике идентичности. 2) Специфика региональной политики идентичности. 3) Развитие национально-гражданской идентичности. 4) Совместимость идентичностей. 5) Практики региональной политики идентичности. 6) Перспективы региональной политики идентичности.

Следует также отметить, что ключевыми методологическими положениями проводившегося исследования стали:

– междисциплинарный подход, позволяющий проследить механизмы развития различных уровней идентичностей и идентификационных процессов (Дробижева, 2020);

– концепция многоуровневой идентичности, трактующая социальную идентичность (с опорой на теорию Э. Эриксона) с точки зрения полипарадигмальности, рассматривающая уровни идентичностей как взаимопроницающие и взаимодополняющие друг друга (Российская идентичность на Северном Кавказе, 2010);

– принцип системности, позволяющий изучить не только внутреннюю структуру отношений, но и взаимодействие идентификационных процессов с внешними системами.

Результаты

Далее будут рассмотрены некоторые результаты проведенного исследования, представлен анализ по каждой из обозначенных групп эмпирических показателей.

1. Оценка роли власти в политике идентичности позволила выявить следующие позиции. Во-первых, в оценках экспертов наблюдается фокусировка внимания на стратегических документах, в которых отражены основные направления национальной политики¹, а также деятельности ключевых государственных институтов в данной области. Во-вторых, роль власти рассматривается сквозь призму тех специфических ресурсов (административных и финансовых), которыми она обладает для реализации политики идентичности. В-третьих, рассмотрение роли власти в политике идентичности осуществляется с позиции ключевых вызовов современности, которые воздействуют на этнокультурное развитие общества, трансформируя его. В-четвертых, решающее значение приобретает мировоззренческая, ценностная составляющая политики идентичности, при этом отмечается, что государство формирует определенную идеологическую систему. В целом участники фокус-группы высоко оценивают роль власти в политике идентичности, полагая что *«власть не только может, но и обязана участвовать в ее формировании и реализации»*.

2. Специфика региональной политики идентичности. Это ключевой вопрос, поскольку ответ на него дает понимание особенностей формирования и реализации совокупности ценностных ориентиров, практик и инструментов поддержания и развития национальной (национально-государственной), гражданской, этнической и иных форм идентичности в регионе с участием органов власти. Первая особенность, на которую обращают внимание эксперты, это полиэтнический состав Республики Адыгея и Краснодарского края: *«специфика региональной политики идентичности базируется на этнокультурных ценностях нашего региона – уникального цивилизационного пространства. Ю. А. Жданов сказал, что “Кавказ – солнечное сплетение Евразии”. Это та среда, которая способна при многообразии, наличии высокой интенсивности межкультурных связей, сохранить или дать право на сохранение своей идентичности*

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 12.01.2023).

каждому народу. При очень высокой степени интенсивности взаимодействия мы не потеряли ни одной культуры».

Следующая особенность связана с возможностью выстраивания взаимодействия региональной власти с общественными, национально-культурными объединениями и обществами. При этом отмечается, что *«выработка многих вопросов, постановка проблем осуществляется именно представителями национальных культур, общественных организаций, они способны донести реалии, проблемы. Реакция на то, что предлагают представители организаций, мгновенная. Глава республики прислушивается к лидерам общественных организаций, понимая, что они несут слово народа».* Представители национальных обществ принимают участие во всех мероприятиях, организуемых в регионе. Это взаимодействие направлено на то, чтобы *«дать почувствовать, что они и этническая группа, и в то же время жители республики, россияне».* Можно сказать, что национально-культурные организации являются неотъемлемым элементом региональной политики идентичности и как акторы, которые участвуют в ее формировании и реализации, и как объекты воздействия (речь идет о различных формах поддержки со стороны региональной власти).

Особенностью является выстраивание позитивной идентичности через личное участие главы региона. Это обусловлено, в первую очередь, уровнем доверия общества. Проведенное в 2021 году исследование установило следующий факт: в ряду политических и социальных институтов самый высокий индекс доверия в Адыгее – у главы республики. В Краснодарском крае – индекс доверия губернатору немного ниже, на первую позицию выходит Президент РФ (Пандемия... 2022).

Понимание специфики региональной политики идентичности, по мнению экспертов, зависит во многом от ракурса ее рассмотрения: *«это некий административный ресурс, создание какой-то идеологии? Это инструмент управления обществом? Или это способ консолидации общества вокруг тех ценностей, которые исторически сложились?».* И дальше возникает еще один вопрос: *«региональная политика идентичности – это некая искусственная вещь, которая продумана? Или это процесс, который идет естественным путем, из общества, из гражданских институтов?».* Сочетание «искусственности» и «естественности» формирует специфику региональной политики идентичности. Это подтверждается и мнением экспертов: *«В Республике Адыгея проживает 109 национальностей. Богом данная стабильность межнациональных отношений, в то же время является результатом каждодневной работы органов власти, общественных организаций, образовательных учреждений»;* *«...формируемая политическая идеология, политика*

идентичности в Краснодарском крае должна учитывать исторические факты, ментальные особенности, нравы, обычаи и традиции людей, живущих на данной территории».

Вопрос об «искусственности» и «естественности» рассматривается некоторыми экспертами как сочетание, с одной стороны, конструктивизма, когда осуществляется целенаправленная, системная деятельность по формированию той или иной идентичности, с другой – стихийности протекающих процессов. В Республике Адыгея *«два уровня, близких к административно-территориальным границам, это национальная идентичность и региональная идентичность, и в них больше политики, больше конструирования. Чуть меньшая доля – в этнической идентичности. В Республике Адыгея региональная идентичность очень слабая».*

3. Совместимость идентичностей в регионе. Важной характеристикой, позволяющей говорить о специфике региональной политики идентичности, является формирование ценностей, реализация практик, направленных на совместимость идентичностей в регионе. Одной из таких ценностей в Республике Адыгея является, по мнению экспертов, развитие: *«...на региональном уровне политика идентичности по факту складывается так, что деятельность власти нацелена на то, чтобы сформировать позитивный образ регионального сообщества. Ключевым аспектом является ценность развития региона, его достижения, инфраструктура во всех социально-ориентированных областях, туризме, культуре. Это можно проследить из практик».*

При оценке потенциала совместимости идентичностей также необходимо учитывать возможности инструменталистского подхода, *«когда идентичность определяется тем, насколько те или иные факторы принадлежности к той или иной группе дают какие-то бонусы носителю этой идентичности».* Речь может идти о так называемой *«спящей идентичности... например, когда человек в России, не чувствуя себя представителем российской нации и называющий себя носителем малой народности, прибыв в другую страну, по отношению к жителям другой страны начинает идентифицировать себя как россиянин. Его идентичность просыпается. Находясь в нашей стране, общая идентичность может засыпать, а этническая просыпаться. Какие причины активизации или дезактивации тех или иных видов идентичности? Какие триггеры включают или выключают идентичность?».* В данном контексте важным является деятельность государства по улучшению качества жизни населения: *«Государство должно решать проблемы граждан, улучшать уровень и качество их жизни, открыто вести свою деятельность, тогда вопросы о гражданской принадлежности жителей того или иного региона*

или страны будут подниматься не так часто». Инструменталистский поход позволяет, по мнению экспертов, установить, что *«люди чувствуют свою принадлежность к той или иной группе, готовы активизировать ту или иную идентичность, когда это приносит положительные результаты, если в этом есть необходимость»*.

4. Понимание развития национально-государственной, гражданской идентичности. Последние события ярко демонстрируют стремление региональной власти соответствовать общегосударственным задачам по развитию гражданского самосознания, чувства единства россиян перед лицом вызовов. По мнению экспертов, *«на основе гражданской, национальной идентичности выстраивается само понятие “российский народ”*. Через уникальность каждого народа, через определение гражданином своей принадлежности к той или иной нации, народу, национальности (в нашей стране проживают 190 народов по последней переписи), можно прийти к понятию “россиянин”, когда человек гордится своим народом, но в то же время готов узнать что-то о другом народе, чтобы в единстве выразить сущность нашего большого российского государства». Это сложная задача, решение которой во многом затруднено тем, что *«сама гражданская идентичность не сформировалась в максимальной степени в нашей стране. Увы, не все «россияне» в той степени, как хотелось бы...»*. События последнего времени подтверждают это. В качестве примера эксперты приводят факт *«массового бегства из страны с начала СВО и частичной мобилизации – кейс, когда общероссийская идентичность не включилась, а включилась какая-то другая идентичность, например, европейская, общечеловеческая, азиатская»*. В данном случае роль власти может выражаться не столько в прямом воздействии на формирование идентичности, сколько косвенном – через другие социальные институты, такие как семья, образование, СМИ: *«Изначально, большую роль на национально-гражданскую идентичность оказывает семья и ближайший круг общения, далее система образования воспитывает и прививает чувство патриотизма и гражданской принадлежности, за счет патриотических мероприятий в различных формах, СМИ дают идеологический настрой. Большую опасность, для усомнения в привитых ценностях дает распущенность интернет пространства, и в зависимости от тех пабликов, и страниц сети Интернет, которые смотрят граждане, зависит непоколебимость их гражданской позиции или отказ от нее»*.

5. Практики региональной политики идентичности. Это совокупность конкретных формальных и неформальных повторяющихся действий индивидов, групп, общностей, организаций в реальном времени и

пространстве, обеспечивающих формирование, поддержание и реализацию региональной политики идентичности. Анализ результатов исследования, проведенного методом фокус-группы, позволяет выделить следующие практики в Республике Адыгея и Краснодарском крае:

– сохранение родного языка (конкурсы преподавателей родных языков, авторов переводов; конкурсы чтения на родном языке, сочинений; акция «100 лучших чтецов адыгских авторов мира»; этнические уголки в детских садах; региональные конкурсы обрядов; фестивали; действует проектный офис по сохранению языка – Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований).

– оказание финансовой поддержки национально-культурным объединениям и традиционным религиозным организациям на реализацию их уставных целей;

– проведение в Республике Адыгея Дней русской и Дней адыгской культуры;

– практики, связанные с развитием туризма (*«например, фестиваль адыгейского сыра, который отмечают уже 11-й раз. Это путь к бренду республики. У многих будет звучать понятие “Лагонаки”. Это целенаправленные, конкретные шаги. И дорожное строительство на это направлено. Открытие памятника Хакурате, это и туристическая зона в городе, и включение территории вокзала в общекультурное пространство»*).

– проведение мероприятий патриотической направленности (*«на территории г. Краснодара регулярно проходят патриотические мероприятия в рамках конкурса оборонно-массовой и военно-патриотической работы памяти маршала Жукова Г. К., масштабные массовые мероприятия к Дню Победы, к Дню российского флага и т. д. В рамках последних событий регулярно проводят концерты и сбор гуманитарной помощи в поддержку СВО»*).

– развитие центров национальных культур (*«В Краснодарском крае существуют центры национальных культур (г. Краснодар, Сочи, Армавир и Новороссийск), более 50 национально-культурных общественных объединений, которые проводят мероприятия в рамках решения задач по укреплению межнационального мира и согласия. Большая часть финансирования (часто полное) выделяется из средств федерального или регионального бюджета»*).

В то же время данные практики, по мнению некоторых экспертов, являются *«разрывами повседневности»*. Ярмарки, фестивали, конкурсы – *«это особые ритуализированные вещи, которые имеют кратковременный эффект и способность к угасанию. Человек включается в*

повседневный быт, и его позитивные эмоции стираются. Важно понять как эти элементы встраивать в повседневность, чтобы человек каждый день ассоциировал себя с той или иной группой?». В этой связи можно рассматривать перспективы развития региональной политики идентичности, ее возможности создать условия для встраивания в повседневность важнейших идентификационных маркеров.

6. Перспективы региональной политики идентичности.

Проанализировав позиции участников фокус-группы, можно выделить следующие векторы.

Во-первых, отмечается необходимость развивать взаимодействие региональной власти и научного сообщества, в том числе через проведение на регулярной основе дискуссионных площадок, которые помогут выстроить единое понимание и дадут возможность *«говорить на одном языке»*; *«при принятии решений необходимо учитывать мнение экспертов»*.

Во-вторых, и в Республике Адыгея, и в Краснодарском крае перспективы региональной политики идентичности неразрывно связаны с развитием туристического кластера.

В-третьих, подчеркивается важность развития *«мировоззренческой стороны»*, когда речь идет о практиках *«встраивания прошлого, настоящего, будущего. Чтобы ощущать себя членом группы, нужно общее ощущение прошлого, что вы в одном пространстве настоящего и у вас есть общее будущее. Особенно остро стоит проблема в отношении будущего: люди видят разные варианты»*. Тут же и представление об *«исторической травме, которая может стать фактором разъединения, разрыва связей. За этим надо следить. И подойти серьезно к объяснению этих исторических разрывов, вызовов. Через какие институты это сделать? Важно в региональной политике идентичности формирование идеологического пространства, которое будет передавать исторический опыт»*.

И, наконец, развитие символических ресурсов региональной политики идентичности, которым все больше и больше уделяется внимание в рассматриваемых регионах, но их потенциал еще не до конца реализован.

Выводы

Анализ результатов проведенного исследования позволил прийти к некоторым выводам.

Эксперты высоко оценивают роль власти в политике идентичности.

Специфика политики идентичности в Республике Адыгея и Краснодарском крае обусловлена полиэтничным составом регионов; ролью национально-культурных организаций, которые являются и акторами, участвующими в ее формировании и реализации, и объектами воздействия; личным участием главы региона в встраивании позитивной

идентичности; сочетанием, с одной стороны, конструктивизма, когда осуществляется целенаправленная, системная деятельность власти по формированию той или иной идентичности, с другой – стихийности протекающих процессов. Также формирование ценностей, реализация практик, направленных на совместимость идентичностей в регионе, является важной характеристикой региональной политики идентичности.

Эксперты сошлись во мнении, что в регионах сложилось понимание развития национально-государственной, гражданской идентичности, при этом оно происходит не только через прямое (жесткое) воздействие на формирование идентичности, но и косвенное (мягкое) – через другие социальные институты, такие как семья, образование, СМИ.

В Республике Адыгея и Краснодарском крае существуют разнообразные практики региональной политики идентичности.

Перспективы реализации региональной политики идентичности в ближайшем будущем видятся в усилении потенциала использования символических ресурсов в регионе, ресурсов по развитию мировоззренческой картины (формирование представления о прошлом, настоящем и будущем), взаимодействию власти и научного сообщества, а также создании условий для встраивания в повседневность важнейших идентификационных маркеров, в том числе через развитие региона в социально-экономической сфере, что влияет на качество жизни населения и соответственно способствует укреплению позитивной идентичности, снижению конфликтности и повышению уровня солидарности идентичностей.

Литература

Баранов А. В. Этнополитические отношения и их регулирование в приграничных регионах России (на примере Краснодарского края) / А. В. Баранов, В. В. Skorobogatov // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 9(74). – С. 13–18. – DOI 10.24158/pep.2019.9.1. – EDN JHTEM.

Дробизжева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения / Л. М. Дробизжева // Социологические исследования. – 2020. – № 8. – С. 37–50. – DOI 10.31857/S013216250009460-9. – EDN IZTYSH.

Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Межнациональные отношения и российская идентичность в сложных условиях пандемии COVID-19. – 2021. – № 1. – 58 с. – DOI:

References

Baranov A. V. (2019) Ethnopolitical relations and their regulation in the border regions of Russia (on the example of the Krasnodar Territory) / A. V. Baranov, V. V. Skorobogatov // Society: politics, economics, law. – No.9(74). – Pp. 13-18. – DOI 10.24158/pep.2019.9.1.

Drobizheva L. M. (2020) Russian identity: the search for definition and dynamics of distribution / L. M. Drobizheva // Sociological research. – No. 8. – Pp. 37-50. – DOI 10.31857/S013216250009460-9.

Information and Analytical Bulletin (INAB) (2021) Interethnic relations and Russian identity in the difficult conditions of the COVID pandemic-19. – No. 1. – 58 p. – DOI: 10.19181/INAB.2021.1. – URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=9453 (date of application: 12.01.2023).

10.19181/INAB.2021.1. – URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=9453 (дата обращения: 12.01.2023).

Мчедлова Е. М. Отношение к ценностям в регионах России (в кризис и на будущее) / Е. М. Мчедлова // Идентификационные маркеры российского федерализма и регионализма: материалы всероссийской научно-практической конференции: к 100-летию государственности Республики Адыгея, Майкоп, 20–21 мая 2022 года. – Майкоп: ООО «Электронные издательские технологии», 2022. – С. 194–201. – EDN VFCXZA.

Пандемия COVID-19 как вызов власти и обществу: политико-социологический взгляд: монография / З. А. Жаде, Н. А. Ильинова, И. В. Киреева и др. – Майкоп, 2022. – 218 с.

Российская идентичность на Северном Кавказе: The Russian identity in the North Caucasus / З. А. Жаде, Е. С. Куква, С. А. Ляушева, А. Ю. Шадже; науч. ред. А. Ю. Шадже; М-во образования и науки Российской Федерации, Адыгейский гос. ун-т, Российское философское о-во. – Майкоп: Социально-гуманитарные знания, 2010. – 248 с. – ISBN 978-5-901715-88-8. – EDN QOLUWV.

Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) ГАРАНТ (garant.ru). – URL: <https://base.garant.ru/70284810> (дата обращения: 12.01.2023).

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 12.01.2023).

Юрченко И. В. Развитие этнополитических отношений на Юге России (на материалах Краснодарского края и Республики Адыгея) / И. В. Юрченко, Н. Н. Юрченко, М. В. Донцова // Вестник Брянского государственного университета. – 2019. – № 3. – С. 97–104.

Mchedlova E. M. (2022) Attitude to values in the regions of Russia (in crisis and for the future) / E. M. Mchedlova // Identification markers of Russian federalism and regionalism: materials of the All-Russian scientific and practical conference: to the 100th anniversary of statehood of the Republic of Adygea, Maykop, May 20-21. – Maykop: Electronic Publishing Technologies LLC. – Pp. 194-201.

The COVID-19 pandemic as a challenge to the authorities and society: a political and sociological view: monograph (2022) / Z. A. Zhade, N. A. Ilyinova, I. V. Kireeva et al. – Maykop. – 218 p.

Russian Identity in the North Caucasus: The Russian identity in the North Caucasus (2010) / Z. A. Zhade, E. S. Kukva, S. A. Lyausheva, A. Yu. Shadzhe; scientific ed. A. Yu. Shadzhe; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Adygea State University, Russian Philosophical Society. – Maykop: Social and humanitarian knowledge. – 248 p. – ISBN 978-5-901715-88-8.

Decree of the President of the Russian Federation dated 19.12.2012 N 1666 “On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025” (with amendments and additions) GUARANTOR (garant.ru). – URL: <https://base.garant.ru/70284810> (date of application: 12.01.2023).

Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated 09.11.2022 // Official Internet portal of legal Information (pravo.gov.ru). – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (date of application: 12.01.2023).

Yurchenko I. V. (2019) The development of ethno-political relations in the South of Russia (based on the materials of the Krasnodar Territory and the Republic of Adygea) / I. V. Yurchenko, N. N. Yurchenko, M. V. Dontsova // Bulletin of the Bryansk State University. – No. 3. – Pp. 97-104.

Federal State Statistics Service (Rosstat) (2022) Rosstat report «Socio-economic situation of Russia» (January-July) – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-07-2022.pdf> (date of application: 12.01.2023).

Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Доклад Росстата «Социально-экономическое положение России» (январь-июль 2022 г.) – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-07-2022.pdf> (дата обращения: 12.01.2023).

Для цитирования: Киреева И. В., Куква Е. С., Ляушева С. А. Региональная политика идентичности в Республике Адыгея и Краснодарском крае (по материалам исследования методом фокус-группы) // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 189–201.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.14
EDN MRQGFU

Сведения об авторах

Киреева Ирина Владимировна
Кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета

385000, Республика Адыгея,
г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208,
e-mail: klushina@list.ru

Куква Елена Сергеевна

Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета

385000, Республика Адыгея,
г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208,
e-mail: kukva@rambler.ru

Ляушева Светлана Аслановна

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета

385000, Республика Адыгея,
г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208,
e-mail: slyausheva@list.ru

История статьи:

Поступила в редакцию – 10.10.2022

Получена в доработанном виде –
25.11.2022

Одобрена – 02.12.2022

Information about authors

Irina V. Kireeva
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University

385000, Republic of Adyghea,
Maikop, st. Pervomaiskaya, 208,
e-mail: klushina@list.ru

Elena S. Kukva
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University

385000, Republic of Adyghea,
Maikop, st. Pervomaiskaya, 208,
e-mail: kukva@rambler.ru

Svetlana A. Lyausheva
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University

385000, Republic of Adyghea,
Maikop, st. Pervomaiskaya, 208,
e-mail: slyausheva@list.ru

УДК 316.477

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.15

EDN NTEMHZ

Тип статьи в журнале – научная

**РОЛЬ КОНЦЕПТА
ЭКОЛОГИЗМА
В ФОРМИРОВАНИИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОДА
ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЫХ
КРЫМЧАН**

**THE ROLE OF THE CONCEPT
OF GREENING IN THE
FORMATION OF THE SOCIO-
CULTURAL CODE
OF BEHAVIOR
OF YOUNG CRIMEANS**

© 2023 г.

М. Г. Магомедов*

В. И. Мукомель**

© 2023

M. G. Magomedov*

V. I. Mukomel**

* *Донской государственный технический университет,*

г. Ростов-на-Дону, Россия

** *Институт социологии Федерального центра теоретической и прикладной социологии Российской академии наук*

* *Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia*

** *Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences*

Цель исследования заключается в обосновании роли концепта экофильно ориентированного поведения в обеспечении социокультурного синтеза как условия социальной адаптации молодых крымчан.

Objective of the study is to substantiate the role of the concept of ecophilically oriented behavior in ensuring sociocultural synthesis as a condition for the social adaptation of young Crimeans.

Методологическая база исследования представлена междисциплинарным социокультурным подходом как гносеологическим комплексом познавательных средств, направленных на обоснование роли концепта экофильно ориентированного поведения в обеспечении социокультурного синтеза как условия социальной адаптации молодых крымчан.

The methodological basis of the research is presented by an interdisciplinary sociocultural approach as an epistemological complex of cognitive means aimed at substantiating the role of the concept of ecophilically oriented behavior in ensuring sociocultural synthesis as a condition for social adaptation of young Crimeans.

Результаты исследования. В статье проанализирован недостаточно разработанный в отечественной социологии аспект проблемы использования потенциала концепта экофильно ориентированного поведения в обеспечении социокультурного синтеза как

Research results. The article analyzes the aspect of the problem of using the potential of the concept of ecophilically oriented behavior in providing sociocultural synthesis as a condition for the social adaptation of young people, which has not been sufficiently developed in Russian

условия социальной адаптации молодежи. Выявлены типичные формы молодежных социальных практик, способствующие преодолению барьеров, препятствующих смене парадигмы ценностной ориентации молодых россиян с потребительской на экофильно-креативную, гармонизации этноконфессиональных отношений.

Перспективы исследования связаны с углубленной разработкой теоретико-концептуальных оснований решения актуальной научной проблемы формирования модели обеспечения органами государственной власти и институтами гражданского общества в Российской Федерации перехода к акценту на сознательно-ответственный тип экологического поведения молодежи как условия ее социальной адаптации в процессе участия в созидании инновационного экологического технологического уклада.

Ключевые слова: молодежь; экофильность; социокультурный синтез; этноконфессиональные традиции; экологическое поведение; экологичный техноуклад.

sociology. Typical forms of youth social practices are identified that contribute to overcoming barriers that prevent the paradigm shift of the value orientation of young Russians from consumer to ecophilic-creative, harmonization of ethno-confessional relations.

Prospects of the study are related to the in-depth development of theoretical and conceptual foundations for solving the actual scientific problem of forming a model for ensuring the transition by state authorities and civil society institutions in the Russian Federation to an emphasis on a consciously responsible type of environmental behavior of young people as a condition for their social adaptation in the process of participating in the creation of an innovative environmentally friendly technological structure.

Keywords: youth; ecophilicity; sociocultural synthesis; ethno-confessional traditions; environmental behavior; eco-friendly technology.

Введение

В свете вызовов специальной военной операции, обостривших значимость усилий российского сообщества по углублению гармонизации межэтнических отношений, вновь возникает необходимость обратиться к фундаментальным положениям теории социокультурного синтеза, нашедшим свое обоснование как в трудах корифеев социологии и этнологии П. А. Сорокина (Сорокин, 1997; Сорокин, 2006) и Л. Н. Гумилёва (Гумилёв, 2003), так и их современных последователей (Андреев и др., 2003; Экософия права, 2016). Активизация враждебных происков политических элит так называемого «золотого миллиарда», ярко проявившаяся в их усилиях по подрыву этноконфессионального согласия как в пределах всего ареала постсоветского пространства, так особенно в тех регионах России, как, например, в недавно воссоединившемся с нею Крыму, в которых еще полностью не преодолен определенный «осадо́к» в восприятии и оценке частью представителей населяющих их этносов драматических и трагических событий советского прошлого, которые оставили глубокий и довольно болезненный след в их исторической памяти, требует от российских обществоведов адекватного ответа для обеспечения

комплексного подхода по осуществлению стратегии патриотического и интернационального воспитания. При этом одним из ключевых аспектов указанного процесса является использование в качестве консолидирующего фактора «позитивной поляризации» социокультурных субъектов экологизационного формата их взаимоотношений.

О такого рода акценте в гармонизации межнациональных отношений, как отметил, например, выдающийся кавказовед Ю. А. Жданов в работе «Государство-континент», высказался еще автор ноосферной теории В. И. Вернадский (Авдулов, 2014). Именно он и заложил традицию органичного соотнесения социальной и природной реальности как критерия обоснования субъектной ответственности человечества за обеспечение здоровой целостности биосферы.

**Актуальные особенности решения проблемы обеспечения
социокультурного синтеза как условия социальной адаптации
молодых крымчан в процессе созидания инновационного
экологичного техноуклада**

Для Крымского региона возможность применения вышеуказанного подхода вполне естественно укладывается в особенности нетривиального формата взаимодействия тех этносов, которые численно доминировали в течение многих веков на территории полуострова, – русского, армянского, греческого и крымскотатарского. Впрочем, в отечественной научной литературе, содержащей богатый эмпирический и аналитический материал по этноконфессиональной проблематике (Дробижева, 2013; Касьянов, 2015; Российская идентичность в условия трансформации... 2005), еще недостаточно исследован именно «крымский аспект».

Учитывая эти обстоятельства, полагаем, что выявление крымской специфики в контексте обобщения опыта гармонизации этноконфессиональных отношений на современном этапе развития страны, наряду с учетом общероссийских наработок в плане данной проблематики, позволит существенно продвинуться, в частности, в аспекте понимания путей социальной адаптации молодого поколения крымчан к процессу их интеграции в социально-правовое пространство Российской Федерации. При этом значимым является уточнение особенностей этноконфессионального взаимодействия в регионе на основе представления о вкладе в данный процесс разных крымских этносов и включения их, в креативную совместную деятельность на почве заботы о сохранении и приумножении курортно-рекреационного потенциала полуострова.

Вышеуказанное, в частности, актуализируется в контексте попыток, проникнутых идеями национальной исключительности украинцев современных политических кругов Украины вкупе с западными горе-

геополитиками использовать для дестабилизации межнационального согласия в Республике Крым так называемой «проблемы коренных народов Крыма». Об этом свидетельствуют усилия указанных политических кругов по законодательному оформлению «положения о коренных народах Украины», в котором таковыми определяются крымские татары, крымчаки, караимы. Подобные псевдоправовые новеллы нацелены на провоцирование недоверия между этническими общинами, исторически сформировавшимися на территории Крымского полуострова и всей своей современной деятельностью доказывающими рациональную толерантность. Но в целом, бесспорно, что как и указанные провокационные действия, обречены на провал и попытки в целях деформации процесса формирования у молодых крымчан достоверной исторической памяти использовать антироссийскую псевдоидеологему о необходимости для россиян признать свою вину перед жертвами политических репрессий из числа ряда крымских этносов, фальсифицирующую смысл комплекса мер, предусмотренных законодательными актами Российской Федерации в аспекте реабилитации субъектов этнического переселения из Крыма в 1944 г.

Ныне к указанным обстоятельствам в условиях разворачивающейся специальной военной операции добавились и подрывные действия спецслужб Украины и их западных кураторов с целью дисгармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений на территории Республики Крым, особо направленные на инициирование противоправных протестных акций среди молодежи призывного возраста.

Концептуальное обоснование решения проблемы

Складывающаяся в данных условиях ситуация, оказывая неоднозначное влияние на динамику настроения особенно молодых крымчан, обуславливает необходимость перестраивать воспитательный процесс с ними на основе внедрения экокультурных императивов. Концептуальный смысл такой направленности воспитания молодежи региона как раз и состоит в том, чтобы интегрировать ее вокруг реализации целей национального развития РФ на основе подобных объединяющих весь крымский социум экокультурных императивов и задач. Это открывает возможности для концептуально-методологического обновления всей образовательной системы региона на экофильных основаниях. Искомые условия трансформации мировоззрения прежде всего ее участников – педагогов и их воспитанников – в данной связи позволят достичь желаемого результата – обеспечить консолидацию усилий государственных и общественных институтов вокруг общей для них цели: внедрения в молодежной среде региона, ее социальной практике общезначимых экокультурных императивов поведения. Это в полной мере согласуется с положениями

федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России».

Практическая результативность данного подхода состоит в использовании естественных ресурсов креативности молодых людей, выражающихся в их предрасположенности к творческому самовыражению. Показательной в этом смысле является практика использования в молодежной среде экокультурных инициатив.

Одним из примеров использования воспитательного потенциала указанных практик является, в частности, совместная работа институтов государственной власти Крымского региона по всей вертикали субординации их органов, но прежде всего Государственного комитета по делам межнациональных отношений Республики Крым, Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Дом дружбы народов», с институтами гражданского сообщества крымчан, включая разнообразные форматы студенческого самоуправления крымских вузов, и этническими общинами Крыма. Комплексность этому сотрудничеству придает особый формат общения заинтересованных участников данного процесса, организованного на ментальной площадке фестиваля «Дружбы народов Крыма». Эта работа носит системный, непрерывный характер, включая определенные этапы подготовки его молодых участников к финальным мероприятиям, которые проходят каждый год в конце апреля. При этом одним из «сквозных» организационных элементов совокупности присущих ему тематических аспектов выступает именно экологический компонент. Он находит отражение в содержании озвучиваемых молодыми исполнителями художественных, в частности, литературных и музыкальных произведений, представлении танцевальных номеров, презентациях научных сообщений в рамках студенческой конференции и конкурсах ремесленного мастерства и кулинарии, которые в своей совокупности раскрывают чувство любви этносов к природе родного края, императив гармонии социума и экосферы как условия благополучия всех форм жизни, представленных биогеоценозами полуострова. За счет привлечения к подготовке и проведению отдельных элементов фестиваля, но особенно целевых экологических акций, родных и близких студентов обеспечивается поддержание традиции связи поколений крымчан, более того усиливается доверие представителей разных этноконфессиональных групп друг к другу. Порой ментальное сближение разных по этническим корням семей в рамках столь длительного процесса целенаправленного взаимодействия выливается в создание молодых межэтнических семей.

Значимым вкладом в это направление экофильной деятельности стали масштабные молодежные акции по защите прав животных, не только

домашних, но и обитающих в заповедных зонах региона. Системные мероприятия, направленные на сохранение природной флоры и фауны полуострова, в которых участвуют крымские студенты и школьники, не только способствуют обеспечению экологического здоровья среды обитания крымчан, но и делают край привлекательным как для тех, кто посещает его с познавательными целями, например для туристических групп, но и для тех, кто посещает регион в целях оздоровления. Такие вдохновляющие патриотические цели экокультурных акций объединяют в едином эмоциональном порыве студентов и школьников разных этнических групп, позволяя им осознать свою ответственность за обеспечение собственного здоровья, благополучия близких и друзей, но и за здоровье как природы, так и будущих поколений, которым они таким образом передают эстафету экокультурных традиций, выступающих значимой составной частью формируемого ценностного потенциала личности. Все это значимо для того, чтобы преодолеть пока все еще доминирующую в социуме тенденцию потребительского отношения к природе, о чем справедливо пишет Ю. Г. Волков, отмечая, что «экологизм до сих пор является модой и не представляет продуманной социальной стратегии» (Волков, 2017. С. 26).

Координация усилий в этом воспитательном аспекте органов законодательной, судебной и исполнительной власти региона, местного самоуправления и институтов крымского гражданского сообщества, включая актив этноконфессиональных общин, но особенно всех субъектов культурной инфраструктуры (театры, дворцы и дома культуры, библиотечная и музейная сеть и пр.) и природоохранных организаций, крайне необходима сейчас, когда в молодежной среде крымчан ощутимо присутствие разнообразных и разновекторных факторов воздействия, формирующих разные по смысловому этноконфессиональному наполнению тренды восприятия задач, наиболее актуальных с точки зрения использования экокультурного потенциала молодежи. При этом, осуществляя работу в данном направлении, следует добиваться, чтобы в сознании молодых людей прочно закреплялись императивы восхищения жизнью как высшей ценностью, сочетающиеся с переориентацией их с отжившей парадигмы потребительства и покорения природы, безудержной эксплуатации ее ресурсов, включая и человеческие, на парадигму экологической мудрости, соотносимой с многоликими проявлениями подлинного экологического творчества жизни, основанного на следовании жизнеутверждающей логике, уходящей корнями в соответствующие идеологемы даосизма и буддизма, моральные каноны христианства и ислама.

Такой экокультурный акцент в организации воспитательной работы с крымской молодежью позволяет, не оскорбляя чувств адептов разных

религий, учитывать формирующий личность их потенциал, тем самым способствуя его включению в запускаемую всей системой региональных субъектов воспитания структуру взаимодействующих компонентов модели социокультурной интеграции в полиэтническом и поликонфессиональном измерениях. Без реализации такого акцента вряд ли возможно осуществить адекватную программу социальной адаптации молодых крымчан как патриотов России и родного края к новым реалиям жизни страны и региона и возникшим в этой связи совершенно новым потребностям и возможностям личностного самовыражения.

Очевидно, что креативный потенциал крымских этносов, воплощенный в творческом использовании присущих им качеств экологичности и гуманизма, создает уникальную для их молодой генерации возможность проявить эти качества сейчас, когда так востребовано прочное идейное единство многонациональной общности крымчан, представляющее жизнеутверждающую основу деятельности в сфере социальной адаптации их молодого поколения в целях вовлечения юношей и девушек в созидание инновационного экологичного уклада жизни населения региона.

При этом межпоколенческие связи старшего и молодого поколений жителей полуострова, опирающиеся на общность исповедуемых ими экокультурных императивов и общее видение путей гармонизации на их основе этноконфессиональных отношений, во многом приобретут характер искомого гармоничного экообщения. В его основе находим так называемый *сорокинский* принцип «позитивной поляризации» социокультурных субъектов. Действие этого принципа ярко проявляется в солидарном творчестве, обеспечивающем устойчивость многоликую в этноконфессиональном отношении сообществу благодаря позитивно-раскрываемым чертам носителей разных типов религиозности, но прежде всего их предрасположенности к конструктивной социокультурной интеграции, включая искренние чувства восхищения красотой природных ландшафтов родного края, уважения заслуг старших поколений, трепетного отношения как к отцовскому, так и материнскому началам семьи, беззаветную заботу о родственниках и нуждающихся в сочувствии представителях недостаточно социально защищенных слоев населения, а также всего спектра репрезентантов фауны и флоры. Речь идет о экогуманистических традициях буддизма, ислама и христианства, исходящих из императивного следования нравственно-высоким предписаниям их священных книг, но особенно связанным с перенесением акцента с чувства бережного отношения к матушке-Природе и своей матери на любовь к женщине и детям, семье, равно как и к родному краю, так и большой Родине вообще.

Выводы

Вышеизложенное позволяет убедиться в том, что в процессе реализации социокультурного синтеза одним из ключевых факторов является использование потенциала концепта экофильно ориентированного поведения.

Практика развертывания социокультурной интеграции в Республике Крым на почве использования потенциала концепта экофильно ориентированного поведения показывает, что представители молодого поколения крымчан посредством реализации воспринятых экокультурных императивов способны, преодолев в данной связи путь благотворной социальной адаптации, превратиться в субъектов креативной деятельности и преодолеть барьеры провоцируемой извне межнациональной конфликтности. Такой акцент в воспитательной работе государственных и общественных институтов создаст основания для позитивной мобильности молодежи и утверждения в ее сознании императивов этноконфессиональной толерантности. А это будет способствовать ее социальной адаптации к вызовам динамично меняющихся федеральных и региональных реалий уже в качестве субъектов созидания нового экологичного уклада жизнедеятельности.

Литература

Авдулов Н. С. Ю. А. Жданов о культуре. Ростов-на-Дону: ГЮР, 2014. 176 с. // Гуманитарий Юга России. – 2014. – Том 0. – № 1. – С. 146–152.

Андреев Э. М. Социально-философские основания концепции формирования экоцелостной личности (в контексте идейного наследия П. А. Сорокина) / Э. М. Андреев, А. В. Миронов, С. В. Шефель // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 1. – С. 229–241.

Волков Ю. Г. Креативность: социальный диагноз современного общества / Ю. Г. Волков. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2017. – 46 с. – ISBN 978-5-9500183-8-1.

Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – Санкт-Петербург: Кристалл, 2001. – 638 с. – ISBN 5-306-00157-2.

Дробизьева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет / Л. М. Дробизьева. – Москва: Новый хронограф,

References

Avdulov N. S. Yu. A. Zhdanov about culture. Rostov-on-Don: GYUR, 2014. 176 p. // Humanities of the South of Russia. – 2014. – Vol. 0. – No. 1. – Pp. 146-152.

Andreev E. M. (2003) Socio-philosophical foundations of the concept of the formation of an eco-integral personality (in the context of the ideological heritage of P. A. Sorokin) / E. M. Andreev, A. V. Mironov, S. V. Shefel // Socio-humanitarian knowledge. – No. 1. – Pp. 229-241.

Volkov Yu. G. (2017) Creativity: a social diagnosis of modern society / Yu. G. Volkov. – Rostov-on-Don: Foundation of Science and Education. – 46 p. – ISBN 978-5-9500183-8-1.

Gumilev L.N. (2001) Ethnogenesis and the biosphere of the Earth / L. N. Gumilev. – St. Petersburg: Kristall. – 638 p. – ISBN 5-306-00157-2.

Drobizheva L. M. (2013) Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. Experience of 20 years / L. M. Drobizheva. – Moscow: Novy Chronograph. – 336 p. – (Russian Society. Modern research). – ISBN 978-5-94881-211-3.

Russian identity in the conditions of transformation: the experience of sociological analysis

2013. – 336 с. – (Российское общество. Современные исследования). – ISBN 978-5-94881-211-3. – EDN PVJALN.

Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.]. – Москва: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Российской академии наук «Издательство «Наука», 2005. – 396 с. – ISBN 5-02-033642-4. – EDN SDCPER.

Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени / П. А. Сорокин; [пер. с англ., послесл. и прил. Т. С. Васильевой; Российская академия наук, Ин-т социологии]. – Москва: Наука, 1997. – 350 с. – ISBN 5-02-013649-2.

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исслед. изм. в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений / П. А. Сорокин; пер. с англ. В. В. Сапова. – Санкт-Петербург: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. – 1054 с. – (Социология: Университет. б-ка / Ин-т социологии РАН, Междунар. ин-т Н. Кондратьева – П. Сорокина). – ISBN 5-88812-117-7.

Формирование духовной идентичности современного российского общества в условиях этноконфессиональной разнородности / В. В. Касьянов, М. Ю. Попов, В. В. Ратиев [и др.]. – Москва : Редакция журнала «Социально-гуманитарные знания», 2015. – 166 с. – ISBN 978-5-91604-031-9. – EDN UHQWHR.

Экософия права: монография / [Шефель С. В., Бургарт Т. И., Захарова В. А., Якимова С. И.; под общей редакцией С. В. Шефеля]. – Симферополь: Ариал, 2016. – 377 с. – ISBN 978-5-906877-60-4.

Для цитирования: Магомедов М. Г., Мукомель В. И. Роль концепта экологизма в формировании социокультурного кода поведения молодых крымчан // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59) – С. 202–211.

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.15
EDN NTEMHZ

(2005) / М. К. Gorshkov, N. E. Tikhonova, A. L. Andreev [et al.]. – Moscow: Academic Scientific Publishing, Production, Printing and Book Distribution Center of the Russian Academy of Sciences “Publishing House “Nauka”. – 396 p. – ISBN 5-02-033642-4.

Sorokin P. A. (1997) The main trends of our time / P. A. Sorokin; [transl. from English, afterword and adj. by T. S. Vasilyeva; Russian Academy of Sciences, Institute of Sociology]. – Moscow: Nauka. – 350 p. – ISBN 5-02-013649-2.

Sorokin P. A. (2000) Social and cultural dynamics: Research changes in large systems of art, truth, ethics, law and societies. relations / P. A. Sorokin; transl. from English by V. V. Sapov. – St. Petersburg: Publishing House of Russian Christian humanitarian In-t. – 1054 p. – (Sociology: University library / Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, N. Kondratiev – P. Sorokin International. in-t). – ISBN 5-88812-117-7.

Formation of the spiritual identity of modern Russian society in conditions of ethnoconfessional heterogeneity (2015) / V. V. Kasyanov, M. Y. Popov, V. V. Ratiev [et al.]. – Moscow: Editorial Office of the journal “Social and Humanitarian Knowledge”. – 166 p. – ISBN 978-5-91604-031-9.

Ecosophy of law: monograph (2016) / [Shefel S. V., Burgart T. I., Zakharova V. A., Yakimova S. I.; under the general editorship of S. V. Shefel]. – Simferopol: Arial. – 377 p. – ISBN 978-5-906877-60-4.

История статьи:

Поступила в редакцию – 09.01.2023
Получена в доработанном виде –
31.01.2023
Одобрена – 04.02.2023

Сведения об авторах

Information about authors

Магомедов Магомед Гасанханович

Доктор социологических наук, профессор,
проректор по социальным
вопросам Донского государственного
технического университета,
председатель Первичной профсоюзной
организации работников ДГТУ

344006, г. Ростов-на-Дону,
пл. Гагарина, д. 1,
e-mail: srasto@mail.ru

Magomed G. Magomedov

Doctor of Sociological Sciences, professor,
Vice-Rector for Social Affairs of the Don
State Technical University,
Chairman of the Primary Trade Union
Organization of DSTU Employees

344006, Rostov-on-Don,
Gagarin Square, 1,
e-mail: srasto@mail.ru

Мукомель Владимир Изявич

Доктор социологических наук, главный
научный сотрудник Института социологии
Федерального центра теоретической
и прикладной социологии Российской
академии наук, Институт социологии
ФНИСЦ РАН

117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5,
e-mail: mukomel@isras.ru

Vladimir I. Mukomel

Doctor of Sociological Sciences,
Chief Researcher at the Institute
of Sociology of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences

117218, Moscow,
Krzhizhanovskogo str., 24/35, room 5,
e-mail: mukomel@isras.ru

УДК 14+297.1

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.16

EDN OZQJCSW

Тип статьи в журнале – научная

**ДВЕ СТОРОНЫ
АФФЕКТИВНОЙ СФЕРЫ
ИСЛАМСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ**

**TWO SIDES OF THE
AFFECTIVE SPHERE
OF ISLAMIC IDENTITY**

© 2023 г.

И. Б. Чернова*

Н. В. Галанина*

© 2023

I. B. Chernova*

N. V. Galanina*

* Московский университет МВД России
им. В. Я. Кикотя,
г. Подольск, Россия

* Kikot Moscow University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, Podolsk, Russia

Цель исследования – изучить аффективные факторы, наиболее эффективно используемые для формирования исламской идентичности.

Objective of the study is – to study the affective factors most effectively used for the formation of Islamic identity.

Методологическая база исследования исходит из принципа системности и включает в себя диалектику, дающую возможность учесть взаимодействие всех, даже противоположных феноменов исламской идентичности.

Methodological basis of the research proceeds from the principle of consistency and includes dialectics, which makes it possible to take into account the interaction of all, even the opposite phenomena of Islamic identity.

Результаты исследования. Предложена система взаимосвязанных аффективных факторов исламской идентичности, показывающая, как одни и те же чувства могут провоцировать различные по социальному значению действия и влиять на формирование личности верующего.

Research results. A system of interrelated affective factors of Islamic identity is proposed, showing how the same feelings can provoke actions of different social significance and influence the formation of a believer's personality.

Перспективы исследования связаны с последующим изучением исламской идентичности в контексте проблем духовной безопасности.

Prospects of the study are connected with the subsequent study of Islamic identity in the context of spiritual security problems.

Ключевые слова: ислам; религиозная идентичность; религиозные чувства; миссионерская деятельность.

Keywords: Islam; religious identity; religious feelings; missionary activity.

Введение

В исследовании специфики аффективной сферы исламской идентичности есть ряд особенностей, которые связаны с ролью данной религии в социокультурных и геополитических процессах в России и за рубежом. Так, усиление миграционных процессов этнических мусульман в страны и регионы с населением, имеющим в большинстве своем светскую или христианскую идентификацию, приводит к «столкновению цивилизаций», сопровождаемому интолерантным отношением к чужакам. Особенно явно это проявляется после совершения кровавых терактов фанатиками, выступающими под знаменем ислама. Поэтому и эмоциональный фон «Они-фактора», характерный для восприятия ислама, оказывается отрицательным, враждебным. Формируется атмосфера страха и недоверия, неприятия и заведомого осуждения. А это серьезно затрудняет как межкультурное взаимодействие, так и попытки непредвзятого изучения особенностей и форм исламской идентичности, воздействия ислама на всё многообразие активности личности в современном мире. Очевидно, что для обеспечения национальной безопасности необходимо активизировать усилия гражданского общества в направлении оздоровления межконфессиональных отношений. Без широкой просветительской и исследовательской работы достичь позитивных результатов на этом пути невозможно. В данной работе мы стремимся выделить те значимые моменты аффективной сферы исламской идентичности, которые могут как помочь улучшить сложившуюся в российской социокультурной среде ситуацию, так и, наоборот, способствовать нагнетанию напряженности. Это позволит эффективнее использовать духовно-нравственные средства для достижения межконфессионального мира в России.

Теоретические предпосылки и основания исследования

Теоретической базой данного исследования являются работы современных российских исламоведов, психологов, социологов, политологов и философов, которые анализировали различные проявления исламской идентичности, изучили соотношение культовой и внекультовой жизни российских мусульман, их связь с инокультурной средой и формы их миссионерской деятельности. Так, особенности радикализации ислама в мире и в современной России (прежде всего на Северном Кавказе) изучил И. П. Добаев (Добаев, 2013). М. Я. Яхьяев (Яхьяев, 2020) обращает внимание на многовекторность развития ислама и подчеркивает важность просветительской и воспитательной работы в среде мусульман для противодействия религиозно-политическому экстремизму, который активно продолжает активно распространяться в том числе и среди молодежи. Именно многоликость ислама вызывает ряд проблем при проведении

религиозных экспертиз, на что указывают в своих публикациях И. Б. Чернова (Чернова, 2020) и Б. М. Бабаджанов (Бабаджанов, 2015). Психологические установки, формируемые в процессе религиозной идентичности, нашли отражение в работах Т. Э. Кафарова (Кафаров, 2022), а Х. В. Дзуцев исследовал актуальные проблемы исламской идентичности на Северном Кавказе (Дзуцев, 2018). Все эти и многие другие работы позволяют изучать ислам как самобытную систему, активно взаимодействующую с окружающим миром, тенденции развития которой можно учитывать и корректировать для гармонизации межкультурных процессов.

Важно подчеркнуть, что ученые и общественные деятели, даже авторитетные в мусульманской среде, не смогут «достучаться» до сердец верующих, если их идеи не будут поддержаны духовенством. Однако религиозная идентичность с исламом на территории нашей страны осложняется отсутствием единства в организации мусульманского духовенства, низким уровнем культуры отношения к религии, недостаточным количеством профессионалов на местах, способных направить процесс религиозной идентификации по конструктивному руслу, умеренному «срединному пути», который не порождает экстремально сильных эмоций, так помогающих на начальных этапах идентификации с радикальными течениями в исламе. Таким образом, перед исламским проповедником в России начала XXI в. стоит задача не менее сложная, чем та, что была у основоположника его религии. Доказывать преимущества своего религиозного выбора приходится в среде суеверного, не всегда доброжелательного окружения, не имея юридических и политических преимуществ перед адептами других конфессий и постоянно преодолевая внутриконфессиональные противоречия.

Так как религиозная идентичность изначально формируется, как правило, на аффективном уровне, то и наиболее значимыми в этом процессе являются чувства, переживания личности по поводу своей веры. Поэтому и аргументы, апеллирующие к созданию эмоционального комфорта в общении с единоверцами и в обращении к Аллаху, оказываются действенными в наши дни. В данной работе мы остановимся на анализе этих чувств подробнее.

Создавая первую мусульманскую общину, неграмотный Мухаммад обращался к единомышленникам с проповедями, в которых не было места сложным богословским построениям. Вера должна была составить естественную среду для ежедневного бытия каждого человека, ее жизнеспособность подтверждалась не совершением чудес, а самим фактом успешного распространения новой религии. На фоне привычных установок язычества ислам дал неопитам прогрессивную для средневекового

мира систему требований духовной работы над собой, которая своим результатом имела фундаментальное преобразование аффективной сферы психической жизни личности, что остается актуальным и для мусульман XXI века.

Современные миссионеры-мусульмане зачастую обосновывают предпочтительность исламского религиозного выбора через противопоставление достоинств своей религии и негативных проявлений в жизни христианского мира, тем самым обостряя межконфессиональные противоречия и враждебность к иноверцам. При этом в качестве примера христианской цивилизации приводятся секуляризованная Европа и прошедшая через эпоху воинствующего атеизма Россия (народы, составляющие ее немусульманскую часть – прежде всего русские, далеко не все из которых сохранили свою религиозную идентичность). В их описании позитивные черты игнорируются, акцент делается на констатации духовного кризиса во всех его проявлениях: это падение нравов, усиление разобщенности людей, общее увеличение стрессовых состояний, потеря смысло-жизненных ориентиров, кризис семьи и повсеместно наблюдающийся разрыв родственных и социальных связей, озлобленность или апатия в межличностных отношениях, распространение алкоголизма и наркомании. На этом фоне ислам кажется тихой гаванью, дающей человеку на эмоциональном уровне состояние определенного комфорта: чувство спокойствия и уверенности в завтрашнем дне, стабильности и размеренности жизни, предопределенности судьбы, групповой поддержки, чистоты своего предстояния перед Всевышним.

Еще один аффективный фактор, благодаря которому ислам выглядит привлекательным, состоит в том, что мусульманам неведомо чувство априорной виновности, которое лежит на сердце каждого христианина и обосновывается догматом о первородном грехе. Коранический текст в описании сюжета грехопадения Адама и Евы существенно отличается от библейского, так как постулирует раскаяние первых людей и прощение их Аллахом (Коран, 2:37). Отсюда делается важный для эмоционального благополучия и самосознания личности верующего вывод об отсутствии первородного греха. Любой ребенок, даже если его родители являются атеистами, рождается мусульманином – покорным Богу.

Более того, чувство греховности в исламе не является поводом для отчаяния и самоуничужения. Даже Мухаммад, эталон поведения для мусульман, был хоть и избранным, но, тем не менее, всего лишь человеком. Поэтому он обладает не только достоинством пророка, но и многими простыми человеческими слабостями, о чем открыто говорит своим последователям. Причем, согласно хадисам, именно прошедший через грех

человек более ценен Всевышнему, чем тот, кто совершенно бесстрастен, так как у первого есть необходимость в покаянии, дающем Творцу возможность проявить свое милосердие: «Если вы не будете совершать грехи, Аллах обязательно уничтожит вас и приведет людей, которые станут грешить и просить Аллаха о прощении, и Он будет прощать их» (Коран Ан-Навави, хадис 1871).

Для мусульманина нет необходимости озвучивать свои неблагоприятные помыслы и деяния перед кем бы то ни было, кроме Аллаха, если дело не касается греха, который подлежит обязательному наказанию в соответствии с Кораном и Сунной. Тем не менее покаяние в исламе представляет собой сложный процесс, включающий в себя не только раскаяние, но и решимость не совершать подобного впредь, а если в результате кто-либо пострадал – необходимо, помимо испрошения прощения у потерпевшего, сделать всё возможное для того, чтобы загладить свою вину и восстановить справедливость.

Кроме того, ислам дает правоверным неограниченное количество возможностей преодоления чувства вины и угрызений совести через бескорыстное совершение добрых дел. Причем само стремление к добру уже является добром, даже если оно не было реализовано. Таким образом, каждый мусульманин уверен, что, соблюдая посильные ему нормы шариата и неуклонно сохраняя единобожие, он имеет возможность получить достойное место в райских садах. Поэтому религия на эмоциональном уровне для него дает и веру, и надежду, и радость даже в моменты испытаний.

Если христианские конфессии постулируют свою религию как религию любви, то в исламе определяющим чувством верующего является покорность Всевышнему. Но индивидуальное предстояние и покорность Абсолюту не исключают социальной активности личности в соответствии с идеалами, заданными Кораном и Сунной. Воспитывая своих последователей, Мухаммад регулярно обращал внимание на то, что единство и жизнеспособность общины, успех проповеди новой религии зависят от отношения, которое формируется у верующих по отношению друг к другу. Поэтому и ценность личности в исламе определяется не только богобоязненностью, но и наличием хорошего или дурного нрава. Характеристиками хорошего нрава являются: 1) стыдливость, целомудренность; 2) склонность к исламу; 3) деятельное стремление к нравственному совершенствованию; 4) несварливость, способность к компромиссам в споре; 5) сдержанность, терпение, контроль своих страстей; 6) неприхотливость, нетребовательность; 7) серьезность, степенность, нелегкомысленность; 8) осмотрительность, тщательность в выполнении должного;

9) дисциплинированность; 10) законопослушность; 11) щедрость; 12) мудрость; 13) смелость; 14) справедливость; 15) прощение; 16) великодушие; 17) общительность, обходительность, приветливость и пр. Столь подробный список не исключает индивидуального подхода к оценке человека уммой. Будут различаться требования и критерии оценки личностных качеств богатого и бедного, правителя и раба, ученого и земледельца.

Рассмотрим в качестве примера чувство стыда как один из регуляторов поведения мусульман. Ислам выделяет следующие разновидности стыда: стыд перед людьми, перед самим собой и перед Аллахом. Стыдливость в данном случае понимается как синоним скромности, застенчивости, стеснительности. Стыдливость должна удерживать человека не только от предосудительных поступков, но и от произношения и выслушивания пустых и хулильных речей, от недозволенных мыслей и желаний, от любопытных взглядов в сторону недозволенного. Мусульманину стыдно быть бедным, так как это может свидетельствовать о недостатке усердия или ума, мусульманину стыдно быть одиноким, так как это может свидетельствовать о его жадности и черствости, о его недоброжелательном отношении к другим людям, которые по тем или иным причинам «десятой дорогой» обходят его дом. Женщинам стыдливость должна быть присуща в большей степени, чем мужчинам. Однако в любом случае она не должна переходить границы здравого смысла, когда стыдливость становится ложной и мешает человеку отстаивать свои права или препятствует его духовному совершенствованию. В итоге у правоверного формируется не только позитивный эмоциональный настрой в отношении к самому себе и Абсолюту как эталону добродетели и милосердия, но и целый ряд социально значимых качеств, способствующих благополучному сосуществованию людей в исламском обществе.

С другой стороны, не только поступки, но и лежащие в их основе чувства могут быть как благотворными, так и негативными, отдаляющими верующего от идеала. Характеристиками плохого нрава с точки зрения ислама являются: 1) глупость; 2) трусость; 3) страстность, распутность; 4) несправедливость; 5) самолюбование, высокомерие; 6) расточительность и пр. Таким образом, мусульманское воспитание должно способствовать созданию благотворной доброжелательной и спокойной обстановки, в которой каждый верующий чувствует себя значимым для других членов уммы и для Всевышнего. Со своей стороны заботу о ближних в соответствии с нормами шариата он может рассматривать как форму служения Аллаху.

Несмотря на постулируемую независимость каждого перед лицом Всевышнего, «Мы-фактор» играет важную роль в исламе с момента

возникновения данной религии, что не удивительно, учитывая обширные традиции общинного и родового единства, которые первые мусульмане переняли из социальных установлений древней арабской культуры. При этом института духовников в исламе нет, и, как в любом традиционном обществе, функция социального контроля выполняется семьей и самой общиной. Ограниченность возможностей такого механизма осознавалась еще на ранних этапах становления ислама как социального института. Далеко не всегда можно отличить искренность намерений от корыстного расчета и подлинную заботу от лицемерия.

Поэтому, с одной стороны, отвечая за свои деяния непосредственно перед Аллахом, правоверный мусульманин должен страшиться только той кары, которая может быть ему послана свыше, постоянно помня о картинах ада, подробных и эмоционально насыщенных, которые настойчиво повторяются во многих сурах Корана. В отношении же с окружающими людьми, независимо от их материального достатка и социального статуса, верующий должен быть скромным, но при этом полон достоинства и самоуважения. Даже в бою воину нет смысла страшиться возможной смерти, так как, с одной стороны, религия постулирует ему предопределенность судьбы и великую награду погибшим за веру, а с другой стороны, нет смысла проявлять показную удачу, так как мотивация любой деятельности, сводимая к поиску славы среди людей, сама по себе объявляется греховной и несовместимой с образом правоверного мусульманина. С другой стороны, если учесть субъективный характер оценок поступков индивида в обществе, человек, стремящийся к общественному признанию, имеет, по крайней мере при жизни, больше шансов на достижение успеха и авторитета среди единоверцев, чем искренний и добродетельный, но не склонный к внешним эффектам молитвенник.

Результаты исследования и их обсуждение

Итак, сформулированные в Коране и Сунне установки, нацеленные на воспитание у мусульман доброжелательности, взаимоуважения и чувства собственного достоинства, милосердия, щедрости и скромности, любви и честности, верности долгу и слову, позволяют нам сделать вывод о несомненной ценности данной религии для духовного развития человека, избравшего ислам в качестве объекта религиозной идентичности. Однако как в таком случае эта религия могла стать идеологической основой целого ряда экстремистских течений, отличающихся крайней жесткостью и человеконенавистничеством?

Ответ на этот вопрос содержится в тексте Корана, различные суры которого отражают конкретные обстоятельства формирования исламского вероучения и общины вокруг Мухаммада как в дни гонений на

новую религию, так и в момент ее торжества. Чем устойчивее были позиции пророка в арабском обществе, тем радикальнее становились требования к иноверам. «Мохаммед есть посланник Божий: те, которые с ним, жестоки к неверным и добросердечны между собою» (Коран 48:29). В изображениях картин ада и рая в тексте Корана присутствуют не только подробные описания материальных благ и широких возможностей для удовлетворения потребностей плоти праведниками, а для грешников – столь же подробное описание истязаний плоти, призванных обеспечить обитателям преисподней бесконечные страдания. Причем между этими частями мира мертвых нет глухой стены, и как первым видна участь вторых, так и от вторых не сокрыто восприятие блаженства первых. Заслуживают внимания многократно повторяемые сцены того, как равнодушны к мукам грешников праведники, не только не способные, но и в принципе не желающие хоть чем-то облегчить участь тех, кто не получил милости от Аллаха.

Перенос строгого разделения людей на два мира уже в земном существовании позволяет теологам-радикалам разделять всех людей на два лагеря, в одном из которых находятся их сторонники, которые объявляются «партией Аллаха», а в другом – все остальные, составляющие «партию шайтана», с которой радикалы ведут борьбу. Таким образом, используя священные тексты, исламистские богословы делают вывод о том, что безусловное право на жизнь, имущество и уважение имеют только члены уммы, а радикалы к их числу не относят даже исповедующих ислам, но в традиционном духе. Не случайно И. П. Добаев делает вывод: «Коран открыт для разных, порой противоположных друг другу интерпретаций. В нем содержатся призывы как к любви, так и к ненависти и насилию, и было бы иллюзией пытаться однозначно толковать коранические тексты исключительно как проповедь мира. Тем более сегодня, когда целые исламские теологические школы и ведущие духовные авторитеты проповедуют ненависть к “неверным”, отвергают право на существование других религий и благословляют терроризм» (Добаев и др., 2013. С. 143).

Поставившими перед собой цель любыми средствами привести к исламу максимально возможное количество людей в качестве аргумента в пользу исламской идентификации нередко используется нагнетание страха. Дилемма «Жизнь или кошелек» преобразуется в «Ислам или смерть». Сам Мухаммад не гнушался подобной практики привлечения новообращенных. Впрочем, он не обольщался по поводу глубины и искренности веры подвергшихся насильственному обращению. Тем не менее он был уверен, что пусть не они, зато их потомки обязательно станут истинными мусульманами. В современной истории примеры побуждения к

идентификации с исламом через угрозы смерти были распространены в Афганистане, если в плен к талибам попадал военнослужащий советской армии. Немало подобных примеров и в деятельности салафитских идеологов и практиков на Северном Кавказе.

Кроме аргумента к страху, действенным был и аргумент к выгоде. В ходе исламской интервенции на вновь завоеванных территориях местным жителям, решившим принять ислам, создавались условия наибольшего благоприятствования во всех сферах жизни, открывавшие дополнительные возможности для реализации стремления к власти, богатству, общественному признанию. А их соплеменники, не ставшие даже формально изменять свою религиозную идентификацию, могли сохранить жизнь и лишь минимальные права, обеспечивающие скудное существование, только при условии, что они признают над собой власть мусульман и выплачивают джизью – налог, символизирующий их унижение, нечестие и позор.

Страх может быть основанием не только для принятия ислама, но и для внешнего сохранения исламской идентичности людьми, которые в ходе своего духовного развития осознали отсутствие у них мусульманской веры. Любые формы смены религиозной идентичности с исламской на иную воспринимаются членами уммы крайне негативно. Обвинение в вероотступничестве является для мусульманина одним из тягчайших и при наличии несомненных доказательств содеянного карается смертью. В лучшем случае вероотступник подвергается остракизму, причем не только окружающим мусульманским обществом, – прежде всего он изгоняется из семьи, для которой сам факт случившегося становится ещё большим позором, чем если бы этот человек оказался преступником. Несмотря на светскость российского государства, гарантирующего всем гражданам право свободы совести, до сих пор подобных примеров личных трагедий, особенно среди этнических мусульман, немало. Это и истории женщин, решившихся выйти замуж за немусульманина, а в годы советской власти – многочисленные примеры смены исламской идентичности на атеистическую, особенно если они «отягощались» вступлением в комсомол или коммунистическую партию.

После активизации террористической деятельности исламистских радикалов в России и во всем мире за пределами традиционно исламских стран и территорий возникла ситуация, характеризующаяся бытовой ксенофобией, когда человека, обличие которого выдавало в нем мусульманина, могли не пустить в общественный транспорт или на работу в государственных учреждениях, оскорбить или даже избить. Теперь страх стал ежедневным проявлением жизни мусульман в мегаполисах, где далекие от религии обыватели часто не видят разницы между традиционным

исламом и экстремистскими исламистскими организациями. «Я – мусульманка, и мне страшно, – рассказывает в своем блоге Айдан Мамедова после терактов в Париже в ноябре 2015 года. – То, что произошло прошлой ночью в Париже повергло в страх весь мир, и мне также страшно. Мне страшно, что мою религию ассоциируют с жестокостью из-за невежд, тогда как пророк Мухаммад, мир ему, не терял человечности даже при войнах. От ислама ли эти бесчеловечные действия? Однозначно нет. Оттого мне и стыдно. Мне страшно выйти на улицу, я просто боюсь агрессии людей. И знаете, я их понимаю. Страх и паника окутал весь мир, а я подхожу под категорию подозрительных личностей, как бы грустно для меня это ни звучало. Это не их вина, и не моя. Это плод черного пиара людей, называющих себя мусульманами. Мне страшно. Страшно, что агрессия террористов дойдет и до нашей страны. Мы, мусульмане, после всего этого оказались в ещё большей опасности, чем остальные. Мы живем и не знаем – ждать туманов от напуганных и озлобленных мирных жителей или нападения радикалов. Вот почему мне страшно» (Мамедова, 2015).

Заключение

Таким образом, признавая благотворное влияние исламского мировоззрения и образа жизни на личность верующих, даже неопитов, необходимо видеть в том числе и возможности использования этой религии для манипулирования общественным сознанием, для нарушения эффективной социализации личности верующего в современном мире, а также для дестабилизации социокультурной среды в целом. Поэтому исламский фактор в нагнетании угроз духовной безопасности должен постоянно учитываться российским государством при организации взаимодействия с исламскими религиозными организациями. Законопослушные мусульмане, достойные граждане своей страны, не должны испытывать страх и явно или неявно отвечать за преступления своих единоверцев; понятия «ислам» и «терроризм», «ислам» и «экстремизм», «ислам» и «исламизм» должны быть разведены в сознании каждого россиянина независимо от его религиозной принадлежности, необходимый эмоциональный фон в отношении к исламу в российском обществе должен включать гарантированную законом толерантность и защиту религиозных чувств, доверие и доброжелательность, открытость к продуктивному взаимодействию и взаимопониманию в организации и осуществлении светской деятельности.

Литература

Бабаджанов Б. Об исламе «хорошем» и исламе «плохом»: опыт персонального участия в религиозной экспертизе /

References

Babajanov B. (2015) About Islam «good» and Islam «bad»: the experience of personal parti-

Б. Бабаджанов // *Alatoo Academic Studies*. – 2015. – № 4. – С. 34–46. – EDN VHRNER.

Добаев И. П. Радикализация ислама в современной России: монография / И. П. Добаев. – Ростов-на-Дону: Редакция журнала «Социально-гуманитарные знания», 2014. – 332 с. – ISBN 978-5-91604-003-6. – EDN TVLOSB.

Дзуцев Х. В. Отношение жителей Северного Кавказа к свободе вероисповедания и вероотступникам / Х. В. Дзуцев, Н. В. Корниенко // Социологические исследования. – 2018. – № 1(405). – С. 83–93. – DOI 10.7868/S0132162518010099. – EDN YMAEVB.

Ибрагимов С. Д. Ислам и глобализация: российский ислам в начале XXI века / С. Д. Ибрагимов // Перспективы науки. – 2014. – № 7(58). – С. 117–120. – EDN SMZOMX.

Кафаров Т. Э. Проблема зла в исламе: между теодицеей и анти-теодицеей / Т. Э. Кафаров // Исламоведение. – 2022. – Т. 13 – № 1 (51). – С. 96–111.

Коран Ан-Навави. Сады праведных (сборник хадисов) / Ан-Навави Коран // Изд-во УММА, 2005. – URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/86727/313/An-Navavi_-_Sady_pravednyh_%28sbornik_hadisov%29.html (дата обращения 26.12.2022).

Саблукова Г. С. Коран (перевод смыслов Саблукова Г. С.) // *Falaq.ru*. – URL: <https://falaq.ru/quran/sabl> (дата обращения: 26.12.2022).

Чернова И. Б. Священные тексты как источник экстремистской угрозы / И. Б. Чернова // Текст в социальном, политическом, культурном пространстве: сборник научных статей / Отв. редактор В. В. Никульцева. – Москва: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2020. – С. 288–292. – EDN MRDDQT.

Яхьяев М. Я. Поливариативность исламской культуры: истоки и причины / М. Я. Яхьяев // Исламоведение. – 2020. – Т. 11. – № 2(44). – С. 109–121. – DOI 10.21779/2077-8155-2020-11-2-109-121. – EDN PNCGNU.

icipation in religious expertise / В. Babajanov // *Alatoo Academic Studies*. – No. 4. – Pp. 34-46.

Dobaev I. P. (2014) Radicalization of Islam in modern Russia: monograph / I. P. Dobaev. – Rostov-on-Don: Editorial Office of the journal “Social and Humanitarian Knowledge”. – 332 p. – ISBN 978-5-91604-003-6.

Dzutsev H. V. (2018) The attitude of the inhabitants of the North Caucasus to freedom of religion and apostates / H. V. Dzutsev, N. V. Kornienko // *Sociological research*. – No. 1(405). – Pp. 83-93. – DOI 10.7868/S0132162518010099.

Ibragimov S. D. (2014) Islam and globalization: Russian Islam at the beginning of the XXI century / S. D. Ibragimov // *Prospects of Science*. – No. 7(58). – Pp. 117-120.

Kafarov T. E. (2022) The Problem of evil in Islam: between theodicy and anti-theodicy / T. E. Kafarov // *Islamic Studies*. – Vol. 13. – No. 1 (51). – Pp.96 -111.

The Quran An-Nawawi. (2005) Gardens of the Righteous (collection of Hadiths) / An-Nawawi Quran // UMMA Publishing House. – URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/86727/313/An-Navavi_-_Sady_pravednyh_%28sbornik_hadisov%29.html (date of application: 26.12.2022).

Sablukova G. S. Koran (translation of the meanings of Sablukova G.S.) // *Falaq.ru*. – URL: <https://falaq.ru/quran/sabl> (date of application: 26.12.2022).

Chernova I. B. (2020) Sacred texts as a source of extremist threat / I. B. Chernova // *Text in social, political, cultural space: Collection of scientific articles* / Editor V. V. Nikultseva. – Moscow: Moscow University of Finance and Law MFUA. – Pp. 288-292.

Yahyaev M. Ya. (2020) Polyvariativity of Islamic culture: origins and causes / M. Ya. Yahyaev // *Islamic Studies*. – Vol. 11. – No. 2(44). – Pp. 109-121. – DOI 10.21779/2077-8155-2020-11-2-109-121.

Для цитирования: Чернова И. Б., Галанина Н. В. Две стороны аффективной сферы исламской идентичности // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 212–223.

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.16

EDN OZQJCW

История статьи:

Поступила в редакцию – 27.12.2022

Получена в доработанном виде –
20.01.2023

Одобрена – 27.01.2023

Сведения об авторах

Чернова Ирина Борисовна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Московский университет МВД
России им. В. Я. Кикотя,
г. Подольск, Россия

142121, г. Подольск,
бул. 65-летия Победы, д. 9,
e-mail: chibor@bk.ru

Галанина Наталия Викторовна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Московский университет МВД
России им. В. Я. Кикотя,
г. Подольск, Россия

117437, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12,
e-mail: Natgal2411@uambler.ru

Information about authors

Irina B. Chernova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Kikot Moscow University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, Podolsk, Russia

142121, Podolsk,
65th Anniversary of Victory Blvd., 9,
e-mail: chibor@bk.ru

Nataliya V. Galanina

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Podolsk, Russia

117437, Moscow,
Akademika Volgina str., 12,
e-mail: Natgal2411@uambler.ru

КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

УДК 141+316.4

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.17

EDN PDUVOA

Тип статьи в журнале – научная

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ДЕСТРУКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО- КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

MECHANISMS OF THE FORMATION OF MODERN DESTRUCTIVE REALITY: SOCIO-COGNITIVE ASPECT

© 2023 г.

*Е. А. Агапова**

*Л. В. Гущина**

© 2023

*Е. А. Agapova**

*L. V. Gushchina**

* Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования заключается в выявлении механизмов формирования современной деструктивной реальности с точки зрения социально-когнитивного аспекта.

Objective of the study is to identify the mechanisms of formation of modern destructive reality from the point of view of the socio-cognitive aspect.

Методологическая база. Авторы рассматривают вопрос трансформации форм и средств коммуникации в современном мире и, как следствие, изменение техник манипуляции сознанием и формирования актуальной политической и культурной повестки. Основой методологии является системный подход, опирающийся на идеи и теоретические разработки крупнейших ученых современного периода.

The methodological basis of the research. The authors consider the issue of transformation of forms and means of communication in the modern world and, as a consequence, the change of techniques of manipulation of consciousness and the formation of an actual political and cultural agenda. The methodology is based on a systematic approach based on the ideas and theoretical developments of the largest scientists of the modern period.

Результаты исследования. В статье на примере поколения Z показаны кризисные моменты восприятия и передачи информации. Представлены характерные черты современной цифровой коммуникации, развитые в период снижения межличностного

Research results. The article shows the crisis moments of perception and transmission of information using the example of generation Z. The characteristic features of modern digital communication developed during the period of decreasing interpersonal interaction are

взаимодействия: дистанцированность, смысловая неопределенность и фантомность. Доступность информации и ее чрезмерность приводят к отсутствию мотивации к критическому мышлению представителей поколения информационного общества, поверхностному восприятию, а также снижению общего уровня культуры и образованности.

Перспективы исследования. Отмечается потребность в духовно-нравственной вакцинации общественного сознания с позиций традиционных культурных ценностей, укорененных в Российском культурном ядре. Именно через возрождение традиционной культуры, присущей русскому человеку как опоры, необходимо переосмыслить опыт тридцатилетнего калькирования индивидуализма, прагматизма и атомизма западной цивилизации, которое через средства массовой информации деформирует и уничтожает культурное ядро русской цивилизации, транслируя то, к чему надо стремиться человеку-потребителю, каким стандартам необходимо соответствовать (успешность, богатство, красота) при полном игнорировании духовной составляющей.

Ключевые слова: коммуникация; манипулятивные технологии; контркультура; информационное общество; трансформация культуры; кризис коммуникации.

presented: distancing, semantic uncertainty and phantomness. The availability of information and its excess lead to a lack of motivation for critical thinking of representatives of the information society generation, superficial perception, as well as a decrease in the overall level of culture and education.

Prospects of the study. There is a need for spiritual and moral vaccination of public consciousness from the standpoint of traditional cultural values rooted in the Russian cultural core. Russian russians need to rethink the experience of thirty years of calculating individualism, pragmatism and atomism of Western civilization through the revival of traditional culture, inherent in the Russian people as a support, which through the mass media deforms and destroys the cultural core of Russian civilization, broadcasting what a consumer should strive for, what standards must be met (success, wealth, beauty). while completely ignoring the spiritual component.

Keywords: communication; manipulative technologies; counterculture; information society; cultural transformation; communication crisis.

Введение

Современные реалии диктуют необходимость осмысления процессов, происходящих в обществе. Так, очевидным фактом является то, что вектор, заданный западноевропейской мыслью, выразившейся в идеологии постмодерна и контрмодерна, привел к очередному кризису. Идея создания мирового информационного пространства с унификацией мировоззрения масс, продвижение глобальной идеологии потребления и разрушение культурного ядра цивилизации, которая втягивается в процесс, предполагающий распад и уничтожение национальных государств, не вписывающихся в парадигму западноевропейской идеологии, – далеко не полный круг проблем и вызовов, стоящих перед человечеством и Россией, в частности.

Одной из глобальных угроз целостности современной России в эпоху информационной цивилизации на протяжении тридцати лет (после распада СССР) является сетевая война, которая тотально стремится охватить все структуры человеческой жизнедеятельности, в том числе экономическую, ментальную и другие сферы, добиваясь аннигиляции культуры и политической власти с целью уничтожения государственности противника.

Такому деструктивному влиянию на ядро культуры способствуют коммуникативные акты, транслируемые через все каналы средств массовой информации, обладающие, по сути, неограниченными возможностями когнитивного воздействия на реципиентов. Это обусловлено тем, что на поведение индивидуума влияют социальные взаимодействия, опыт других людей, а также массмедиа, а согласно теории социального когнитивизма, люди приобретают новые образцы поведения через наблюдение за другими моделями поведения, которые потом могут повторить. Таков механизм действия оружия нового поколения, завуалированно оказывающего влияние на массы, направляющего их против действующей власти и в результате создающего атомизированную толпу, а не нацию.

Методология исследования проблемы

Коммуникация является неотъемлемой частью человеческой жизни: люди передают, получают и обрабатывают информацию каждую секунду. Как и любая сфера человеческой жизни, коммуникация претерпевает изменения, характерные для конкретного этапа развития общества. На наш взгляд, именно коммуникативные процессы являются одной из основных движущих сил развития общества. По мнению А. В. Кирки, трансформация коммуникативных форм происходит в соответствии с «объективной действительностью: от межличностного общения, великой галактики Гутенберга, средств массовой информации до глобальной информационной сети Интернет – глобальной деревни» (Кирка, 2012). Информационное общество – общество XXI века – несет в себе абсолютно новые формы коммуникации, затрагивающие все сферы общества и уровни взаимодействия индивидов: уровни межличностных отношений и дипломатических, сферу бизнеса и образования, области культуры, политики и т.д.

С одной стороны, сфера коммуникации максимально оперативно отражает настроения социума, предстает репрезентативной системой уровня развития культуры в обществе. Но с другой стороны, именно новые формы и средства передачи информации стали инструментом формирования и трансляции определенных культурных концептов и тенденций, политической и социальной повестки.

Однако развитие новых форм коммуникации, на наш взгляд, не является однозначным процессом. Так, внедрение новых коммуникативных форматов говорит о развитии общества: технологическом и общекультурном. Но при этом новые формы коммуникации, позиционирующие себя как более открытые и свободные, предоставляют больше возможностей для проявления контркультурных течений, функционирования тех или иных деструктивных элементов, которые зачастую выступают как анонимные, опираясь на знание интересов и ценностей, и тем самым при использовании манипулятивных технологий вносят изменения в когнитивную структуру, что влечет за собой соответствующие изменения и в поведенческих проявлениях.

Механизмы формирования современной деструктивной реальности: социально-когнитивный аспект

Информация, поступающая через все источники и каналы СМИ в общество, никогда не бывает однозначной, но зачастую направлена на манипулирование общественным сознанием, т.е. внушение слушателю или наблюдателю установок, целей и мнений, продвигаемых манипулятором с помощью специально разработанных стратегий и тактик.

В то же время любая манипуляция – это разновидность психоэмоционального воздействия, она обладает скрытым характером и актуализируется максимально ненавязчиво для самого объекта манипулирования, чтобы считаться успешной и эффективной требует от манипулятора определенных навыков и мастерства.

Манипулятивное воздействие на мышление адресата не может быть рассмотрено нами как одностороннее влияние, так как манипуляция рассчитана на коммуникативное сотрудничество манипулятора и его непосредственной аудитории. Как отмечают Г. А. Копнина, О. Ю. Флисак и др., человек становится жертвой манипуляции только в том случае, если он выступает как ее соавтор и/или соучастник. Фактическая перестройка воззрений, намерений, настроения и цели, а также дальнейшие действия по новой программе в результате воздействия полученных сигналов свидетельствуют о том, что манипуляция состоялась (Копнина, 2012; Флисак, 2015). В противном случае появление сомнений, упрямства и бескомпромиссности демонстрирует защиту своей духовной программы и невозможности превращения в жертву манипуляции в дальнейшем (Копнина, 2012). Следовательно, успех манипулятивного воздействия во многом зависит от того, насколько образован и информирован адресат, насколько он готов анализировать полученную информацию и способен ли подвергнуть критике точку зрения манипулятора.

В целом, следует отметить, что в условиях постпандемии и политической нестабильности современной цифровой коммуникации присущи такие черты, как дистанцированность, смысловая неопределенность и фантомность.

Под дистанцированностью понимается обширный социокультурный разрыв в психологической, коммуникативной, профессиональной, социальной сферах представителей данного социума, сформированный в результате активной работы СМИ.

Смысловая неопределенность характеризуется фантомностью целого ряда репрезентантов медийного дискурса. Она основывается на том, что представленное суждение нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Фантомность в свою очередь объясняется поверхностными знаниями и опытом граждан. Как результат, информация, тщательно переработанная и видоизмененная, просачивается в массы в виде сенсации, не имеющей к реальному положению дел никакого отношения. Чем ниже уровень образования у аудитории, тем сложнее ей анализировать поступающую информацию, в результате чего ложные факты принимаются во внимание, искажая верный ход мысли. Именно поэтому адресату необходимо обладать высоким уровнем знаний, формировать собственные взгляды и убеждения для того, чтобы суметь в дальнейшем правильно проанализировать полученную информацию.

Манипулятивное воздействие в СМИ достигается различными стратегиями и тактиками, включающими в себя большое количество не только языковых, но и психологических приемов, регулярное обращение к социокультурным ценностям, дискредитацию соперника, саморекламу, представляющую объект в выгодном для него самом свете, и др. Так, стратегии дискредитации конкурентов, как правило, выявляются через критику оппонента, негативную оценку его достижений и будущих планов, указание на некомпетентность своих соперников, внушение реципиенту мысли о несостоятельности и бесперспективности продвигаемых идей и пр. В свою очередь в качестве саморекламы объект приписывает себе несуществующие достижения, строит ложные перспективы и дает обещания, которые не сможет сдержать в будущем.

В целом, следует отметить, что манипулятивные приемы и тактики определяют целый ряд речевых структур и оборотов, ориентированных на достижение конкретного манипулятивного воздействия. На наш взгляд, в этой связи следует обратить внимание на следующее расположение элементов манипулятивного воздействия, предложенное рядом авторов, таких как Н. Э. Гронская (2003), С. Г. Кара-Мурза (2003) и др.: 1) мотив, который может быть как внутренним, так и внешним,

субъективным или объективным, нацеленным на достижение конечного результата – повлиять и даже в корне изменить мнение и убеждения коммуникантов; 2) интенция, являющаяся, прежде всего, стремлением говорящего сделать общение максимально продуктивным, и суметь поделиться важнейшей информацией со своим адресатом; 3) стратегия, представляющая собой главную цель, которую ставит перед собой адресант (Кара-Мурза, 2003); 4) тактика, под которой принято понимать каждый шаг, каждое действие, предпринятое адресантом для актуализации выбранной им стратегии; 5) языковые и стилистические приемы, т.е. основной материал, реализуемый на всех уровнях языка и активно используемый адресантом (Гронская, 2005).

Одним из ярких примеров воздействия СМИ на общественное мнение, подверженное манипулированию, является формирование оценки миграционных процессов. Так, А. А. Михлин (2017) отмечает, что «столкнувшись с пагубными последствиями колоссальных миграционных потоков, буквально захлестнувших Европу в 2013–2016 гг., общественное мнение в европейских странах с благодушно-радостного резко сменилось на злобно-агрессивное» (Михлин, 2017. С. 5–14).

Таким образом, представляется очевидным то, что язык – это не только средство общения, но и средство манипуляции, активно используемое, прежде всего, в социально-политической сфере общества. В качестве примера прошлого века Ю. А. Золотарёва приводит распоряжение министерства пропаганды нацистской Германии, предписывающее называть погибших немецких солдат не «*gefallenen*» («*павшие*»), а «*ermordeten*» («*убитые*») с целью подчеркнуть злодейские намерения противника; при этом «*отступление*» следовало называть «*выравниванием линии фронта*» и т. д. (Золотарёва, 2011. С. 217–219). Кроме того, подобные примеры американского манипулирования хорошо известны во время войны во Вьетнаме, когда и появился термин «вьетнамский английский», которым называли язык публикаций о боевых действиях, насыщенный абсурдными эвфемизмами, типа: «*бомбардировку*» называли «*защитной реакцией*», «*полное уничтожение*» – «*умиротворением*», а «*обстрел своих по ошибке*» – «*дружественным огнем*» (Золотарёва, 2011. С. 217–219).

Подобные и другие виды манипуляции активизируются в условиях развития информационной среды. Отсутствие способов безопасного хранения, обновления и распространения информации способствует «широкому освещению деструктивных идеологических дискуссий, трактовок исторических событий, не соответствующих действительности, но дискредитирующих и ставящих под сомнение действия другого народа» (Агапова, 2021. С. 2–6).

Вместе с тем внедряются новые способы коммуникации и производства информации, контркультурные течения и прочие деструктивные элементы (Агапова, 2021. С. 2–6). Одним из деструктивных элементов следует считать контркультуру, которая может являться как естественной реакцией несогласия с теми или иными идеями, доминирующими в обществе или транслируемыми властью, так и искусственно создаваемым конструктом. Представители этого «особого типа субкультуры», как правило, отвергают ценности и нормы, господствующие в конкретном социуме, пытаясь отстаивать свою собственную альтернативную культуру (Агапова, 2021. С. 2–6).

Цифровой контент виртуальной реальности постепенно становится частью быта, речи, коммуникации и поведения социума. И здесь опасение вызывает и размытие границ между устной и письменной речью с примитивизацией последней или намеренным искажением лексем. Примером может послужить ставший популярным в начале 2000-х гг. так называемый «олбанский язык», подразумевающий, по замечанию О. В. Гореловой, У. Р. Кругловой и др., «употребление русского языка с фонетически почти верным, но орфографически нарочно неправильным написанием слов, частым употреблением ненормативной лексики и определенных штампов, характерных для сленгов» (Горелова, Круглова, 2022. С. 220–223), например: «*превед*», «*медвед*», «*узбагойся*», «*кросавчег*» и др.

Однако следует заметить, что популярный среди поколения миллениалов язык затрагивал только сферу интернет-коммуникации и почти не входил в употребление в разговорной речи. Но пришедшее на смену «олбанскому языку» обилие заимствований в речи поколения Z (например: «*агриться*», «*краиш*», «*кринж*», «*нуб(ик)*», «*пруф*», «*рилток*», «*рофлить*», «*чилить*», «*читер*», «*шеймить*», «*шипперить*» и пр.) задействует сферу не только интернет-коммуникаций, но и активно внедряется в повседневную разговорную речь, повсеместно транслируется популярными блогерами и музыкантами.

Принимая во внимание справедливое замечание В. Ф. Эрна о том, что «все заимствования и все научения от других национальных культур идут во благо ему, если находятся в гармонии с этим ритмом или претворяются им... различие ритмов, насильственно соединяемых, вызывает мучительные перебои. Эти перебои могут приводить к тяжелой трагедии» (цит. по: Стукалова, 2008), следует уточнить, что тревожность вызывает не наличие иностранных слов, а необоснованность и неумеренность, отсутствие разумного соотношения родной и заимствованной лексики. Кроме того, такая модная «причастность» к иноязычной сфере вовсе не

свидетельствует о высоком уровне знаний говорящих, а, скорее, наоборот, – иллюзорно компенсирует их незнание.

Кроме того, характерными чертами системы ценностей и образа жизни появившегося в эпоху глобализации и постмодернизма цифрового поколения Z являются: 1) замещение отношения к человеку как духовному существу, способному к свободному творению самого себя и пространства собственной жизни его опредмечиванием и овеществлением; 2) цифровые сервисы и инновационные технологии как неотъемлемая бытовая часть повседневной жизни; 3) предпочтение модных и престижных занятий, не требующих тяжелого физического труда; и т. д. (Агапова, 2021).

В этой связи неудивительно, что СМИ становятся базой для формирования картины мира, стереотипов, определенного типа мышления, восприятия социальной реальности и мироустройства нового поколения. Развлекательный видеоконтент, представляя собой, по сути, некую имитацию реальности, лишает своих реципиентов умения сопереживать, подменяет идеи, свойственные определенному историческому и логическому окружению, или же замещает их впечатлениями, эмоциями, симуляциями и т. п.

Таким образом, интерпретируя элементы реального мира, только частично отражающие реальность средства массовой информации задают определенный образ действительности, несомненно, оказывающий воздействие на жизнь общества в целом.

В настоящее время манипулятивные стратегии и тактики направлены, прежде всего, на создание и поддержание особого поля нервозности в обществе, что, в свою очередь, способствует снижению критического мышления и повышает внушаемость, а следовательно, и достижению цели манипулятора – превращение общества в управляемую массу, способную потреблять, а не размышлять.

Поколения, воспитанные в парадигме идеологии потребления и прагматизма, вышли на авансцену политической и экономической жизни государств, для которых единственно понятной и возможной является культура потребления. Трансформация духовных ценностей в этой связи тяготеет к полному секвестрованию в силу их неактуальности для человека-потребителя, обреченного на пассивность бытия. Это явление в современном мире является качественно новым, которое необходимо осмыслить и преодолеть для сохранения общества, культуры и государства. Другими словами, для сохранения собственной культуры и целостности государства необходимо разрушить создаваемый деструктивными каналами вымышленный мир, который призрачно походит на реальный, но избавляет индивида от сложных решений и рефлексии. В целом, картина мира вследствие манипулирования информацией формируется

таким образом, что преподносит извращенную реальность, которая при необходимости видоизменяется для новых потребностей.

В связи с этим, по мнению М. А. Бордакова, И. С. Шишкина и др., необходимо, прежде всего, обеспечить «информационную безопасность человека, общества и государства, не допустить концентрации власти в руках теневых сил и диктата их интересов посредством введения цензуры, которая способна обеспечить свободу мысли, а также идейной борьбы между отдельными лицами, группами и слоями» (Бордаков, 2015; Шишкин, 2019) общества и государства в целом.

Резюме

Таким образом, очевидно, что ни одно государство для сохранения своей целостности, территориальной и духовной, не способно обойтись без ряда ограничений. Манипулятивными технологиями создается новая, деструктивная реальность, а также происходит десциентизация научной среды, что не может не вызывать тревоги и необходимости противостоять данным негативным тенденциям.

Новая реальность середины XXI в. преподнесла человечеству новые «вызовы», когда духовно-нравственная составляющая современной цивилизации практически разрушена, отношение к человеку как таковому неоднозначно, европейская цивилизация вновь достает как манифест евгенические и европоцентристские идеи, подвергая сомнению само право на жизнь и существование государств и людей с иным образом мыслей, другой культурой, объявляя их изгоями и запрещая культурное наследие. Сложно предположить, в какой момент западная цивилизация прошла неверно точку бифуркации и вновь зашла в тупик, разделяя людей на «достойных существовать» и на нации и государства, не имеющие право на историю и культуру.

Всё это, на наш взгляд, дает повод для духовно-нравственной вакцинации общественного сознания с позиций традиционных культурных ценностей, укорененных в Российском культурном ядре. Именно через возрождение традиционной культуры, присущей русскому человеку как опоры, необходимо переосмыслить опыт тридцатилетнего калькирования индивидуализма, прагматизма и атомизма западной цивилизации, которое через средства массовой информации деформирует и уничтожает культурное ядро русской цивилизации, транслируя то, к чему надо стремиться человеку-потребителю, каким стандартам необходимо соответствовать (успешность, богатство, красота) при полном игнорировании духовной составляющей. Возможно, актуализация полемики, которая ведется сегодня в обществе, по возрождению и внедрению цензуры как охранительного механизма также является актуальной для сохранения территориальной и культурной целостности Российского государства.

Литература

Агапова Е. А. К проблеме культурных вызовов в современном российском обществе / Е. А. Агапова // Евразийский союз ученых. – 2014. – № 7-6(7). – С. 138–141. – EDN XGХОВН.

Агапова Е. А. Деструктивные «вызовы» современной цивилизации / Е. А. Агапова // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – Т. 89. – № 6. – С. 2–6. – DOI 10.18522/2070-1403-2021-89-6-2-6. – EDN OWIAAY.

Бордаков М. А. The dynamics of censorship traditions in Russian history / М. А. Бордаков // Преподавание истории в школе. – 2015. – № 9. – С. 69–73. – EDN THWKVR.

Горелова О. В. Компьютерный сленг в современной интернет-коммуникации / О. В. Горелова, У. Р. Круглова // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 1. – С. 220–223. – EDN VYEDGZ.

Гронская Н. Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием / Н. Э. Гронская // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение. – 2003. – № 1. – С. 220–231. – EDN HRNQXN.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза – [Изд. юбил., доп. послесл., имен. и предмет. указ.]. – Москва: Эксмо, 2008. – 862 с. – ISBN 978-5-699-10826-8.

Кирка А. В. Социально-сетевые коммуникации в политическом процессе современной России: специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Кирка Артем Викторович. – Москва, 2016. – 22 с. – EDN ZQHITJ.

Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учебное пособие / Г. А. Копнина. – 3-е изд. – Москва: Флинта, 2010. – 170 с. – ISBN 978-5-9765-0060-0. – EDN QUWAFI.

Новые вызовы и угрозы национальным интересам России в Средиземноморском регионе / А. А. Михлин, В. В. Молочный, С. Н. Охремчук [и др.] // Военная мысль. – 2020. – № 6. – С. 24-42. – EDN VYUMWL.

References

Agapova E. A. (2014) On the problem of cultural challenges in modern Russian society / E. A. Agapova // Eurasian Union of Scientists. – No. 7-6(7). – Pp. 138-141.

Agapova E. A. (2021) Destructive “challenges” of modern civilization / E. A. Agapova // Humanities and Social Sciences. – Vol. 89. – No. 6. – Pp. 2-6. – DOI 10.18522/2070-1403-2021-89-6-2-6.

Bordakov M. A. (2015) The dynamics of censorship traditions in Russian history / M. A. Bordakov // Teaching history at school. – No. 9. – Pp. 69-73.

Gorelova O. V. (2022) Computer slang in modern Internet communication / O. V. Gorelova, U. R. Kruglova // Modern pedagogical education. – No. 1. – Pp. 220-223.

Gronskaya N. E. (2003) Linguistic mechanisms of manipulation of mass political consciousness / N. E. Gronskaya // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: International Relations, Political Science, Regional Studies. – No. 1. – Pp. 220-231.

Kara-Murza S. G. (2008) Manipulation of consciousness / S. G. Kara-Murza – [Ed. jubilee, additional afterword, name and subject. decree]. – Moscow: Eksmo. – 862 p. – ISBN 978-5-699-10826-8.

Kirka A. V. (2016) Social network communications in the political process of modern Russia: specialty 23.00.02 “Political institutions, processes and technologies”: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences / Kirka Artem Viktorovich. – Moscow. – 22 p.

Kopnina G. A. (2010) Speech manipulation: a textbook / G. A. Kopnina. – 3rd ed. – Moscow: Flinta. – 170 p. – ISBN 978-5-9765-0060-0.

New challenges and threats to Russia's national interests in the Mediterranean region (2020) / A. A. Mikhlin, V. V. Molochny, S. N. Okhremchuk [et al.] // Military Thought. – No. 6. – Pp. 24-42.

Stukalova O. V. (2008) “National cultures as special pictures of the world”: methodological recommendations for the cycle of lessons in

Стукалова О. В. «Национальные культуры как особые картины мира»: методические рекомендации к циклу уроков в старших классах / О. В. Стукалова // Педагогика искусства. – 2008. – № 2. – С. 122-133. – EDN JUAMKX.

Флисак О. Ю. Имплицитность в рамках теории речевого воздействия / О. Ю. Флисак // Вестн БДПУ. – Серия 1. – Педагогика. Психология. Филология. – 2015. – № 3 (85). – С. 87–89.

Шишкин И. С. Информационная безопасность и цензура / И. С. Шишкин // Евразийский вестник. – 2019. – № 13. – URL: <http://www.e-journal.ru/besop-st2-13.html> (дата обращения: 07.01.2023).

Для цитирования: Агапова Е. А., Гущина Л. В. Механизмы формирования современной деструктивной реальности: социально-когнитивный аспект // Гуманитарий Юга России. – 2023. – № 1(59). – С. 224–234. DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.17 EDN PDUVOA

Сведения об авторах

Агапова Елена Анатольевна

Доктор философских наук, доцент, зав. кафедрой социальной философии Института философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет

344065, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепровский, 116, e-mail: eagarova@sfedu.ru

Гущина Людмила Викторовна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет

344010, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93, e-mail: lgushchina@sfedu.ru

high school / O. V. Stukalova // Pedagogy of art. – No. 2. – Pp. 122-133.

Flisak O. Yu. (2015) Implicitness in the framework of the theory of speech impact / O. Yu. Flisak // Vesti BDP. – Seriya 1. – Pedagogy. Psychology. Philology. – No. 3 (85). – Pp. 87-89.

Shishkin I. S. (2019) Information security and censorship / I. S. Shishkin // Eurasian Bulletin. – No. 13. – URL: <http://www.e-journal.ru/besop-st2-13.html> (date of application: 07.01.2023).

История статьи:

Поступила в редакцию – 01.12.2022

Получена в доработанном виде –
28.12.2022

Одобрена – 13.01.2023

Information about authors

Elena A. Agarova

Doctor of Philosophical Sciences, associate professor, Head of the Chair of Social philosophy, Institute of Philosophy, Social and Political Sciences, Southern Federal University

344010, Rostov-on-Don, 116 Dneprovsky Lane, e-mail: eagarova@sfedu.ru

Lyudmila V. Gushchina

Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Chair of English Theory and Practice, Institute of Philology, Journalism and Cross-cultural Communication, Southern Federal University

344010, Rostov-on-Don, Universitetsky lane, 93, e-mail: lgushchina@sfedu.ru

УДК 316.4.062

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.18

EDN QHRBVH

Тип статьи в журнале – научная

**МАССОВЫЙ СПОРТ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ
И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ**

**MASS SPORTS IN MODERN
RUSSIA: NEW CHALLENGES
AND PROMISING AREAS
OF DEVELOPMENT**

© 2023 г.

С. И. Самыгин*

© 2023

S. I. Samygin*

* Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия

* Rostov State Economic University (RINH),
Rostov-on-Don, Russia

Целью исследования является социологический анализ основных направлений развития массового спорта как социального института в современном российском обществе и определение условий для увеличения количества лиц, вовлеченных в массовую спортивно-оздоровительную деятельность.

Objective of the study is a sociological analysis of the main directions of the development of mass sports as a social institution in modern Russian society and the allocation of conditions for increasing the number of people involved in mass sports and recreational activities.

Методологическую базу исследования составляют принципы институционального и деятельностного подходов. В работе также применялись анализ материалов, полученных государственными статистическими органами, содержания нормативно-правовых актов, посвященных различным компонентам массового спорта, материалов отечественных средств массовой информации в области спорта и физической культуры, а также вторичный анализ данных всероссийских социологических исследований по проблемам развития массового спорта в современной России и формирования здорового образа жизни различных категорий населения страны.

Methodological basis of the research consists of the principles of institutional and activity approaches. The work also used the analysis of materials obtained by state statistical bodies, the content of normative legal acts on various components of mass sports, materials of domestic mass media in the field of sports and physical culture, as well as a secondary analysis of data from All-Russian sociological studies on the problems of mass sports development in modern Russia and the formation of a healthy lifestyle of various categories of the population countries.

Результатом исследования является положение, в соответствии с которым массовый спорт выступает в качестве важного

Research results is the position according to which mass sport acts as an important means of improving the health of individuals involved in

средства оздоровления вовлеченных в него индивидов, повышения их работоспособности, возможности эффективно адаптироваться к условиям постоянно меняющейся внешней среды, однако уровень вовлеченности представителей различных социально-демографических групп в массовые спортивные занятия является неравномерным и обусловлен факторами объективного и субъективного характера.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим научным изучением института массового спорта в современном российском обществе и определением перспективных путей и способов вовлечения взрослого населения нашей страны в деятельность спортивно-оздоровительного характера, реализуемую на регулярной основе.

Ключевые слова: социальный институт; спорт; массовый спорт; профессиональный спорт; здоровье; здоровый образ жизни; спортивно-оздоровительная деятельность; физическая культура.

it, increasing their efficiency, the ability to effectively adapt to the conditions of a constantly changing external environment, however, the level of involvement of representatives of various socio-demographic groups in mass sports is uneven and is due to objective and subjective factors.

Prospects of the study are related to the further scientific study of the institute of mass sports in modern Russian society and the identification of promising ways and means of involving the adult population of our country in sports and recreation activities carried out on a regular basis.

Keywords: social institute; sports; mass sports; professional sports; health; healthy lifestyle; sports and recreational activities; physical culture.

Введение

Актуальность изучения массового спорта обусловлена тем обстоятельством, что последний выступает в качестве важного средства оздоровления вовлеченных в него индивидов, повышения их работоспособности, возможности эффективно адаптироваться к условиям постоянно меняющейся внешней среды. В отличие от профессионального или так называемого «большого» спорта, в рамках которого в настоящее время достигаются высокие спортивные результаты, массовый спорт в принципе не ориентирован на значимые спортивные достижения или рекорды, стремление к которым нередко оборачивается утратой здоровья профессиональных спортсменов или спортсменов-олимпийцев. Само наименование «массовый спорт» предусматривает массовость деятельности спортивного характера для тех, кто им занимается, что исключает возможность его профессионализации. Такие спортсмены обыкновенно совмещают свою основную деятельность учебного или трудового характера с более или менее регулярными спортивными занятиями, которые осуществляются в свободное от базового вида активности время, становясь тем самым неотъемлемым компонентом досуга рассматриваемых индивидов. Если профессиональный спорт носит элитный характер, что во

многим обусловлено тем, что стать спортсменом-профессионалом на практике удастся лишь крайне незначительной части занимающихся спортом людей (речь идет о спортивной элите, представителям которой удастся зарабатывать деньги посредством участия в элитных состязаниях либо получать зарплату в профессиональном спортивном клубе или федерации), то массовый спорт отличается именно широкой доступностью, возможностью им заниматься, которой обладают представители различных социально-демографических групп, включая людей с ограниченными возможностями здоровья. Данные обстоятельства обуславливают авторский интерес к анализу массового спорта как социального института, который включает в себя различные виды физкультурно-спортивной деятельности, направленные на улучшение показателей здоровья населения, повышение качества жизни представителей различных возрастных групп.

Методологическую основу исследования составляют принципы институционального и деятельностного подходов. Так, ценность институционального подхода обуславливается тем обстоятельством, что он позволяет не только определить объективные показатели развития массового спорта, но и выделить субъективные составляющие, связанные с ценностными установками и ориентациями представителей различных социально-демографических групп в отношении спортивно-оздоровительной активности массового характера. В рамках деятельностного подхода массовый спорт рассматривается как специфическая разновидность оздоровительной деятельности, выступающей в качестве неотъемлемой составляющей образа жизни лиц, вовлеченных в рассматриваемую активность. В работе также применялись анализ материалов, полученных государственными статистическими органами, содержания нормативно-правовых актов, посвященных различным компонентам массового спорта, материалов отечественных средств массовой информации в области спорта и физической культуры, а также вторичный анализ данных всероссийских социологических исследований по проблемам развития массового спорта в современной России и формирования здорового образа жизни различных категорий населения страны.

Результаты

Практика показывает, что уровень вовлеченности различных групп населения в массовые спортивные занятия обусловлен факторами объективного и субъективного характера. К числу первых относятся возможности для массовой спортивной деятельности, которые создаются органами государственной власти и местного самоуправления, а также различными коммерческими и некоммерческими организациями. Речь идет, в

частности, о строительстве новых или модернизации старых спортивных объектов и сооружений, к которым традиционно относят стадионы, бассейны, физкультурно-спортивные комплексы, залы и т.д. В течение последних лет количество таких сооружений в Российской Федерации неуклонно росло, что сопровождалось повышением уровня доступности рассматриваемых объектов для населения (в идеале такая доступность должна быть шаговой, что предполагает возможность посещать их без существенных временных затрат). Так, в «Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» отмечается, что, к примеру, в период с 2015 по 2019 г. количество объектов спорта выросло с 282 тыс. до 292 тыс. единиц, количество городских и рекреационных объектов, приспособленных для занятий спортом, в 2019 году составило 30 тыс. единиц, а общая обеспеченность населения спортивной инфраструктурой достигла в 2019 году 56 процентов¹. На практике, однако, жители крупных городов и мегаполисов объективно имеют более благоприятные возможности для занятий спортом, если учитывать количество имеющихся в рассматриваемых типах поселений спортивных объектов и сооружений, по сравнению с представителями малых городов или сельских поселений. Здесь в то же время необходимо учитывать то обстоятельство, что многие эти сооружения используются для нужд профессионального спорта, что исключает их массовое использование, а в значительной части объектов (например, бассейнах, фитнес-центрах, залах и т.д.) соответствующие услуги предоставляются лишь за определенную плату, что ограничивает объективные возможности их получения представителями низкодоходных или малообеспеченных групп российского общества.

Коммерциализация вообще выступает в качестве одной из основополагающих тенденций развития спорта в целом, однако в течение ряда лет о коммерциализации говорили в основном применительно к профессиональному спорту, спорту высших достижений и т.д. (Болозин, 2020. С. 145). Однако процессы коммерциализации в настоящее время активно затрагивают и область массового спорта, что проявляется в уже отмеченной выше практике предоставления платных спортивных услуг, а также взимания стартовых взносов с участников массовых спортивных состязаний (отметим, что подобные практики отсутствовали не только в советский период, но и в первые постсоветские десятилетия в нашей стране). Разумеется, платные спортивные услуги являются нормой для

¹ Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 3081-р. – URL: www.publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.01.2023).

капиталистических государств, основанных на экономике рыночного типа, однако в отличие от тех же западноевропейских стран, где область массового спорта является коммерциализированной на протяжении длительного периода, в России уровень и качество жизни значительно уступают аналогичным западноевропейским показателям, что сужает возможность вовлечения в массовую спортивную деятельность для малообеспеченных и бедных граждан. Здесь необходимо учитывать и то обстоятельство, что в течение последнего десятилетия происходило снижение доходов россиян, уменьшение их покупательной способности, что не могло не отразиться на объективных материальных возможностях приобретения спортивных услуг коммерческого характера (последние тем более не относятся к числу основополагающих человеческих потребностей).

Деятельность спортивно-оздоровительного характера является значимой для представителей различных возрастных групп в плане положительного воздействия на показатели их здоровья, повышения уровня работоспособности, адаптации к условиям постоянно меняющейся внешней среды. Занятия физической культурой и спортом играют большую роль на стадии раннего детства или первичной социализации, а также отрочества и юности, однако не менее важны они и для взрослых людей, качество жизни которых напрямую зависит от уровня двигательной активности данных лиц, вовлеченности в массово-спортивную деятельность. Практика показывает, что показатели вовлеченности в рассматриваемую деятельность являются наиболее высокими у детей и молодежи: данные возрастные этапы совпадают со временем обучения индивидов в учебных заведениях различных уровней (Самыгин, Самыгин, 2015. С. 43–44). Помимо того, что в школах, техникумах и вузах существуют обязательные занятия по физической культуре, что уже предусматривает более или менее регулярную физическую активность, если не считать тех обучающихся, которые получают освобождение от физкультурных занятий по медицинским показаниям, в нашей стране существует достаточно обширная сеть детско-юношеских спортивных школ и секций. В последних существует возможность регулярно заниматься различными видами спорта за счет бюджетных средств, которые специально выделяются для содержания рассматриваемых учреждений (разумеется, процессы коммерциализации в настоящее время достаточно глубоко проникли и в область детского спорта, однако это не отменяет возможности заниматься некоторыми видами спорта абсолютно бесплатно, что позволяет отдавать своих детей в спортивные секции даже родителям с низкими доходами).

Совершенно по-другому складывается ситуация в сфере так называемого взрослого спорта, где практически отсутствует возможность

заниматься спортом в бесплатных секциях, а есть, напротив, большое количество коммерческих структур, готовых предоставить соответствующие услуги за определенную плату, что отсекает от этой сферы представителей малообеспеченных слоев российского общества. Количество лиц, вовлеченных в регулярные занятия физической культурой и спортом, резко сокращается после окончания обучения в учебных заведениях различных уровней, когда основной сферой жизнедеятельности представителей рассматриваемой возрастной группы становится трудовая или профессиональная деятельность. На данном этапе может происходить сокращение объемов свободного времени, поскольку основное внимание концентрируется на трудоустройстве, построении карьеры, достижении желаемого уровня материального благополучия. Представители рассматриваемой возрастной группы также могут быть ориентированы на построение собственных семей, брак, рождение и воспитание детей, что также может отнимать достаточно много времени и энергии, которые могли быть направлены на физкультурно-спортивную деятельность.

Статистические данные, представленные, в частности, в «Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года», свидетельствуют о резком сокращении числа лиц, занимающихся спортом, после окончания обучения и перехода россиян от молодого во взрослый или зрелый возраст. В целом, статистика показывает крайнюю неоднородность структуры занятий спортом по различным группам: если в возрастной группе от 3 до 29 лет в спортивную деятельность в тех или иных формах вовлечено подавляющее большинство населения (84 %), то в группе от 30 до 54 лет таковых уже оказалось менее трети (29 %), а в старшей группе от 55 до 79 лет всего 12 %¹. Данное обстоятельство указывает на необходимость активизации деятельности, направленной на вовлечение в регулярные физкультурно-спортивные занятия лиц старше тридцати лет. В настоящее время существуют разные предложения относительно того, как повысить уровень вовлеченности взрослого населения нашей страны в регулярные занятия физической культурой и спортом, в первую очередь, в оздоровительных целях. Так, несколько лет назад в Государственную думу Федерального собрания РФ вносился законопроект, в соответствии с которым предлагалось ввести в трудовое законодательство дополнительный перерыв для проведения физкультурно-спортивных занятий на работе без отрыва от производственного процесса. Несмотря на то, что данный законопроект не получил

¹ Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 3081-р. – URL: www.publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.01.2023).

поддержки в федеральном законодательном органе, сама идея представляется достаточно интересной и перспективной. Дело в том, что многие представители работающего населения нашей страны не имеют возможности заниматься спортом по причине высокой занятости и отсутствия достаточного количества свободного времени. Разумеется, далеко не во всех организациях существуют объективные возможности для проведения соответствующих занятий, поскольку это предусматривает необходимость оборудования спортивных залов, закупку инвентаря и т. д. В то же время государству следует поощрять те организации, которые готовы создавать у себя приемлемые условия для того, чтобы их работники могли заниматься физической культурой и спортом. Помимо этого, следует создавать малобюджетные спортивные площадки, расположенные в жилых районах, что даст возможность людям проводить там свободное время, осуществляя активность двигательного характера под руководством профессиональных инструкторов.

В настоящее время большую роль в вовлечении представителей различных возрастных групп в регулярные занятия физической культурой и спортом играют спортивные клубы или сообщества, которые объединяют единомышленников, связанных общим интересом к определенному виду спорта (Самыгин, Самыгин, 2020. С. 80–81). Данные сообщества дают людям возможность общаться, интересно и с пользой для здоровья проводить свое свободное время, организовывать совместные тренировки, спортивные состязания и т. д. Рассматриваемые структуры функционируют преимущественно за счет средств их участников, которые выплачивают членские взносы, финансируют проведение соревнований и других мероприятий, оплачивают услуги специалистов; органы государственной власти и местного самоуправления в настоящее время не оказывают практически никакой поддержки рассматриваемым структурам. В то же время им нередко требуется помощь лиц, способных профессионально и на высоком методическом уровне организовать тренировочный процесс, проводить соревнования, оказывать необходимую медицинскую и иную помощь. Такие специалисты в рассматриваемых спортивных сообществах, как правило, отсутствуют, что нередко приводит к негативным эффектам в виде травм и других последствий для здоровья отрицательного характера, возникающих по причине некорректно проводимых тренировок, чрезмерной нагрузки в рамках подготовки к соревнованиям и в процессе самих состязаний. На наш взгляд, структурные подразделения органов государственной власти и местного самоуправления, ответственные за физкультурно-спортивную работу с населением, призваны оказывать необходимую поддержку активно функционирующим в настоящее время

спортивным клубам и сообществам: речь идет о выделении профессиональных спортивных тренеров и инструкторов, помощи в проведении тренировок и состязаний, предоставлении необходимых для соответствующих занятий помещений, инвентаря, наградной атрибутики и т. д.

Заключение

Несмотря на высокую значимость деятельности, связанной со строительством новых и модернизацией действующих спортивных объектов и сооружений, все это не гарантирует высокий уровень вовлеченности представителей различных возрастных групп, и в том числе взрослого населения, в регулярные занятия физической культурой и спортом. Даже если свободные для посещения спортивные объекты будут находиться в шаговой доступности от мест постоянного проживания жителей различных типов поселений, они могут и не посещать их по причине отсутствия необходимой для этого мотивации. Как известно, положительный оздоровительный эффект от физкультурно-спортивных занятий может быть достигнут только в случае регулярного характера рассматриваемой активности. Однако регулярные занятия предусматривают наличие соответствующих установок и ориентаций у индивидов, устойчивый интерес к определенному виду спорта и готовность тратить свое свободное время на тренировки. Это интерес может быть сформирован посредством активной деятельности современных средств массовой информации, направленной на пропаганду и популяризацию спорта и здорового образа жизни. В настоящее время спортивное вещание на российских телевизионных каналах и других СМИ переживает определенный кризис вследствие введения санкций в отношении отечественного спорта, отстранения российских спортсменов от международных состязаний. Интерес к просмотру трансляций у зрителей закономерно снижается по причине отсутствия на крупнейших международных форумах звезд отечественного спорта. В то же время просмотр спортивных передач и ознакомление с другой информацией спортивного характера призваны мотивировать их зрителей и читателей на собственную спортивную активность. В связи с этим российским СМИ следует более активно транслировать внутренние российские соревнования с участием отечественных спортсменов, показывать массовые спортивные состязания и т. д. Потенциал отечественных СМИ, и в том числе современных электронных средств массовой коммуникации (Интернет, социальные сети), должен быть использован в целях популяризации массового спорта среди различных групп населения современного российского общества, вовлечения максимально возможного числа граждан в регулярные спортивно-оздоровительные занятия.

Литература

Болозин А. А. Институциональные барьеры доступности массового спорта для современной российской молодежи / А. А. Болозин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2020. – № 2(58). – С. 143–148. – EDN TDVENQ.

Самыгин С. И. Массовый спорт и его роль в социализации молодежи в современной России / С. И. Самыгин, П. С. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 5. – С. 42–45. – EDN TVUAVN.

Самыгин П. С. Особенности социализации современной российской молодежи в сфере спорта / П. С. Самыгин, С. И. Самыгин // Гуманитарий Юга России. – 2020. – Т. 9. – № 4. – С. 73–88. – DOI 10.18522/2227-8656.2020.4.6. – EDN JKOPVR.

Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 3081-р. – URL: www.publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.01.2023).

Для цитирования: Самыгин С. И. Массовый спорт в современной России: новые вызовы и перспективные направления развития // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 235–243.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.18
EDN QHPVBN

Сведения об авторе

Самыгин Сергей Иванович

Доктор социологических наук, профессор, кафедра финансового и HR-менеджмента, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, д. 69,
e-mail: samygin@gmail.ru

References

Bolozin A. A. (2020) Institutional barriers of accessibility of mass sports for modern Russian youth / A. A. Bolozin // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. – No 2(58). – Pp. 143-148.

Samygin S. I. (2015) Mass sport and its role in the socialization of youth in modern Russia / S. I. Samygin, P. S. Samygin // Humanities, socio-economic and social sciences. – No. 5. – Pp. 42-45.

Samygin P. S. (2020) Features of socialization of modern Russian youth in the field of sports / P. S. Samygin, S. I. Samygin // Humanities of the South of Russia. – 2020. – Vol. 9. – No. 4. – Pp. 73-88. – DOI 10.18522/2227-8656.2020.4.6.

Strategy for the development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation (2020) No. 3081-r dated November 24, 2020. – URL: www.publication.pravo.gov.ru (date of application: 18.01.2023).

История статьи:

Поступила в редакцию – 09.01.2023

Получена в доработанном виде –
31.01.2023

Одобрена – 03.02.2023

Information about author

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Financial and HR Management Rostov State University of Economics (RINH)

344002, Rostov-on-Don,
Bolshaya Sadovaya str., 69,
e-mail: samygin@gmail.ru

УДК 304.2

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.19

EDN QWMYFJ

Тип статьи в журнале – научная

**ПРОБЛЕМА КОНСЕНСУСА
ГОСУДАРСТВА
И ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА В РОССИИ:
СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОТИВОРЕЧИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**THE PROBLEM
OF CONSENSUS BETWEEN
THE STATE AND CIVIL
SOCIETY IN RUSSIA:
SOCIAL CONTRADICTIONS
AND PROSPECTS**

© 2023 г.

О. М. Шевченко*

Л. Л. Штофер**

© 2023

O. M. Shevchenko*

L. L. Shtofer**

* *Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,*

г. Ростов-на-Дону, Россия

** *Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

* *Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,*

Rostov-on-Don, Russia

** *Rostov State University of Economics,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования заключается в рассмотре-
нии социальных противоречий и перспектив в
развитии гражданского общества в России.

Objective of the study is to consider social con-
tradictions and prospects in the development of
civil society in Russia.

Методологическую базу составляют цивили-
зационный и неоинституциональный под-
ходы, а также положения теории граждан-
ского общества.

The methodological basis of the research con-
sists of civilizational and neoinstitutional ap-
proaches, as well as the provisions of the theory
of civil society.

Результаты исследования. В данной ста-
тье анализируются социальные противоре-
чия и перспективы развития гражданского
общества в России. Для успешного иннова-
ционного развития страны в равной мере не
подходят как попытки законсервировать па-
терналистскую модель отношений государ-
ство – общество, так и насадить исторически
чуждую России западно-либеральную мо-
дель. Путь России – это путь непростого
диалога между властью и обществом в целях
достижения их долгосрочного консенсуса.

Research results. This article analyzes social
contradictions and prospects for the develop-
ment of civil society in Russia. For the success-
ful innovative development of the country, both
attempts to preserve the paternalistic model of
state-society relations and to plant a Western
liberal model that is historically alien to Russia
are equally unsuitable. The path of Russia is the
path of an uneasy dialogue between the govern-
ment and society in order to achieve their long-
term consensus.

Перспективы исследования. Проблема отношений государства и гражданского общества представляет научный и практический интерес в связи с необходимостью развития гражданских институтов в России.

Prospects of the study. The problem of relations between the state and civil society is of scientific and practical interest in connection with the need to develop civil institutions in Russia.

Ключевые слова: гражданское общество; государство; монополизация власти; патерналистский тип отношений; правовое государство; инновационное развитие.

Keywords: civil society; state; monopolization of power; paternalistic type of relations; rule of law; innovative development.

Введение

Современная Россия сталкивается с многочисленными вызовами, источником которых являются как перманентные глобальные трансформации, так и внутренние процессы, затрагивающие политику, экономику, социальную сферу. Распад СССР повлек необходимость создания нового типа государственного образования, выстраивания внешне- и внутриполитических отношений, и, что особенно важно, – проведения реформ, призванных обеспечить инновационный характер развития страны в настоящем и будущем.

Исторически специфика любых преобразований (вне зависимости от содержательного наполнения) сводилась к тому, что российская власть принимала значимые решения, не требующие общественной поддержки. Основная причина – сложившийся патерналистский тип отношений между государством и обществом, который сохраняет свою устойчивость и в настоящее время. В силу того, что подобная модель на протяжении истории демонстрировала свою эффективность, политическая элита продолжает использовать ее и сегодня. Вопрос в том, в какой мере данная модель соответствует задачам, стоящим перед современной Россией, отражает произошедшие общественные трансформации, учитывает интересы различных социальных групп и слоев населения? Данная проблема требует серьезного анализа и побуждает обратиться к исследованию социальных противоречий, сложившихся между интересами политической элиты и общественными потребностями, а также перспектив развития гражданского общества в стране.

Методология и методы

Методологической основой научного исследования выступает цивилизационный подход (Бродель, 2008; Тойнби, 1991; Шпенглер, 1998), позволяющий выявить культурно-цивилизационные особенности формирования гражданского общества на Западе и в России.

В качестве методологии применяется неинституциональный подход (Норт, 1997), открывающий возможности для исследования

гражданского общества как социального института, структурирующего и регламентирующего общественные отношения.

В статье использованы положения теории гражданского общества, представленной в работах (Арато, 1995; Вебер, 2003; Грамши, 1980; Хайека, 2005), которые рассматривали институты гражданского общества в качестве социальных структур, обеспечивающих интересы людей и защищающих их от произвола государства.

Методологически концептуальными являются идеи русских мыслителей, придерживающихся консервативно-либеральных взглядов относительно специфики гражданского общества в России (Ильин, 1993; Струве, 1994; Франк, 1992; Чичерин, 1998).

Методологически значимыми для данного исследования являются социологические исследования проблем гражданского общества в России (Горшков, 2013; Тощенко, 2016) и социокультурный подход, разрабатываемый в работах (Бондар, Динес, 2008; Власова, 2009; Рябев, 2014).

Основные результаты

При решении данного вопроса в отечественном научном дискурсе сталкиваются позиции консерваторов и модернизаторов. Первые занимают охранительную позицию, исходя из того, что у России свой путь развития и ее благополучие заключается в поддержании и воспроизводстве имеющейся модели. Вторые настаивают на необходимости ее изменения путем придания большей самостоятельности обществу и установления паритета между государственными и гражданскими институтами.

Представляется, что взвешенный ответ должен базироваться на нескольких объективных факторах.

Во-первых, исходить из цивилизационной специфики России, которая, как известно, представляет симбиоз восточных и западных влияний, переплавленных в ходе исторического развития страны и обретших вполне самостоятельные формы. Возможно, главная среди них – амбивалентность, проявляющаяся одновременно в коллективистских и индивидуалистических ориентациях сознания; в подчиненности общества государству и их противостоянию, доходящему иногда до открытой конфронтации; в сакрализации государственной власти и стремлении в какой-то момент ее разрушить, в том числе посредством революционного насилия и т. д.

Во-вторых, учитывать вектор развития страны в течение длительного времени. Последние триста лет Россия, хотя и не всегда последовательно, шла по пути модернизации и усиления роли индивидуально-личностного начала в культуре, более тесно взаимодействовала с Западом, чем с Востоком, заимствуя у первого наиболее революционные политико-

экономические идеи. Петровские преобразования, идеология просветительства, реформы Александра II, революционное движение XIX в., завершившееся Революцией 1917 года, советский проект в целом, горбачевская перестройка и др., хотя и не без потерь, выводили страну на качественно новый уровень. И напротив, отставание начиналось в тот момент, когда страна становилась на путь изоляционизма и автаркии.

В настоящее время Россия в очередной раз стоит перед проблемой выбора пути. Однако наличная социально-политическая ситуация значительно отличается от предшествующих: если государство продолжает стремиться к сохранению монополии на власть, то общество перестает быть пассивным объектом. Несколько десятилетий, прошедших после крушения советского государства, привели к значительным трансформациям. В частности, российский социум начал проявлять не свойственную ему активность, демонстрировать способность к самоорганизации, а следовательно, к генезису гражданского общества и его институтов.

Попытки сегодняшней российской власти сблизиться с Китаем, по нашему мнению, обусловлены не только усилением конфронтации с Западом и поиском влиятельных союзников на Востоке, но и восхищением мощностью китайского государства, его первичностью по отношению к социуму, роднящие Россию и Поднебесную. Следует заметить, что несмотря на свою привлекательность восточный путь (прежде всего китайский), предполагающий самодавление государства, способного обеспечить рост экономики и социальную стабильность, вряд ли может быть использован в качестве модели развития современной России. Необходимо учитывать ряд принципиальных различий: а) в ментальности (китайский коллективизм и российский симбиоз коллективистско-индивидуалистических ориентаций с преобладанием в настоящее время последних); б) в культуре (незыблемость конфуцианских традиций для всех слоев китайского общества и широчайший диапазон ценностно-мировоззренческих установок российского социума); в) в общественном устройстве (культ семьи и межпоколенческое единство в Китае и ослабление семейных связей, все больший разрыв между возрастными группами в России); г) в понимании сущности государства (монолитная семья, состоящая из старших и младших членов – в Китае, и фетишизация государства в сочетании с запросом на государство как общественный договор, выражающее интересы различных социальных групп – в современной России).

Очевидно, что альтернативой восточному является западный путь развития государства, в котором позитивная трансформация политических и экономических институтов, а в равной мере и социальная стабильность во многом обеспечиваются активностью граждан и создаваемыми

ими общественными институтами, их прямым и опосредованным влиянием на власть. В этом случае инновационное развитие, прежде всего политико-экономическая модернизация, зависят от диалога власти и общества, выражения общественных умонастроений через деятельность государственных институтов.

Вопрос состоит в готовности как политического истеблишмента страны, так и российского общества принять и развивать данную модель, поскольку ей объективно препятствуют два взаимосвязанных фактора: исторически сложившийся авторитаризм политической власти и ее закономерное следствие – социальная пассивность, включающая гражданскую индифферентность.

Если путь дальнейшего развития России пока не определен, то позиции основных субъектов – государства и общества – на сегодняшний день выражены вполне отчетливо. Политическая элита стремится сохранить сложившуюся авторитарную модель управления государством, не склонна к полноценному диалогу с обществом, препятствует общественному контролю за своей деятельностью. В свою очередь в российском обществе возник запрос на создание правового государства и понимание взаимосвязи между становлением гражданского общества и его ролью в инновационном развитии страны. Результатом становится все более явное противоречие между стремлением государства к монополизации власти и вариативностью интересов различных социальных групп, составляющих российское общество.

Обозначившаяся проблема требует как теоретического осмысления, так и практических шагов по ее разрешению. Прежде всего речь идет об институциональных изменениях в наиболее значимых сферах жизни страны: политической и социально-экономической. Подобные изменения предполагают понимание важности институтов гражданского общества и их роли эффективного посредника между властными структурами и общественными интересами различных уровней: от индивидуально-личностного до уровня объединений граждан.

Косвенным подтверждением того, что гражданское общество в России находится в стадии генезиса, в настоящий момент лишено подлинного единства, является его «двукластерный» характер, из которых первый включает сферу социальных отношений, находящихся под эгидой государства, а второй – активное взаимодействие части российского общества с субъектами, находящимися за пределами РФ (Макарычев, 2008). Конфликтный характер отношений между кластерами обусловлен полярностью в понимании сущности гражданского общества, его целей и задач.

Более характерный для России национально-государственный подход усматривает в гражданском обществе «рупор» идей правящей власти, фактически тождество государства и общества при безусловном приоритете первого. Противоположный ему либеральный подход исходит из понимания гражданского общества как проводника интересов индивидов, социальных групп, общественных слоев, настаивает на необходимости экспортировать западную модель взаимодействия общества и государства.

Следует заметить, что заимствование готовой либеральной модели, формировавшийся на Западе в течение нескольких столетий, как показал российский постперестроечный опыт, способствовало не столько решению имевшихся проблем, сколько возникновению новых. Была проигнорирована объективная необходимость наличия соответствующих общественных институтов, навыков и привычек, определенных ценностно-мировоззренческих установок населения, формирование которых не происходит одновременно (Бусыгина, 2012).

Поскольку государство и гражданское общество не могут быть отождествлены, а представляют две различных, но взаимодополняющих начала в организации полноценного социального бытия, их отношения чрезвычайно важны. В современной России государство и гражданское общество лишь ищут точки соприкосновения, что крайне затруднено предшествующим опытом развития, в частности, отмеченном ранее радикальном способе модернизации постсоветской России на фоне крайне консервативного понимания роли политических институтов как властью, так и обществом; декларированием наиболее фундаментальных прав и свобод человека (жизнь, свобода, собственность и др.) при отсутствии их практической реализации; ментальностью современной политической элиты, основой которой выступает советское прошлое в сочетании с усиливающимися имперскими умонастроениями; недооценкой экономической составляющей и, напротив, переоценкой политико-идеологических оснований в развитии гражданского общества и др. Ситуацию усугубляют отсутствие понимания целей и задач формирующейся российской государственности, а также незрелость и разобщенность общества.

Результат закономерен – государство и гражданское общество в настоящий момент относятся друг к другу крайне настороженно, между социумом и властью отсутствует доверие, необходимое для консолидации усилий по выходу страны из серьезного кризиса и определению пути дальнейшего развития.

В серьезном реформировании и качественном обновлении нуждается система политического управления. Наличествующие политические институты архаичны и не отвечают общественному запросу на открытую

демократическую систему, реализацию принципа социальной справедливости, действенность правовых институтов. В течение нескольких десятилетий в стране сложилась принципиально иная, замкнутая, воспроизводящая себя и имеющая тенденцию к разрастанию псевдodemократическая, корпоративно-бюрократическая система. Последняя, не будучи подконтрольной гражданским институтам, принимает общезначимые решения келейно, освобождает себя и персонифицированных представителей власти от ответственности перед населением как за сами решения, так и за их последствия.

Объективно совершенствование политического управления возможно лишь при наличии не только прямой связи (власть – общество), но и связи обратной (общество – власть); диалогичной формы обсуждения возникающих проблем; появления институтов, способных эффективно контролировать деятельность власти, в частности, обеспечить «прозрачность» принимаемых ею решений; внедрения в современный политический процесс информационно-коммуникационных технологий и др.

Заключение

Вышесказанное свидетельствует о том, что пока интересы гражданского общества и государства в современной России существенно различаются. Подобное положение вещей нельзя признать удовлетворительным, поскольку власть, оторванная от общества, не понимающая его запросов, обслуживающая собственные интересы в конце концов, как свидетельствует исторический опыт, может лишиться легитимности. В свою очередь общество, не пытающееся искать пути взаимодействия с политическими институтами, добиваться осуществления своих прав, проведения необходимых реформ и др., отказывается от возможности стать вторым полноценным актором процесса инновационного развития страны.

Вопрос заключается в том, на какой основе может быть достигнут консенсус между государством и обществом, политическими и гражданскими институтами? Поскольку эскалация конфликта контрпродуктивна, ответ очевиден – это взаимовыгодное сотрудничество, построенное на рациональных основаниях. Первая и основная проблема – достижение социального согласия посредством диалога. Последний предполагает понимание участниками своей взаимозависимости и общности интересов: государство нуждается в поддержке общества ничуть не меньше, чем общество в государстве.

Государство заинтересованно во взаимодействии с гражданским обществом, поскольку его институты оптимизируют процесс самоорганизации граждан, облегчая функции органов власти. В результате действующая власть имеет дело не с атомарными индивидами, движимыми

разнообразными интересами, а с гражданскими объединениями, сплоченными на основе единых и внятных целей. Обретая через структуры гражданского общества постоянную связь с жизненными интересами населения, политическая власть может отслеживать изменения общественных настроений и действительно решать наиболее серьезные проблемы, угрожающие стабильности государства. В равной мере гражданское общество нуждается в поддержке государства, которое может создать условия для его эффективного функционирования, канализировать социальную активность гражданских объединений через легитимные способы их участия в решении наиболее значимых для общества вопросов.

Подводя итоги, можно прийти к следующему выводу. Для успешного инновационного развития страны в равной мере не подходят как попытки законсервировать патерналистскую модель отношений государство – общество, так и насадить исторически чуждую России западно-либеральную модель. Путь России – это путь непростого диалога между властью и обществом в целях достижения их долгосрочного консенсуса.

Литература

Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание – и направления для дальнейших исследований / А. Арато // Полис. Политические исследования. – 1995. – № 3. – С. 48–57. – EDN EQVRLX.

Бондар А. В. Об особенностях исследования гражданского общества в России / А. В. Бондар, В. А. Динес // Власть. – 2008. – № 12. – С. 1–8. – EDN KAQYLX.

Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Ф. Бродель; [пер. с фр.: Б. А. Ситников]; Гос. лит. музей. – Москва: Весь Мир, 2014. – 551 с. – ISBN 978-5-7777-0642-3.

Бусыгина И. М. Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски / И. М. Бусыгина, М. М. Филиппов; Фонд «Либеральная миссия». – Москва: Фонд «Либеральная Миссия», 2012. – 221 с. – ISBN 978-5-903135-33-2 : 800.

Вебер М. Политические работы, 1895–1919 = Gesammelte Politische Schriften, 1895-1919 / М. Вебер; [Пер. с нем. Б. М. Скуратова; Послесл. Т. А. Дмитриева]. – Москва: Праксис, 2003. – 421 с. – ISBN 5-901574-25-7 : 2000.

References

Arato A. (1995) The concept of civil society: ascent, decline and reconstruction – and directions for further research / A. Arato // Polis. Political studies. – No. 3. – Pp. 48-57.

Bondar A. V. (2008) On the peculiarities of the study of civil society in Russia / A. V. Bondar, V. A. Dines // Power. – No. 12. – Pp. 1-8.

Braudel F. (2014) Grammar of Civilizations / F. Braudel; [translated from French by B. A. Sitnikov]; State lit. the museum. – Moscow: The Whole World. – 551 p. – ISBN 978-5-7777-0642-3.

Busygina I. M. (2012) Political Modernization of the state in Russia: necessity, directions, costs, risks / I. M. Busygina, M. M. Fillipov; Liberal Mission Foundation. – Moscow: Liberal Mission Foundation. – 221 p. – ISBN 978-5-903135-33-2 : 800.

Weber M. (2003) Political works, 1895-1919 = Gesammelte Politische Schriften, 1895-1919 / M. Weber; [Trans. with him. B. M. Skuratova; Afterword by T. A. Dmitrieva]. – Moscow: Praxis. – 421 p. – ISBN 5-901574-25-7 : 2000.

Vlasova S. A. (2009) Cultural and historical context of the formation and formation of civil society in Russia / S. A. Vlasova // Bulletin of Tomsk State University. – No. 323. – Pp. 114-115.

Власова С. А. Культурно-исторический контекст становления и формирования гражданского общества в России / С. А. Власова // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 323. – С. 114–115. – EDN LHQRGH.

Горшков М. К. Гражданское общество и гражданское сознание в современной России / М. К. Горшков // Гуманитарий Юга России. – 2013. – № 1. – С. 12–22. – EDN RFRZDH.

Грамши А. Избранные произведения: [Пер. с ит. / А. Грамши; [Под общ. ред. И. В. Григорьевой и др. – Москва: Политиздат, 1980. – 422 с.

Ильин И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин; [Послесл. В. И. Кураева; Примеч. Р. К. Медведевой]. – Москва: Республика, 1993. – 430 с. – ISBN 5-250-01895-5.

Макарычев А. С. Гражданское общество в России: между государством и международным сообществом / А. С. Макарычев // Публичное пространство, гражданское общество и власть. Опыт развития и взаимодействия. Москва: РОССПЭН, 2008. – С. 19–30.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с. – (Современная институционально-эволюционная теория). – ISBN 5-88581-006-0. – EDN YQDVYE.

Рябев В. В. Гражданское общество: утопия или реальность / В. В. Рябев // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. – 2014. – Т. 17. – № 4. – С. 747–752. – EDN TBQGGL.

Струве П. Б. О мере и границах либерального консерватизма / П. Б. Струве // Полис. Политические исследования. – 1994. – № 3. – С. 131–134. – EDN EQVQTL.

Тойнби А. Дж. Постигание истории / Пер. с англ. А. Дж. Тойнби; Сост. А. П. Огурцов; Вступ. ст. В. И. Уколовой; Заключ. ст. Е. Б. Рашковского; [Авт. коммент. Д. Э. Харитонович, Н. И. Кольшикина]. – Москва: Прогресс, Б. г. (1990). – 730 с. – ISBN 5-01-001638-0.

Тощенко Ж. Т. Гражданское общество как объект социологии жизни / Ж. Т. Тощенко // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 21. – № 5. – С. 50–62. – EDN WMMWQF.

Gorshkov M. K. (2013) Civil society and civic consciousness in modern Russia / M. K. Gorshkov // Humanities of the South of Russia. – No. 1. – Pp. 12-22.

Gramsci A. (1980) Selected works: [Transl. from it. / A. Gramsci; [Under the general editorship of I. V. Grigorieva et al. – Moscow: Politizdat. – 422 p.

Ilyin I. A. (1993) The Path to evidence: / I. A. Ilyin; [Afterword by V. I. Kuraeva; Note by R. K. Medvedeva]. – Moscow: Republic. – 430 p. – ISBN 5-250-01895-5.

Makarychev A. S. (2008) Civil society in Russia: between the state and the international community / A. S. Makarychev // Public space, civil society and power. The experience of development and interaction. – Moscow: ROSSPEN. – Pp. 19-30.

North D. (1997) Institutes, institutional changes and the functioning of the economy / D. North. – Moscow: Foundation of the Economic Book “Beginnings”. – 180 p. – (Modern institutional and evolutionary theory). – ISBN 5-88581-006-0.

Ryabev V. V. (2014) Civil society: utopia or reality / V. V. Ryabev // Vestnik MSTU. Proceedings of the Murmansk State Technical University. – Vol. 17. – No. 4. – Pp. 747-752.

Struve P. B. (1994) On the measure and limits of liberal conservatism / P. B. Struve // Polis. Political studies. – No. 3. – Pp. 131-134.

Toynbee A. J. (1990) Comprehension of History Translated from English / A. J. Toynbee; Comp. A. P. Ogurtsov; Introduction by V. I. Ukolova; Conclusion by E. B. Rashkovsky; [Author's comment by D. E. Kharitonovich, N. I. Kolyshkina]. – Moscow: Progress, B. G. (1990). – 730 p. – ISBN 5-01-001638-0.

Toshchenko Zh. T. (2016) Civil society as an object of the sociology of life / Zh. T. Toshchenko // Humanities of the South of Russia. – Vol. 21. – No. 5. – Pp. 50-62.

Frank S. L. (1992) Spiritual foundations of society / S. L. Frank; Comp. and auth. introduction by art. P. V. Alekseev. – Moscow: Republic. – 510 p. – ISBN 5-250-01494-1.

Hayek F. A. (2012) The Road to Slavery / F. A. Hayek; [transl. from English by M. Gnedovsky]. – Moscow: Astrel: Polygraphizdat. – 317 p. – ISBN 978-5-271-42045-0.

Франк С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк; Сост. и авт. вступ. ст. П. В. Алексеев. – Москва: Республика, 1992. – 510 с. – ISBN 5-250-01494-1.

Хайек Ф. А. Дорога к рабству / Ф. А. Хайек; [пер. с англ. М. Гнедовского]. – Москва: Астрель: Полиграфиздат, 2012. – 317 с. – ISBN 978-5-271-42045-0.

Чичерин Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин; [Вступ. ст. И. Д. Осипова, с. 3–18]. – Санкт-Петербург: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 1998. – 654 с. портр. – ISBN 5-02-026784-8.

Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер; Пер. с нем., вступ. ст. и прим. К. А. Свасьяна. – Москва: Мысль, 1993. – 606 с. – ISBN 5-244-00656-8.

Для цитирования: Шевченко О. М., Штофер Л. Л. Проблема консенсуса государства и гражданского общества в России: социальные противоречия и перспективы // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 244–253.

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.19
EDN QWMYFJ

Сведения об авторах

Шевченко Ольга Михайловна

Доктор философских наук, профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 160,
e-mail: olgashv2007@yandex.ru

Штофер Людмила Львовна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, д. 69,
e-mail: Filosofiya327@yandex.ru

Chicherin B. N. (1998) Philosophy of Law / B. N. Chicherin; [Introduction by I. D. Osipova, Pp. 3-18]. – St. Petersburg: Nauka: St. Petersburg Publishing house firm. – 654 p. portr. – ISBN 5-02-026784-8.

Spengler O. (1993) The Decline of Europe: Essays on the morphology of world history / O. Spengler; Trans. from German, introductory article and note by K. A. Svasyan. – Moscow: Mysl. – 606 p. – ISBN 5-244-00656-8.

История статьи:

Поступила в редакцию – 20.12.2022

Получена в доработанном виде –
24.01.2023

Одобрена – 27.01.2023

Information about authors

Olga M. Shevchenko

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

344006, Rostov-on-Don,
Pushkinskaya str., 160,
e-mail: olgashv2007@yandex.ru

Lyudmila L. Shtofer

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Culturology, Rostov State Economic University (RINH)

344002, Rostov-on-Don,
Bolshaya Sadovaya str., 69,
e-mail: Filosofiya327@yandex.ru

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

EDN TILQUU

14 февраля свой 80-летний юбилей отмечает доктор философских наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия Игорь Павлович Чернобровкин.

Игорь Павлович Чернобровкин родился в 1943 году в г. Пенза.

По окончании факультета иностранных языков Ростовского педагогического института в 1965 году по распределению работал учителем иностранного языка в Родионово-Несветайском районе. С 1967 по 1970 г. был лаборантом кафедры философии, а с 1971 по 1974 г. обучался в аспирантуре Ростовского педагогического института по специальности «философия». Там же в 1971 г. организовал социологическую лабораторию, где занимался проблемами социального развития коллективов предприятий и в результате в 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социально-психологическая атмосфера производственного коллектива».

В 1987 г. перешел работать в Ростовский государственный университет (философский факультет). В 2005 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Этнонациональный конфликт: природа, типы и социальный контроль» и начал свою деятельность на вновь организованной кафедре конфликтологии социологического факультета. И. П. Чернобровкин являлся членом двух диссертационных советов – по философским и социологическим, а также по политическим наукам, членом экспертной группы Распределительного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем РФ. Лауреат Всероссийского конкурса на лучшую научную

книгу 2007 г. (Фонд развития отечественного образования). Награжден Почетной грамотой Минобрнауки РФ (2017 г.).

Автор более 200 научных и научно-методических публикаций. Область научных интересов: этнонациональные и этноконфессиональные конфликты, вигилентные конфликты, технологии профилактики экстремизма и терроризма, миротворческий контроль внутригосударственных конфликтов, спойлерное конфликтное управление.

Редакция журнала «Гуманитарий Юга России» сердечно поздравляет Игоря Павловича с юбилеем и желает ему крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых творческих достижений!

EDN TJPCLE

23 января 70-летний юбилей отмечает доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры истории зарубежной и отечественной философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, заместитель председателя диссертационного совета ЮФУ801.03.02 по философским наукам Елена Всеволодовна Золотухина-Аболина.

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна родилась в 1953 году. В 1975 году окончила философский факультет Ростовского государственного университета. В 1980 году защитила кандидатскую диссертацию «Философия как теоретическое самосознание», а в 1988 году – докторскую диссертацию «Рациональные и ценностные регулятивы сознания» по научной специальности 09.00.01 – диалектический и исторический материализм.

Профессиональный путь преподавателя начала в 1975 году. В 1975–1977 гг. – ассистент кафедры философии Ростовского государственного университета; 1977–1980 гг. – аспирант кафедры философии РГУ; с 1981 г. – доцент кафедры философии РГУ; с 1987 по 1988 г. – старший научный сотрудник РГУ, затем – доцент кафедры истории философии философского факультета РГУ; с 1990 г. по настоящее время – профессор кафедры истории зарубежной и отечественной философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (с 2001 по 2006 г. заведовала кафедрой истории философии).

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна является автором более 160 научных работ в области философской антропологии (экзистенциальные проблемы), философии эзотеризма, этики, методологических проблем гуманитарных наук.

Редакция журнала «Гуманитарий Юга России» сердечно поздравляет Елену Всеволодовну с юбилеем и желает ей крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых творческих достижений и побед!

EDN UHQPVI

11 марта 70-летний юбилей отмечает доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, член редакционного совета журнала «Гуманитарий Юга России», специалист в области истории социологии, теории и методологии социологических исследований, а также социологии молодежи и общественного мнения Лариса Григорьевна Титаренко.

Лариса Григорьевна Титаренко родилась 11 марта 1953 года в Минске. В 1975 г. с отличием закончила отделение философии исторического факультета Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. За отличную учебу и активное участие в общественной жизни университета была удостоена стипендии имени К. Маркса. С 1975 по 1978 г. обучалась в аспирантуре по кафедре философии гуманитарных факультетов, защитив в срок кандидатскую диссертацию «Идеологические функции концепции “технологического детерминизма”: критический анализ» по специальности 09.00.01 – диалектический и исторический материализм.

Работала в секторе прикладной социологии при кафедре философии Белорусского государственного университета, где в 1980 г. прошла по конкурсу на должность доцента. С открытием в 1989 г. кафедры социологии была переведена доцентом на вновь образованную кафедру. С 1989 по 1992 г. продолжила обучение в докторантуре, которую завершила защитой в декабре 1992 г. диссертации «Технократическое сознание: теоретико-методологический аспект» на соискание ученой степени доктора

социологических наук по специальности 22.00.01 – теория, методология и история социологии.

В марте 1993 г. Ларисе Григорьевне была присуждена ученая степень доктора социологических наук, а в 1995 г. присвоено ученое звание профессора. С мая 1993 г. работает на кафедре социологии Белорусского государственного университета в должности профессора. Общий стаж работы в БГУ составляет 50 лет, стаж педагогической работы составляет 42,5 года.

Профессор Л. Г. Титаренко на высоком научном и методическом уровне читает лекции, проводит семинарские занятия, работает по подготовке специалистов высшей квалификации, творчески выполняет большую учебную и методическую нагрузку. В настоящее время читает курсы «История русской социологии», «Современная зарубежная социология», «Социология общественного мнения» для студентов первой ступени обучения, «Гендерные исследования» и «Новые тенденции в развитии социологической теории» для магистратуры. В последние годы активно работает с иностранными магистрантами факультета, обучающимися на английском языке по специальности «коммуникация».

Ее научные интересы находятся в русле развития теории, методологии и истории социологии, а также социологии образования, молодежи, труда, города, культуры, цифровой трансформации. Лариса Григорьевна – автор первого в Беларуси учебного пособия по гендерной социологии. Является автором и соавтором более 600 научных и учебно-методических работ на восьми языках, в том числе более 10 учебников и учебных пособий по социологии, 15 индивидуальных монографий, трех хрестоматий, статей в энциклопедиях и словарях. Пользуется заслуженным авторитетом среди научной общественности, коллектива университета, студентов.

Л. Г. Титаренко включена в подготовку научно-педагогических кадров. В настоящее время, под ее руководством защитились 15 кандидатов наук.

Профессор Л. Г. Титаренко – известный в мире ученый, участник многих международных научных конгрессов по социальным наукам, научно-исследовательских проектов, является членом Международной социологической ассоциации, Международного Института социологии, Международного общества социологов религии, почетный член Нидерландского института по социальным и гуманитарным наукам и Международного общества образования. Член редколлегии трех отечественных и шести зарубежных научных журналов. Является международным членом Совета образовательных программ по социологии Санкт-Петербургского

государственного университета, международным экспертом агентства АККОРК.

Профессор Л. Г. Титаренко – Лауреат премии Белорусского государственного университета в области социальных и гуманитарных наук имени В. И. Пичеты (2009), заслуженный работник БГУ (2013), награждена медалью Ф. Скорины (2019) за большие научные и исследовательские успехи.

Редакция журнала «Гуманитарий Юга России» от души поздравляет Ларису Григорьевну с юбилеем и желает ей здоровья, добра, благополучия, оптимизма и гармонии!

EDN ULQINF

13 марта свой 70-летний юбилей отмечает российский ученый, видный общественный деятель Адыгеи, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор социологических наук, профессор Рашид Думаличевич Хунагов.

Рашид Думаличевич Хунагов родился 13 марта 1953 года в ауле Эдепсукай Теучежского района Краснодарского края. В 1975 году окончил Таганрогский радиотехнический институт, освоив специальность «инженер электронной техники». Профессиональный путь начал с должности инженера-конструктора в Майкопском филиале Московского конструкторско-технологического бюро. С 1979 по 1991 г. занимался организационно-партийной работой. С 1992 по 1996 г. являлся министром, управляющим делами администрации Президента и Кабинета министров Республики Адыгея.

В 1993 году защитил кандидатскую диссертацию «Политическая субъективность: социально-философский анализ». В 1996 году защитил диссертацию «Проблема рациональности в политике и управлении» на соискание ученой степени доктора социологических наук по специальности 09.00.11 – социальная философия.

С 1996 по 2019 г. являлся ректором Адыгейского государственного университета. В настоящее время – директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета. Является профессором кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета.

Профессиональный и творческий путь Р. Д. Хунагова неразрывно связан с научно-исследовательской деятельностью в области социальной философии, социологии образования, социологии управления, политологии, этнологии, региональной экономики, геоинформационных технологий.

Р. Д. Хунагов в течение многих лет является руководителем научной школы «Разработка геоинформационной системы устойчивого развития региона», в рамках которой создана цифровая интеллектуальная модель геопространства региона, обеспечивающая эффективный инструментарий для внедрения инноваций в региональном управлении, для оценки ресурсно-экологического потенциала, моделирования и прогнозирования природных и социально-экономических процессов.

Более 20 лет Рашид Думаличевич возглавляет диссертационный совет по социологии культуры. Является автором около 200 научных и учебно-методических работ. Под руководством Р. Д. Хунагова защищено 3 докторских и 14 кандидатских диссертаций.

Рашид Думаличевич является Почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации, академиком – иностранным членом Сербской Академии образования, имеет звания Заслуженного деятеля Кубани, Почетного доктора Института социологии РАН, Абхазского государственного университета и Южного федерального университета. Награжден медалями «Слава Адыгеи», Почетным знаком Государственного Совета-Хасэ Республики Адыгея «Закон. Долг. Честь», «За выдающийся вклад в развитие Кубани», Почетной серебряной медалью В. И. Вернадского, медалью биографических исследований Кембриджа «Профессиональный лидер», серебряной медалью им. П. Сорокина «За вклад в развитие отечественной социологии», почетным званием «Отличник образования Монголии»; является кавалером ордена «Святой Софии», лауреатом Европейской премии Сократа, лауреатом Американской премии «Золотой сертификат качества» и др. В 2012 году был награжден знаком «Ректор года».

Юбиляра связывает длительная история академического сотрудничества с Институтом по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Ростовского государственного университета и Институтом социологии и регионоведения Южного федерального университета, где Рашид Думаличевич снискал любовь и уважение друзей и коллег.

Редакция журнала «Гуманитарий Юга России» сердечно поздравляет Рашида Думаличевича с юбилеем и желает ему безупречного здоровья, творческого энтузиазма и благополучия.

EDN UXWUFF

23 января 65-летний юбилей отмечает доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, председатель диссертационного совета ЮФУ801.03.04 Александр Викторович Дятлов.

Александр Викторович Дятлов родился 23 января 1958 года в городе Ростове-на-Дону. В 1978 году окончил Ростовский государственный педагогический институт с присвоением квалификации «Учитель математики». В 1982 году получил инженерное образование в Одесском электротехническом институте связи. В 1997 году получил диплом юриста Ростовского государственного университета; в 2001 году – диплом топ-менеджера Академии народного хозяйства при Правительстве РФ.

С 1979 по 1981 г. служил в Советской Армии.

Профессиональный путь начал с рядового слесаря по ремонту электрооборудования и дошел до генерального директора ОАО «РИКОС».

В 2001 году защитил кандидатскую диссертацию «Социальные ресурсы экономической безопасности РФ» по социологическим наукам в Ростовском государственном университете. В 2005 году защитил диссертацию «Социальные ресурсы развития российского общества» на соискание ученой степени доктора социологических наук по специальности 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы.

С 2007 года и по настоящее время работает в Южном федеральном университете. Заведует кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного

федерального университета. Является председателем диссертационного совета ЮФУ801.03.04 по социологическим наукам, а также главным редактором научного журнала «Caucasian Science Bridge». Выиграл и успешно реализовал грант Российского фонда фундаментальных исследований «Институт сити-менеджмента в современной России: административная и общественная состоятельность (на примере муниципальных образования Южного федерального округа)».

Является автором свыше 120 научных статей, монографий, учебников и учебно-методических пособий по социологии, регионоведению и менеджменту, а также монографии, опубликованной в зарубежном издательстве, и ряда научных статей в журналах, входящих в международные базы данных Scopus и Web of Science. Подготовил 7 кандидатов философских и социологических наук. Является членом редакционных коллегий журналов «Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология» и «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки».

Редакция журнала «Гуманитарий Юга России» поздравляет Александра Викторовича с юбилеем и желает ему здоровья, неиссякаемой жизненной и творческой энергии, оптимизма и благополучия.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала. К публикации принимаются работы, ранее нигде не опубликованные.

Рекомендуемый объем статьи – 1 авторский лист (40 тыс. знаков с пробелами, или 18–20 страниц машинописного текста).

Текст статьи должен быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см.

Рекомендуемое количество источников в списке литературы – 20–25. 40 % из них – иностранные источники.

Языки публикаций: русский, английский.

Информация на русском языке

Название статьи
Фамилия, имя, отчество автора (полностью) Научная степень, звание, должность E-mail: Тел.
Аффилиация <i>Название организации</i> <i>Город</i> <i>Страна</i>
Аннотация (<i>объем от 200 до 300 слов</i>) <i>Содержит информацию о предпосылках исследования, цели, структуре, методах, выводах и предположение о дальнейшей работе</i>
Ключевые слова <i>Ключевые слова разделяются точкой с запятой</i>
Основные положения <i>Отражают ключевые результаты исследования, основное содержание статьи, изложенные тезисно и оформленные в виде 3–5 пунктов маркированного списка</i>

Информация на английском языке

Название статьи на английском языке
Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке Научная степень, звание, должность E-mail: Тел.
Аффилиация на английском языке <i>Название организации</i> <i>Город</i> <i>Страна</i>
Аннотация на английском языке (<i>объем от 200 до 300 слов</i>) <i>Содержит информацию о предпосылках исследования, цели, структуре, методах, выводах и предположение о дальнейшей работе</i>

Ключевые слова на английском языке

Ключевые слова разделяются точкой с запятой

Основные положения на английском языке

Отражают ключевые результаты исследования, основное содержание статьи, изложенные тезисно и оформленные в виде 3–5 пунктов маркированного списка

Статья должна быть написана в соответствии с международным форматом **IMRaD** (Introduction, Methods, Results, and Discussion).

Каждый раздел статьи отвечает на определенные вопросы.

Введение (Introduction)	Какой проблеме посвящено исследование? Введение должно определять суть проблемы (о чем именно идет речь), указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования
Методы (теоретические основы) (Materials and Methods (Theoretical basis))	Как изучалась проблема?
Результаты (Results)	Каковы основные результаты? Результаты исследования, без интерпретаций
Обсуждение (Discussion)	Что означают полученные результаты? Интерпретация результатов исследования и других связанных с ним материалов. Значение наблюдаемого мнения для цели исследования
Заключение (Conclusion)	Обобщите результат и его значение, последствия и практическое применение исследования, рекомендации
Благодарности (Acknowledgments)	Не обязательно
Список использованных источников (References)	На русском и английском языках

Требования к оформлению ссылок и списка литературы

В тексте источник указывается в круглых скобках (фамилия первого автора, год выхода).

Например, (Слаутер, 1996. С. 34) или (Acemoglu, 2003. P. 630).

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Список литературы

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском, украинском и английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках – после литературы на русском языке.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту.

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Маршак А.Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.

СТАТЬИ

Герасимов Г.И. Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>.

ДИССЕРТАЦИЯ

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева Л. А. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин С.Л. К проблеме маргинальности и культуры в современной России // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в. : материалы всероссийской научной конференции. СПб.: Интерсоцис, 2008. 224 с.

Оформление русскоязычной литературы в REFERENCES

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок

в АРА-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Транслитерация русскоязычных названий должна производиться на основе транслитерационного стандарта **BGN**.

Рекомендуем авторам воспользоваться ресурсом <http://www.transliteration.com/transliteration/en/russian/bgn-pcgn/> для перевода русскоязычного текста на латиницу:

- авторы (транслитерация);
- год (в круглых скобках);
- перевод названия работы;
- название русскоязычного источника (транслитерация курсивом);
- выходные данные с обозначениями на английском языке (город, издательство).

Пример оформления списка – REFERENCES

КНИГИ

Автор (год издания). *Заглавие*. Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ. (in Russian).

СТАТЬИ

Автор (год издания). *Заглавие*. *Название журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005). Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 4, 84-96. (in Russian).

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие (год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (год издания). *Заглавие*. (Doctoral Dissertation, университет, город).

Lubsky, R. A. (2015). Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, specifics of development. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (год издания). *Заглавие*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство.

Belyaeva, L.A. (2005). Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (год издания). *Заглавие* // Название конференции: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). To the problem of marginality and culture in modern Russia // Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX – beginning of the XXI century: *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Свободная цена
Фотоматериалы из открытых источников
Возрастная категория 16+

Сдано в набор 22.02.2023. Подписано в печать 27.02.2023

Дата выхода в свет 27.02.2023

Печать цифровая, гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 21,94. Уч.-изд. л. 16,41

Формат 70×100 ¹/₁₆. Тираж 500 экз. Заказ № 8943

Издатель ООО «ОМЕГА-ПРЕСС»

344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Мясникова, 54/34/41,

тел. 8 (863) 219-97-25

Отпечатано в Отделе полиграфической, корпоративной
и сувенирной продукции Издательско-полиграфического

комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ

344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1,

тел. (863) 243-41-66